ВЛАДИМИР БЕШАНОВ

1945

Год ПоБЕДЫ

Владимир Бешанов

1945. Год поБЕДЫ

Серия «10 проклятых вопросов о Великой отечественной войне» Серия «Великая Отечественная война. Особое мнение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2150325
Владимир Бешанов. 1945. Год поБЕДЫ: Яуза-пресс; Москва; 2011
ISBN 978-5-00155-190-4

Аннотация

Эта книга завершает 5-томную историю Великой Отечественной войны от Владимира Бешанова. Это – итог 10-летней работы по переосмыслению советского прошлого, решительная ревизия военных мифов, унаследованных от сталинского агитпропа, бескомпромиссная полемика с историческим официозом. Это – горькая правда о кровавом 1945-м, который был не только годом Победы, но и БЕДЫ – недаром многие события последних месяцев войны до сих пор обходят молчанием, архивы так и не рассекречены до конца, а самые горькие, «неудобные» и болезненные вопросы по сей день остаются без ответов: Когда на самом деле закончилась Великая Отечественная война? Почему Берлин не был взят в

феврале 1945 года и пришлось штурмовать его в апреле? Кто в действительности брал Рейхстаг и поднял Знамя Победы? Оправданны ли огромные потери советских танков, брошенных в кровавый хаос уличных боев, и правда ли, что в Берлине сгорела не одна танковая армия? Кого и как освобождали советские войска в Европе? Какова подлинная цена Победы? И кто на самом деле победил во Второй Мировой войне?

Содержание

ЧУДО ПОБЕДЫ 5
НА БЕРЛИН! ПЕРВАЯ ПОПЫТКА 31
Висло-Одерская операция 43
Восточно-Прусская операция 169
Конец ознакомительного фрагмента. 198

Владимир Бешанов
1945. Год поБЕДЫ

«Бой кремлевских курантов в Москве возвестил начало года 1945-го.

Этот Новый год мы встречали как год наступающей победы. Ни у кого не было сомнений, что именно в этом году война завершится полным разгромом гитлеровской армии, полным освобождением порабощенных народов Европы. Близился час, которого вот уже несколько лет с нетерпением ждали все советские люди, час вступления наших войск на территорию захватчиков».

Маршал В.И. Чуйков

«Потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его».

Фельдмаршал М.И. Кутузов

ЧУДО ПОБЕДЫ

В условиях патриотического подъема, раздуваемого в связи с 65-летней годовщиной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, все чаще, и притом с самых высоких трибун, звучат обещания и указания не допустить переписывания истории. Когда политики говорят об истории,

которую они считают одним из разделов «Справочника агитатора и пропагандиста», становится неловко: почему бы им не блеснуть познаниями астрофизики или квантовой механики?

И в очередной раз хочется спросить: «Разве есть что переписывать?»

Перелистаем учебник, изданный в 2009 году в Москве. Учебник написан «с учетом современного уровня исторической науки» и рекомендован Министерством образования и профессионального обучения Российской Федерации для студентов, аспирантов и преподавателей вузов:

«Война доказала превосходство социалистического строя над капиталистическим во всех областях. Морально-политическое единство советских людей, патриотизм, дружба народов СССР, справедливые цели войны породили массовый героизм на фронте, трудовой подвиг народа в тылу. Победу в Великой Отечественной войне обеспечили мощь советских вооруженных сил, превосходство советской военной науки и военного искусства над военной наукой и военным искусством Германии… Организатором и вдохновителем победы советского народа явилась Коммунистическая партия, рядовые коммунисты – политические бойцы боевого фронта и трудового тыла…

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была закономерной. Ее истоки заложены в огромных социально-экономических завоеваниях, достигнутых совет-

ским народом за годы Советской власти. Социалистическая система хозяйства обеспечила могущество и невиданную мобильность советской экономики».

Снимем с полки сорокалетней давности фолиант, вышедший под эгидой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

«Разумеется, случайностей в ходе войны было немало, и они в какой-то степени влияли на вооруженную борьбу. Но конечный итог гигантской схватки был обусловлен рядом закономерностей. Важнейшие из них – преимущества экономической и политической организации социалистического общества, его передовой марксистско-ленинской идеологии…

В годы войны, как и в мирное время, испытанным вождем советских людей, их вдохновителем и организатором являлась наша славная Коммунистическая партия».

Таким образом, хрущевский шеститомник вкупе с жуковскими мемуарами остаются истиной в последней инстанции, «самыми правдивыми книгами о войне». Прямо скажем, не впечатляет «современный уровень исторической науки». Но прильнем к первоисточнику:

«Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский общественный строй… Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй яв-

ляется вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества. Советский общественный строй оказался более жизнеспособным, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй. Наша победа означает, что победил наш советский государственный строй… Наша победа означает, в-третьих, что победили советские Вооруженные силы, победила наша Красная Армия, что Красная Армия геройски выдержала все невзгоды войны, наголову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей…

Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков…

В годы Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков».

Ну вот, стоит копнуть чуть глубже «современного уровня», и обязательно упрешься в «корифея всех наук» – либо «Краткий курс ВКП(б)», либо «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Это и есть то святое, что высочайше велено не трогать. Рассказывать о реальных событиях и фактическом положении дел по-прежнему непатриотично и даже враждебно по отношению к собственному народу. Складывается впечатление, что современная Россия считает себя не просто правопреемницей СССР, но и прямо отож-

дествляет себя с ним. Осталось только вернуть на свое законное место главное, о чем давно мечтают, а сегодня уже требуют коммунисты: «Своими всемирно-историческими победами народы СССР обязаны величайшему вождю и полководцу Генералиссимусу Советского Союза И.В. Сталину».

Между тем Гитлер, сверяясь с четырехлетним планом, тоже строил «рабочий социализм», с централизованной экономикой, управляемым рынком, социальными гарантиями и первомайскими демонстрациями. В Третьем рейхе было достигнуто нерушимое единство нации, правда, полмиллиона граждан «неарийской национальности» пришлось объявить вне закона и построить для них концлагеря. Партия во главе с величайшим вождем и полководцем организовывала и вдохновляла на борьбу за идеалы национал-социализма и «жизненное пространство». Гитлеровские генералы активно отрабатывали самые передовые концепции военной науки. «Политических бойцов» в Вермахте не имелось, но стойкость и мужество немецкого солдата сомнений не вызывают.

Однако Германия все-таки потерпела поражение.

Это повод поговорить о закономерности и случайности.

То, что Гитлер в конце концов сломал себе шею, – закономерный итог любого диктатора, замахнувшегося на мировое господство. А вот то, что Советский Союз оказался в числе победителей, – нонсенс, чудо, если хотите.

СССР должен был проиграть войну, поскольку:

1. Германия имела мощную промышленность, произво-

дившую самые современные образцы военной техники, высококвалифицированные инженерные и рабочие кадры. К моменту начала войны с СССР на Третий рейх работали чехословацкие заводы «Шкода», французская фирма «Рено», голландские и бельгийские электротехнические и химические заводы, угольные шахты Силезии. Нейтральная Швеция поставляла немцам сталь и цветные металлы, нейтральная Швейцария – точные приборы, благодарная Финляндия – лес и марганец, дружественные Венгрия и Румыния – нефть.

В Советском Союзе, несмотря на гигантские усилия и колоссальные средства, потраченные на индустриализацию, остро ощущалась «нехватка общей технической и промышленной культуры, обусловившая отсутствием современных научных разработок, необходимого технического опыта и дефицит квалифицированных кадров».

2. Германия обладала научным потенциалом. Уже в ходе войны были разработаны и частично приняты на вооружение образцы, которые в СССР изучали и копировали все послевоенное десятилетие: новое поколение танков и подводных лодок, реактивные самолеты, крылатые, баллистические и зенитные ракеты, планирующие авиабомбы. Тайные проекты нацистов до сих пор будоражат воображение. Немецкие инженеры уже в ходе войны создали то, что советские конструкторы копировали все послевоенное десятилетие.

В «первой в мире стране социализма» наличие интеллекта

считалось признаком принадлежности к враждебным классам: уплывали из страны пароходы философов и уходили эшелоны инженеров, прислоняли к стенке агрономов-вредителей и шпионов-конструкторов. Уничтожались буржуазные и создавались пролетарские науки, к примеру, астроботаника. Мимо прошли изобретения турбины, гидролокатора, инфракрасной оптики, циклотрона, телевидения…

3. Германия имела союзников – Италию, Японию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Словакию, Хорватию, Финляндию, Испанию.

Благодаря «мудрой политике партии» СССР, совершивший агрессию против шести государств, исключенный из Лиги Наций, оказался в международной изоляции и остался один на один с немецкой военной машиной, не имея ни одного союзника или хотя бы страны, относящейся к нему с симпатией. Не стоит вспоминать о Монголии: страна, в которой квартируют чужеземные войска, чье правительство в полном составе вывезено в Москву и расстреляно по советским законам, называется не союзником, а протекторатом.

В Лондоне, провозгласившем своей целью уничтожение гитлеризма, не без оснований полагали, что «с каждым днем все определеннее Советский Союз выступает в качестве союзника Германии». В ответ из Кремля клеймили британцев как «поджигателей войны» и с апломбом доказывали, что бороться с гитлеризмом – бессмысленная и преступная затея.

4. Германия имела лучшую в мире армию, прекрасно во-

оруженную, обученную, освоившую «блицкриг», уже привыкшую побеждать. Красная Армия была обезглавлена, лишена инициативы, плохо обучена, в результате освободительных походов находилась на враждебной территории и морально была не готова к оборонительной войне.

По всем расчетам, после мощного нокаутирующего удара «красный колосс» должен был рухнуть. Такой удар, к изумлению Сталина, планировавшего воевать исключительно на чужой территории, последовал 22 июня 1941 года. Красная Армия, получив директиву всеми силами и средствами «обрушиться» на врага и уничтожить, немедленно приступила к нанесению ответных «сокрушительных ударов». Некоторое время в Кремле питали иллюзии, что «непобедимая и легендарная» в кратчайшие сроки вышвырнет врага со священной советской земли. Вместо этого последовал сокрушительный разгром первого стратегического эшелона. К 9 июля, то есть всего за 18 суток, было потеряно 12 тысяч танков, 4 тысячи самолетов, 19 тысяч орудий, 770 тысяч бойцов и командиров. По пыльным дорогам брели бесконечные колонны пленных, а «братья по классу» и не думали поворачивать штыки против собственного правительства. Сталин, объявив войну Отечественной, а себя Верховным Главнокомандующим, пытался руководить боевыми действиями привычными методами: искал врагов, расстреливал и перетасовывал командующих, приставил к ним комиссаров, терзал их мелочной опекой, объявил всех попавших в плен предателями. Ниче-

го не помогало: «Барбаросса» реализовывался даже с опережением графика; излюбленной темой застольных разговоров фюрера в те дни были планы будущего устройства «Великогермании», ее организации, принципов управления и тех богатств, которые хлынут в рейх с Востока. Во второй половине июля пал Смоленск, в сентябре немцы блокировали Ленинград и захватили Киев, в октябре ворвались в Донбасс и Крым, взяли Орел и вышли к Туле. 15 ноября началась битва за Москву. В гигантских «котлах» окончательно прекратила свое существование кадровая Красная Армия.

Иосиф Виссарионович всерьез задумался о возможности заключения с немцами мира по типу Брест-Литовского, когда большевики ради сохранения власти откупились огромными территориальными уступками и репарациями. Случись такое, неизвестно, как повернулся бы ход Второй мировой войны. Возможно, первые атомные бомбы упали бы не на Хиросиму и Нагасаки, а на Гамбург и Бремен.

СССР проигрывал войну с Германией, и неизбежно проиграл бы ее, если бы сражался в одиночку. Однако, став жертвой гитлеровской агрессии, Советский Союз автоматически обрел союзников в лице англоамериканцев. Как известно, «у Британии нет вечных врагов», а вечные интересы диктовали необходимость в схватке двух тоталитарных режимов поддержать более слабого и менее опасного. Последовательный антикоммунист Черчилль немедленно протянул Сталину руку помощи, а за спиной англичан стояли

ресурсы доминионов и колоний и экономическая мощь Соединенных Штатов, еще не вступивших в войну, но уже принявших закон о ленд-лизе. 12 июля 1941 года было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии. В августе США и Великобритания заключили Атлантическую хартию, к которой 24 сентября присоединился СССР. «Первое в мире пролетарское государство» чудесным образом стало членом «антигитлеровской коалиции демократических стран». Согласно подписанному 1 октября в Москве протоколу западные державы обязались поставлять ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, большое количество грузовых автомобилей, металл, высокооктановый бензин, паровозы, продовольствие, порох и многое другое, без чего, как указывал Сталин в переписке с Черчиллем, «Советский Союз либо потерпит поражение… либо потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом». Практически сразу Верховный начал требовать от новоприобретенных союзников открытия второго фронта в Северной Франции или Скандинавии, а советскому народу 6 ноября открыл глаза: «Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск… Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи».

Потом, задним числом, наши историки сочинят «для студентов и аспирантов»: «Победа СССР тем более знамена-

тельна, что она была достигнута самостоятельно, ибо удельный вес всех поставленных товаров для СССР союзниками во Второй мировой войне был ничтожен». А тогда, по свидетельству Н.С. Хрущева, в узком кругу соратников Вождь «прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну».

Правда, и фюрер германской нации сильно недооценил ресурсные возможности противника и способность коммунистического режима к мобилизации. Уже в августе в Берлине начали сомневаться в возможности закончить Восточный поход до зимы. 11 августа генерал Гальдер сделал в дневнике примечательную запись: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне со всей безудержностью, свойственной тоталитарным режимам, был нами недооценен». И Гитлер вскоре понял, куда он вломился: «Это не что иное, как одна-единственная фабрика по производству оружия за счет снижения жизненного уровня людей. Фабрика оружия, направленная против Европы!»

Советский Союз всегда готовился к войне с «капиталистическим окружением». Советское политическое руководство, руководствуясь догмами марксизма-ленинизма, желало ее, сделало все, чтобы она началась, и старательно подбрасывало дрова в разгорающийся мировой пожар. Ради того, чтобы сказать в этой войне решающее слово, была внедре-

на командная система распределения ресурсов, проведены коллективизация и индустриализация, «победивший пролетариат» получил семидневную рабочую неделю и был прикреплен к станку с 14 лет, по всей стране строились лагеря и парашютные вышки, пропагандировались идеи интернационализма и книги Шпанова. Из репродукторов звучало: «Если завтра война, если завтра в поход». Ради «великой цели» были произведены десятки тысяч самолетов и танков, горы оружия и военной амуниции. Милитаризация экономической и общественной жизни в СССР достигла такой степени, какой Германия не знала на пике своих военных усилий. Развязанный в стране террор призван был уничтожить любую потенциальную оппозицию, искоренить инакомыслие и приучить народ «к порядку» (даже Гитлер в конце концов признал «сталинскую правду» и сожалел, что не перестрелял в превентивных целях половину своих генералов). А низкий уровень жизни в стране, объявленной «военным лагерем» задолго до войны, позволили населению стойко перенести все лишения. Одного Сталин со товарищи точно не ожидал – что войну придется вести Отечественную.

В условиях войны тоталитарная система обеспечила устойчивость государства в период самых тяжелых испытаний. Военные поражения не привели к революции, как это случилось с царской Россией в 1917 году, советский народ «не выгнал свое правительство», хотя, признал Сталин, имел на это полное право. Советское руководство сделало очень

сильный стратегический ход, отдав приказ о перебазировании промышленности на восток. С одной стороны, этим были созданы предпосылки для восстановления массового военного производства в местах, куда нацисты и не мечтали попасть. С другой стороны, эвакуация заводов и фабрик либо их разрушение (вместе с шахтами и электростанциями) срывали немецкие планы быстрой организации производства на базе оккупированных районов. Такое грандиозное мероприятие – переброска за Урал 1523 промышленных предприятий, огромных масс людей, которые прямо под открытым небом начинали выдавать продукцию и не имели права вернуться в родные края до 1953 года, – было невозможно без сверхцентрализации власти и чудовищной эксплуатации «тружеников тыла», какую Гитлер не мог себе представить: он так и не додумался поставить немецких женщин к станкам или посадить их за рычаги трактора.

Армия, во всяком случае ее верхушка, беспрекословно повиновалась Верховному Главнокомандующему. Низкий уровень подготовки перекрывался готовностью воевать, не считаясь с людскими потерями. Для тех военнослужащих, чей моральный дух был недостаточно высок, распространялись пункты приказа № 270 и другие меры по укреплению дисциплины:

«Не знающая жалости дисциплина, которую бы не выдержала ни одна другая армия, превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное оружие войны. Дисциплина –

главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина».

Надо признать, что именно Сталин, целенаправленно создававший эту систему, только и мог ею управлять с максимальной эффективностью.

Разгромив первый стратегический эшелон, немцам пришлось биться со вторым, затем с третьим эшелоном, потом под гусеницы «панцеров» легли ополченцы, и «совсем уже была наша победа», но неизвестно откуда вдруг появились так называемые «сибирские дивизии». К началу декабря 1941 года немецкое наступление на Москву выдохлось, ударные группировки были измотаны и обескровлены, план «Барбаросса» рухнул, другого плана у немцев не было. Провал «блицкрига» поставил Германию перед перспективой затяжной войны на два фронта, требующей колоссальных средств, материальных и людских ресурсов. Красная Армия незамедлительно перешла в контрнаступление и отбросила врага от Москвы на 150 – 300 километров, нанеся ему значительные потери в живой силе и особенно в технике.

К Сталину начала возвращаться былая уверенность, и он поставил перед Красной Армией задачу «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». На этот раз переоценило свои силы и недооценило силу сопротивления войск противника со-

ветское командование.

Вермахт устоял в зимней кампании. Неудачи в России не проникли глубоко в сознание немцев еще и потому, что с декабря 1941 года начались крупные успехи японцев на Тихоокеанском театре военных действий. На радостях Гитлер и Муссолини тоже объявили войну Америке, хотя «стальной пакт» их к этому не обязывал. Возможно, фюрер лелеял надежду на то, что японцы в качестве ответного жеста выступят против СССР, но те предпочли отделаться выражениями благодарности. Тем не менее вступление Японии в войну оказало Германии большую психологическую поддержку и имело важное военное значение. Считалось, что Соединенные Штаты теперь надолго будут отвлечены собственными проблемами и не смогут оказывать существенной помощи Великобритании и Советскому Союзу, что, в свою очередь, отдаляло решение вопроса об открытии второго фронта. Немцам казалось, что у них еще есть время для окончательного решения русского вопроса.

В мае 1942 года «гитлеровские мерзавцы» в рамках подготовительных мероприятий разгромили пять советских армий в Крыму и под Харьковом, а 28 июня перешли в генеральное наступление, поставившее Советский Союз на грань катастрофы. В течение месяца немцы захватили Донбасс и Ростов, овладели рядом плацдармов на левом берегу Дона, затем пали Краснодар и Майкоп. 21 августа «эдельвейсы» капитана Грота установили нацистские флаги на вершине Эль-

бруса, а 23 августа 16-я танковая дивизия генерала Хубе выкатилась на берег Волги севернее Сталинграда.

Под немецкой оккупацией оказались богатейшие сельскохозяйственные и промышленные районы страны, более 70 миллионов населения, что грозило полным развалом экономики в течение считаных месяцев. «Если оглянуться, – вспоминал Н.С. Хрущев, – то скажу, что, когда мы отступали, я не мог представить себе, как же мы сумеем выйти из этого положения». Сталин издал знаменитый приказ № 227, в котором указывал: «У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину».

Однако Гитлер своими руками демонтировал план «Блау», чему были и объективные, и субъективные причины. Главное, самого Вермахта уже не хватало для удержания завоеванных территорий. К тому же идиотская расовая идеология нацистов не способствовала пробуждению дружественных чувств среди покоренных аборигенов, да и не стремилась к этому. Сталин это быстро понял и с блеском выиграл иделогическую войну:

«Он ослабил пресс, придавивший церковь, ввел погоны в армии, тем самым возродив дореволюционные традиции, упразднил институт комиссаров, распустил Коминтерн, реабилитировал многих арестованных ранее военачаьников. Великие полководцы прошлого – Суворов, Кутузов, еще недавно обливаемые грязью самим Сталиным, вновь верну-

лись на русские знамена. Их именами были названы новые ордена. И народ сплотился, тем более что немцы своими безобразиями, убийствами, насилием над мирным населением уничтожили всякие иллюзии, связанные с ними в начале войны. Немцы увидели перед собой единый, вставший против них народ».

Под лозунгом защиты Отечества заново созданная Красная Армия начала выигрывать сражения. Победы под Сталинградом и Курском вместе с дополнительной помощью союзников позволили стабилизировать военную экономику. Война покатилась на запад.

В 1943 году странам «Оси» противостояло две трети населения земного шара – более 20 стран с огромными сырьевыми и промышленными ресурсами. Конечно, вклад каждой из них был различен, не такой «решающий», как вклад Советского Союза, но все они делали общее дело. К примеру, в составе 5-й американской армии сражалась бразильская пехотная дивизия, Бразилия поставляла в США каучук, марганец, никель, вольфрам, технические алмазы и не поставляла их Германии, а мексиканские пилоты охраняли союзные конвои. После выхода Италии из войны, поражения в битве за Атлантику и операции «Оверлод» военное поражение Третьего рейха сделалось неизбежным, стратегическая авиация союзников методично уничтожала немецкую промышленность и превращала в руины города.

Красная Армия в 1944 году полностью освободила от ок-

купантов территорию СССР, вывела из войны Финляндию, захватила Румынию и Болгарию, вторглась в Венгрию и Словакию, вышла непосредственно к границам Третьего рейха. Армия стала побеждающей, об этом, в частности, говорит и постановление ГКО от 29 октября 1944 года о расформировании заградительных отрядов в связи с тем, что «необходимость в их содержании отпала».

Собственно говоря, по определению и по аналогии с 1812 годом Отечественная война советского народа закончилась. Начинался Заграничный поход Красной Армии.

* * *

К концу 1944 года страны антигитлеровской коалиции располагали огромным военно-экономическим потенциалом и вооруженными силами, значительно превосходившими Вермахт.

В составе Вооруженных Сил СССР имелось 9,4 миллиона человек, 244,4 тысячи орудий и минометов, 35,4 тысячи танков и самоходных установок, 43,3 тысячи боевых самолетов.

На фронте протяженностью 2200 километров действовали 10 фронтовых объединений, 51 общевойсковая, 6 танковых, 10 воздушных армий и 2 фронта ПВО страны – 473 стрелковые, воздушно-десантные и кавалерийские дивизии, 21 танковый, 12 механизированных корпусов. В резерве Ставки находились управления двух фронтов, четырех

общевойсковых и двух воздушных армий, четыре танковых и механизированный корпуса, 20 стрелковых дивизий. Вместе с советскими войсками сражались польская, две румынские, болгарская армии, чехословацкий армейский корпус.

Всего на советско-германском фронте Красная Армия имела 6,7 миллиона человек, 118 тысяч орудий и минометов, 12 тысяч танков и САУ и 22 тысячи боевых самолетов.

Германское командование имело на Восточном фронте 8 полевых, 4 танковые армии, оперативную группу и 3 воздушных флота. В их составе находилось 169 дивизий (из них 22 танковые и 9 танко-гренадерских) и 20 бригад. Совместно с ними действовали также две венгерские армии. Всего, таким образом, 3,7 миллиона человек, 56,2 тысячи орудий и минометов, 8,1 тысячи танков и самоходных установок, 4 тысячи боевых самолетов. Свыше четверти немецких дивизий находилось в Северной Норвегии и было блокировано в Курляндии. Гитлер категорически отказывался отдать приказ на эвакуацию курляндской группировки: во-первых, из-за порта Либавы, который был необходим флоту, чтобы сохранить свое господство в восточной части Балтийского моря, и, во-вторых, фюрер в своих стратегических фантазиях намерен был использовать этот плацдарм для нового наступления.

В октябре 1944 года, по свидетельству генерала армии С.М. Штеменко, советский Генштаб приступил к разработке плана завершающей кампании:

«Завершение борьбы на советско-германском фронте бы-

ло предрешено в нашу пользу, час окончательного разгрома противника приблизился. Мы превосходили врага не только по численности войск, но и по их выучке, по технической оснащенности. Боевые действия вполне обеспечивались слаженной работой тыла; он оказывал фронту всевозрастающую помощь.

Стратегическое положение советских войск и армий других стран антигитлеровской коалиции оценивалось нами как близкое к завершению окружения Германии. По существу, Советская армия и англо-американские силы заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстояло совершить последний стремительный натиск и в короткий срок окончательно сокрушить врага».

Общая идея состояла в том, чтобы провести одновременное наступление от Балтийского моря до Дуная с главным ударом на варшавско-берлинском направлении, завершить освобождение Польши, овладеть Восточной Пруссией, Восточной Померанией, изгнать немецкие войска из Венгрии, Чехословакии, Австрии, создать брешь в стратегическом фронте противника, взять Берлин, Прагу, Вену, соединиться с союзниками и победоносно завершить войну в Европе.

На Западном фронте войска союзников вели боевые действия на рубеже от устья реки Маас до швейцарской границы. В составе экспедиционных войск насчитывалось 5,7 мил-

лиона человек, 50 тысяч орудий и минометов, 16,1 тысяча танков и самоходно-артиллерийских установок, 16,7 тысячи боевых самолетов. Германские войска имели 1,9 миллиона человек, 45 тысяч орудий и минометов, 3500 танков и штурмовых орудий, 2700 самолетов.

Англо-американское командование готовилось к проведению операций по вторжению на территорию Третьего рейха. Главнокомандующий союзных войск генерал Дуайт Эйзенхауэр планировал наступление в два этапа: первый предусматривал достижение Рейна, второй – форсирование этой реки и продвижение «в сердце Германии».

* * *

Несмотря на кажущуюся безнадежность положения, Германия вовсе не стала легкой добычей, а Вермахт не превратился «в мальчика для битья». Страна располагала еще довольно мощной производственной базой. Ценой предельного напряжения, за счет тотальной мобилизации и труда иностранных рабочих немцам пока удавалось удержать военное производство на достаточно высоком уровне.

Чтобы компенсировать людские потери, в 1944 году на военную службу был призван контингент молодежи 1927 года рождения и мобилизованы пожилые мужчины, а также «фольксдойчи» в оккупированных странах. В результате к началу 1945 года германскому командованию удалось дове-

сти численность вооруженных сил до 9,4 миллиона солдат и офицеров, из них 5,4 миллиона находились в действующей армии. На вооружении имелось 110 тысяч орудий и минометов, 13 тысяч танков и самоходных установок, свыше 7 тысяч боевых самолетов, в том числе реактивные истребители и бомбардировщики. Войска насыщались автоматическим и ручным противотанковым оружием. В ноябре–декабре наряду с 550 танками ежемесячно покидали сборочные цеха 1200 штурмовых и противотанковых самоходок. Продолжался выпуск крылатых и баллистических ракет, которыми продолжали терроризировать города Англии. Для борьбы на морских коммуникациях готовились подводные лодки нового поколения.

Германские войска были объединены в 11 групп армий, 3 оперативные группы, 16 полевых, 6 танковых армий и армейскую группу. В их состав входило 295 дивизий и 30 бригад. В армии резерва, которой взялся руководить рейхсфюрер СС, и различных тыловых формированиях было 2,5 миллиона человек.

Шло формирование новых соединений. Многие гренадерские и пехотные дивизии были переименованы в народно-гренадерские, «чтобы придать развитию сухопутных сил национал-социалистический дух». Была предпринята попытка создать крупные артиллерийские соединения путем сведения частей артиллерии РГК в народно-артиллерийские корпуса. Страсть Гитлера к «гренадерам» и «фузилерам»

проистекала от его любви к эпохе и деяниям короля Фридриха Великого. Была увеличена численность эсэсовских дивизий. К началу 1945 года 1,5 миллиона человек числилось в рядах фольксштурма. В это «партийное ополчение» включались способные носить оружие лица мужского пола в возрасте до 60 лет. Они носили гражданскую одежду с нарукавной повязкой и вооружались, как правило, трофейными винтовками. Снарядить эту массу людей за счет Вермахта не представлялось возможным ввиду острейшей нехватки обмундирования, оружия и техники. Самым крупным подразделением фольксштурма был батальон.

На германской земле еще не было неприятельских войск, германская армия сохраняла боеспособность, германский солдат продолжал драться умело и упорно, а германский народ не сомневался в гении фюрера, который «обязательно что-нибудь придумает», и верил басням о «чудо-оружии». Сокращение территории позволяло командованию увеличить плотность войск и организовать длительное сопротивление. Лишь немногие видели, что Германия катится к гибели.

Гитлер видел выход в затягивании вооруженной борьбы, надеясь на раскол антифашистской коалиции. Он был убежден, что противоречия между СССР, с одной стороны, США и Англией – с другой, приведут к распаду союза между ними: «Настанет время, когда напряженность между союзниками достигнет такой степени, что разрыв будет неминуем. Исто-

рия показывает, что все коалиции рано или поздно непременно распадаются». На самом деле фюрер исчерпал свой лимит «чудес». Отдельные представители нацистской верхушки втайне наводили мосты на Запад, надеясь на заключение сепаратного мира. Имперский министр вооружений Альберт Шпеер так описывает общую обстановку: «В ставке воцарилось общее равнодушие, которое нельзя было объяснить лишь летаргией, сверхнагрузками и психическим воздействием Гитлера. Вместо яростных столкновений, напряженности прошедших лет и месяцев между многочисленными враждебными друг другу интересами, группами, кликами, боровшимися за благоволение Гитлера и спихивавшими друг на друга ответственность за всеучащавшиеся поражения, теперь здесь царила тихая незаинтересованность, уже возвещавшая конец».

Однако требование о безоговорочной капитуляции не осталяло немцам выбора.

В начале декабря фюрер задумал провести на Западном фронте, в районе Арденн, наступательную операцию, получившую кодовое наименование «Вахта на Рейне». Намечалось прорвать фронт на участке Моншау, Эхтернах, форсировать реку Маас в районах Льежа и Намюра и на седьмой день, выйдя к Антверпену, отрезать англо-американские войска в Бельгии и Голландии. В случае успеха Гитлер ожидал значительного ослабления западных держав, что предоставило бы ему возможность для переброски крупных сил

на Восточный фронт с целью отражения зимнего наступления русских. Они рассчитывал таким образом выиграть время и заставить союзников отказаться от требований безоговорочной капитуляции. В операции участвовали 6-я танковая армия СС, 5-я танковая и 7-я полевая армии группы армий «Б». Всего привлекалось 25 дивизий, в том числе 7 танковых. Наступательная группировка насчитывала около 250 тысяч человек, 900 танков и САУ, 860 самолетов и 2617 орудий и минометов – прямо скажем, маловато. 10 декабря Гитлер перебрался в «Орлиное гнездо», чтобы лично руководить операцией.

«Вахта на Рейне» началась с рассветом 16 декабря. Удар пришелся по позициям 1-й американской армии. Застигнутые врасплох, американские войска отступили, понеся большие потери. Немецкая группировка осуществила прорыв фронта и за неделю продвинулась на глубину 90 километров, а передовые танковые части находились в 4 километрах от реки Маас. 23 декабря наступила летная погода, и небо затмила союзная авиация. С 22 по 26 декабря 3-я американская армия нанесла контрудар по южному флангу наступающей группировки противника и соединилась с окруженными в районе Бастони частями 101-й воздушно-десантной дивизии. К концу месяца наступление немецких войск на Маас было остановлено.

Для начальника Генерального штаба ОКХ Гейнца Гудериана уже 24 декабря было ясно, «что наступление оконча-

тельно провалилось. Нужно было немедленно переключать все наши усилия на восток, если это не было уже слишком поздно». Гитлер еще пытался импровизировать, меняя направление удара, однако сил для перелома ситуации в свою пользу было явно недостаточно.

Пришел черед Красной Армии.

НА БЕРЛИН! ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Летом 1944 года, разгромив стратегические группировки противника в Белоруссии и западных областях Украины, войска маршала К.К. Рокоссовского и маршала И.С. Конева вышли к Висле и захватили плацдармы на ее западном берегу. 1-й Белорусский фронт закрепился на магнушевском и пулавском, а 1-й Украинский фронт – сандомирском плацдармах.

Подготовка новой грандиозной операции, которая должна была открыть прямую дорогу «в логово фашистского зверя», началась в конце октября. Получив ориентировочные соображения Ставки Верховного Главнокомандования, штабы фронтов приступили к планированию последнего наступления. Специального совещания с командующими, как это практиковалось ранее, не проводилось: маршалов порознь вызывали в Москву, где обсуждались все детали, а задачу им ставил лично Сталин.

На центральный участок советско-германского фронта полноводным потоком хлынули войска, техника, боеприпасы, топливо…

В октябре–декабре из резерва Ставки, из Прибалтики, Венгрии, Карелии в состав двух «главных» фронтов были дополнительно переданы восемь общевойсковых и три танковые армии, пять авиационных корпусов, два артиллерий-

ских корпуса прорыва, большое количество отдельных артиллерийских, авиационных, танковых, самоходно-артиллерийских частей.

В одной из теплушек вместе со своим артполком следовал из Курляндии под Варшаву сержант Н.Н. Никулин: «Это был ералашный переезд. Армия ехала в десятках эшелонов. Танкисты, пехотинцы, артиллеристы. По дороге солдаты меняли у населения барахло на самогон, и пьяные эшелоны с песнями, гиканьем, иногда со стрельбой, перекатывались по территории Польши на запад. На одной станции начальство попробовало запретить продажу самогона. Подъехавшие танкисты развернули башню танка и бабахнули противотанковой болванкой в дом коменданта между этажами. Говорили, что начальник удрал в чем мать родила. После этого все пошло по– старому. Мы встречали Новый год в товарном вагоне на станции Лида. Старший лейтенант Косинов мрачно разбивал кулаком свои часы, а остальные танцевали вокруг раскаленной печки и пели дурными голосами пьяные песни».

Последовали и кадровые перестановки. 16 ноября 1944 года в командование 1-м Белорусским фронтом вступил заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г.К. Жуков (приказ Ставки № 220263 от 12.11.45). Маршал К.К. Рокоссовский перемещался на 2-й Белорусский фронт и сменял там генерала армии Г.Ф. Захарова. Последнего предполагали сделать заместителем Жукова, но в итоге с пониже-

нием отправили в Венгрию, командовать 4-й гвардейской армией.

«Уже был вечер, – вспоминает К.К. Рокоссовский. – Только мы собрались в столовой поужинать, как дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим 2-м Белорусским фронтом. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил его:

– За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов – 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия трех фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание…

Сталин в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными силами и средствами.

– Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, – заключил Верховный Главнокомандующий».

Оказывать содействие Жукову – дело, несомненно, важное, но каждый военный понимал, что именно 1-й Белорусский фронт «будет наступать на главном направлении и что

действия соседей при всей значимости решаемых задач будут увязываться с действиями фронта, решающего главную задачу». И потому понятна обида Рокоссовского, немедленно уехавшего к новому месту службы без формальной передачи дел, не дождавшись преемника: из политических соображений Константину Константиновичу не позволили освободить Варшаву, из тех же соображений его лишили главного полководческого приза – взятия вражеской столицы. Правда, и Георгий Константинович, по свидетельству личного шофера А.Н. Бучина, в штаб фронта не торопился. Он отправился в армию Чуйкова и три дня обмывал почетное назначение. Лишь утром 19 ноября Жуков ввалился в свой бронированный «Мерседес», нежно обнял персонального водителя и, «невнятно выговаривая слова, сказал: «Сашка, я тебя люблю. Если что, посылай их на…» Я оторопел. Только пролепетал: «Товарищ маршал, не мешайте, угодим в кювет!» Жуков убрал руку и продремал до самого штаба».

Смена руководства в принципе – процесс болезненный. Жукова в Красной Армии знали достаточно хорошо, и в штабе 1-го Белорусского фронта с опаской ожидали прибытия нового командующего.

«К.К. Рокоссовского любили и его непосредственные подчиненные, и солдаты, и офицеры частей, – вспоминает начальник тыла фронта генерал Н.А. Антипенко. – Не раз приходилось слышать вопрос: в чем была причина такого всеоб-

щего хорошего отношения к Рокоссовскому?

Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаюсь в том, что сам привязан к этому человеку, с которым меня связывает почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ровным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего… Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которого нельзя не выполнить.

Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в сношениях с подчиненными к формуле «командующий приказал». В этом не было нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков…

О Жукове притом же говорили как о человеке с жестким характером и крутым нравом…»

Член Военного совета генерал К.Ф. Телегин, отдавая дань «выдающимся качествам поистине талантливого полководца», отмечал, что стиль работы фронтового управления при Жукове «изменился не в лучшую сторону»:

«К.К. Рокоссовский работал в коллективе и с коллекти-

вом. При таком методе отработки задач и управления боевыми действиями каждый чувствовал себя активным и непосредственным участником решения…

Г.К. Жуков был сторонником несколько иной линии. В коллективе, в ближайших помощниках он видел, прежде всего, исполнителей своих нередко в одиночестве выношенных и в одиночестве принятых решений. Попытки обсуждения своих решений, даже на стадии их подготовки, воспринимал крайне настороженно, упрямо замыкался в себе и, если аргументы возражавшего в разговоре начальника трудно было оспорить, подчас парировал обезоруживающей фразой:

– Я уже докладывал Верховному, и он мои соображения одобрил!

Само собой разумеется, что после такого заявления возражения утрачивали смысл».

(Впрочем, напрасно Константин Федорович переживал. Жуков быстро нашел общий язык со своим партийным надзирателем, и зажили они душа в душу. Дружба особенно укрепилась, когда два высокопоставленных мародера дорвались до хранилищ германского Рейхсбанка.)

Ну, хоть бы кто помянул Жукова человеческим добрым словом!

Откроем мемуары генерала армии П.И. Батова, одного из лучших командармов той войны. У него от встречи с «талантливым полководцем» остались самые незабываемые

впечатления: «За долгую службу в армии мне никогда не приходилось испытывать такого унижения…»

Генерал армии Г.И. Хетагуров, горячий и бесстрашный осетин, осмелившийся в ответ на жуковскую ругань послать полководца подальше вместе с его «выдающимися качествами», за что с должности начальника штаба 1-й гвардейской армии был понижен до уровня командира дивизии, констатирует: «Непомерно груб, до оскорбления человеческих чувств».

И рядовой связист Николай Лазаренко: «Парадный портрет полководца далеко не всегда соответствовал реалиям военной действительности. Больше всего наши радисты, которые работали на самом «верху», боялись не немецко-фашистских пуль и осколков, а собственного командующего. Дело в том, что Жуков был человеком настроения и потому – очень крут на расправу…

За время войны легендарный полководец около 40% своих радистов отдал под трибунал. А это равносильно тому, что он расстрелял бы их собственноручно. «Вина» этих рядовых связистов, как правило, заключалась в том, что они не смогли сиюминутно установить связь. А ведь связь могла отсутствовать не только по техническим причинам. Человек с другой стороны провода мог быть просто убитым. Однако Жукова такие «мелочи» вообще не интересовали. Он требовал немедленной связи, а ее отсутствие воспринимал только как неисполнение приказа – и не иначе. Отсюда и псевдо-

правовая сторона его жестокости – трибунал за невыполнение приказа в военное время. Впрочем, до военно-полевого суда дело часто не доходило. Взбешенный отсутствием связи герой войны мог и собственноручно пристрелить ни в чем не повинного солдата».

И еще множество свидетельств, о том, как вздрогнули на 1-м Белорусском, наслышанные о жуковской крутости и жестокости.

В мемуарах – мнения отцензурированные, но и в самой приглаженной форме они выражают то, о чем прямо заявил после войны маршал С.К. Тимошенко: «Я хорошо знаю Жукова по совместной продолжительной службе и должен откровенно сказать, что тенденция к неограниченной власти и чувство личной непогрешимости у него как бы в крови».

Всеобъемлющую характеристику Жукову дала Екатерина Катукова: «Георгий Константинович был наделен огромной, неограниченной властью. Немногие выдерживают это испытание и остаются людьми. Как только власть приходит к человеку, почему-то он совершенно забывает, кем был раньше.

Я думаю, что зависть, честолюбие, корысть, амбиция, мелкая месть вообще не совместимы с военной профессией. В любом деле слепое пользование властью выдает слабость.

Человек, облеченный государственной властью, не имеет права быть утомленным, раздражительным, скучающим. Он должен дорожить своей независимостью, так как подчиняется только закону. Георгий Константинович же уставал, спе-

шил, раздражался. А как же К.К. Рокоссовский, А.И. Антонов, В.М. Василевский, М.Е. Катуков? Они ведь тоже были наделены властью, тоже несли тяготы войны, но это были совершенно другие люди, совсем не похожие на Г.К. Жукова.

Георгий Константинович свыкся с властью, врученной ему законом, и уже никого не боялся и не уважал. Один только И.В. Сталин мог его остановить. Это была ошибка Георгия Константиновича, за которую он позже дорого заплатил.

Постепенно Г.К. Жуков терял себя, запутывался. Славы много, но хочется еще большего.

Что больше всего необходимо полководцу как человеку, в руках которого жизни сотен, тысяч людей? Ему доверены эти жизни, и он ответствен за них перед страной, перед будущим, перед Историей. Как не согнуться, как устоять под таким бременем? Необходимо быть стойким, от многого отказаться и главное условие – победить себя. Властью необходимо пользоваться осторожно, обращаться с людьми лучше, чем они заслуживают, и понимать, что все хорошее создается народом.

Никто не спорит о волевых качествах и способностях маршала Г.К. Жукова. Этого у него не отнимешь. Талант был большой, но характер и воспитание Георгия Константиновича оставляли желать лучшего. Если он хотел добиться чего-нибудь – шел напролом.

Г. К. Жуков был небольшого роста, коренастый, полноват. Черты лица резкие и суровые. Разговаривал отрывисто, ред-

ко смеялся. Матерился изощренно – художественно (и этого тоже от него не отнимешь). Маршал считал, что такое обращение с подчиненными поднимает его авторитет. Георгий Константинович был жесток и легко впадал в состояние гнева. А гнев, как известно, плохой советчик. Не зря в народе говорят: ничего нельзя начинать во гневе и человеку раздраженному полезно сосчитать до ста, прежде чем говорить, решать или действовать. К сожалению, маршал Жуков не делал этого и часто в гневе принимал решения, которые были не всегда справедливы».

Если фамилию Жуков поменять на абстрактного Иванова, то любой, ознакомившийся с такой характеристикой, скажет, что Иванов – самовлюбленный хам, жестокий самодур и не очень умный человек. С трудом верится, что все эти качества совмещались с «большим талантом».

Чтобы полнее ощущать собственное величие, Жуков предпочитал общество лизоблюдов, которые и составляли его ближнее окружение: «Георгий Константинович строил свои отношения с людьми в зависимости от того, испытывают они к нему уважение или нет. Любил беспрекословное выполнение распоряжений. Если этого не было, он становился придирчивым и относился к непокорным с презрением. Г.К. Жуков любил накричать, не разобравшись, на первого попавшегося ему на глаза и под руку. Вежливостью и терпеливостью не отличался. Все старались уйти от гнева Г.К. Жукова. Он редко бывал доволен, почти всегда резок и груб…

Когда приезжал маршал Жуков, подхалимы и в глаза заглядывают, и вперед забегают – только бы руку лизнуть и хвостиком вильнуть».

Танцор и комик Борис Сичкин неоднократно обслуживал – так это тогда называлось – маршальские банкеты: «В резиденции маршала обслуживающий персонал состоял из лиц мужского пола в чине не ниже генерал-майора. Они были откровенными холуями: чистили маршалу сапоги, накрывали на стол и убирали со стола. Словом, походили на услужливых собак. Когда они выслушивали распоряжения маршала, то сгибались до полу. Противно было смотреть на этих людей, потерявших к себе всякое уважение. Я уверен, что если бы они вели себя с достоинством, то маршал бы их уважал».

Но в том-то и дело, что не способен был Георгий Константинович кого-либо уважать.

Кадровым переменам, кроме, естественно, самого Жукова, устроившего по этому поводу банкет с песнями и плясками, обрадовались, пожалуй, только в штабе 2-го Белорусского фронта.

* * *

Одновременно Сталин упразднил институт представителей Ставки ВКГ, возложив задачу координирования действий фронтов на Берлинском направлении на себя, в Прибалтике – на маршала А.С. Василевского, в Чехословакии и

Венгрии – на маршала С.К. Тимошенко.

28 и 25 ноября из Москвы последовали директивы на проведение наступательных операций командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, 30 ноября – командующему 2-м Украинским фронтом, 3 декабря – командующим 3-м и 2-м Белорусскими фронтами. Дел было невпроворот, твердых сроков начала операций Верховным названо не было, однако, по свидетельствам генерала Н.А. Антипенко и ЧВС 5-й ударной армии генерала Ф.Е. Бокова, всю подготовку требовалось завершить не позднее 10 января 1945 года.

Висло-Одерская операция

В соответствии с общим замыслом войска 1-го Белорусского фронта (47-я, 61-я, 3-я, 5-я ударные, 8-я гвардейская, 69-я, 33-я общевойсковые, 2-я и 1-я гвардейские танковые, 16-я воздушная армия, 1-я армия Войска Польского, 11-й и 9-й танковые, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса – всего 68 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 5 танковых и 2 механизированных корпуса, 5 отдельных танковых, 2 самоходно-артиллерийские, 1 кавалерийская бригада, 2 укрепрайона – и много чего еще, вроде 4-го и 6-го артиллерийских корпусов и шести отдельных артиллерийских дивизий прорыва, штурмовых инженерно-саперных бригад, отдельных огнеметных батальонов и прочее) должны были разгромить варшавско-радомскую группировку противника и, продвинувшись на 150 – 180 километров в глубину, не позднее 11 – 12-го дня наступления овладеть рубежом Петрувек, Жихлин, Лодзь. В дальнейшем предстояло развивать успех в общем направлении на Познань.

Войскам 1-го Украинского фронта (6, 13, 52-я, 5-я гвардейская, 60-я, 59-я, 3-я гвардейская, 21-я общевойсковая, 4-я и 3-я гвардейская танковые, 2-я воздушная армии, 25-й, 31-й, 4-й гвардейский танковый, 7-й гвардейский механизированный, 1-й гвардейский кавалерийский корпуса – 66 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 6 танковых и 3 меха-

низированных корпуса, 3 отдельных танковых и 3 самоходно-артиллерийские бригады, 1 укрепрайон, 7-й и 10-й артиллерийские корпуса, 5 артиллерийских дивизий прорыва) предписывалось во взаимодействии с Белорусским фронтом разгромить кельце-радомскую группировку врага и, преодолев 120 – 150 километров, на 10 – 11-й день операции овладеть рубежом Пётркув, Ченстохова, Бохня; в дальнейшем – наступать в общем направлении на Бреслау.

Маршал Жуков собирался крушить оборону противника по трем направлениям. Главный удар намечалось нанести на Кутно, Познань с магнушевского плацдарма (45 километров по фронту и 18 километров в глубину). Здесь 61-я, 5-я ударная и 8-я гвардейская армии должны были прорвать вражеские позиции на 17-километровом участке и обеспечить «чистый» ввод в сражение двух танковых армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для наращивания усилий предназначалась 3-я ударная армия, находившая во втором эшелоне фронта.

Второй удар планировалось нанести с пулавского плацдарма (30 километров по фронту и 10 километров в глубину) в направлении Радом, Лодзь. Оборону противника на 13-километровом участке прорывали 69-я и 33-я армии, усиленные 11-м и 9-м танковыми корпусами. На 12-й день операции 69-я армия генерал-полковника В.Я. Колпакчи должна была овладеть городом Лодзь и выйти на рубеж Згеж, Пабьяница. 33-я армия генерал-полковника В.Д. Цветаева основ-

ными силами нацеливалась на Шидловец с тем, чтобы во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта окружить и уничтожить островецко-опатувскую группировку противника. На третий день операции планировалось ввести в дело 7-й гвардейский кавалерийский корпус.

Уничтожение варшавской группировки возлагалось на три общевойсковые и одну танковую армии. 47-я армия генерал-майора Ф.И. Перхоровича получила задачу перейти в наступление на второй день операции, прорвать немецкую оборону на 4-километровом участке севернее Варшавы, ликвидировать вражеский плацдарм в междуречье Вислы и Западного Буга, форсировать Вислу юго-восточнее Модлина и развивать наступление на Лешно в обход столицы Польши с северо-запада. Войска 61-й армии генерал-полковника П.А. Белова и 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника С.И. Богданова огибали Варшаву с юго-запада и запада. Задача непосредственного освобождения города возлагалась на 1-ю армию Войска Польского – по плану она переходила в наступление на четвертый день, используя успех «Советов».

Кроме того, в разгроме варшавской группировки должна была принять участие левофланговая 70-я армия 2-го Белорусского фронта, которой ставилась задача нанести удар в обход Модлина и быть в готовности форсировать Вислу.

Маршал Конев решил нанести один мощный удар с сандомирского плацдарма (70 километров по фронту и 50 километров в глубину) в направлении Хмельник, Радомско.

Прорыв обороны предусматривалось осуществить на одном участке шириной 39 километров войсками 13-й, 52-й, 5-й гвардейской армий. Последней придавались 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса. Для развития наступления планировалось в первый день вести в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии с задачей к исходу третьего дня операции выйти на реку Пилица и захватить на ней переправы. Иван Степанович в вопросе применения танковых войск имел собственное мнение и «чистые прорывы» не признавал принципиально: «Иметь такую технику и не использовать всю силу ее удара, огня и маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в Первую мировую войну, держа танки в бездействии, покуда пехота прогрызет оборону противника насквозь, – всегда мне представлялось ошибочным».

Действительно, советские танковые армии «однородного состава» образца 1944 года представляли собой внушительную силу: «По сравнению с танковыми армиями смешанного состава армии однородного состава обладали большей ударной силой и огневой мощью, а также мобильностью из-за отсутствия немоторизованных соединений. Значительно возросли и возможности по обеспечению боевых действий. Наличие отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад позволяло иметь сильный подвижный танковый резерв либо при необходимости быстро выделять передовой отряд. Боевые соединения и части армии, имея на вооруже-

нии танки, самоходно-артиллерийские установки, артиллерию, в том числе зенитную и артиллерийскую, стрелково-пулеметное вооружение, могли наносить поражения крупным танковым группировкам противника в составе до танкового корпуса».

Например, в 3-ю гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал-полковник П.С. Рыбалко, входили 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, 9-й механизированный корпус, 199-я легкая артиллерийская бригада, 57-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк, 16-я самоходная артбригада, 50-й отдельный мотоциклетный полк, 19-я моторизованная инженерная бригада, 91-й гвардейский минометный полк, 77-й автотранспортный полк и другие части. На период операции армии были приданы артдивизионы 145-й и 194-й пушечных бригад РГК, 90-й инженерно-танковый полк, 207-й отдельный моторизованный инженерный батальон, 79-й штурмовой инженерно-саперный батальон и взвод собак-миноискателей. Всего армия имела 55 600 человек личного состава, 640 новеньких танков Т-34/85, 22 танка-тральщика на базе Т-34/76, 21 танк ИС-2, 63 тяжелых самохода ИСУ-122, 63 средних СУ-85, 63 легких СУ-76, 49 легких СУ-57-И, 60 зенитных самоходных установок М-17, 20 пушек-гаубиц калибра 152 мм, 20 «стомиллиметровок» типа БС-3, 222 трехдюймовые пушки ЗИС-3, 84 орудия ЗИС-2 калибра 57 мм, 48 реактивных установок М-13, 364 полковых и батальонных миномета, 79 зенитных

пушек и 161 зенитный пулемет ДШК, 5496 грузовых, легковых и специальных автомашин.

Основу ударной мощи 4-й танковой армии генерал-полковника Д.Д. Лелюшенко составляли два корпуса – 10-й гвардейский танковый и 6-й гвардейский механизированный, плюс 93-я отдельная танковая, 22-я самоходно-артиллерийская бригады и 3 отдельных танковых и 2 самоходно-артиллерийских полка, потому боевых машин было чуть меньше – 750 единиц.

Обеспечение правого фланга ударной группировки 1-го Украинского фронта возлагалось на сформированную в третий раз 6-ю армию генерал-лейтенанта В.А. Глуздовского, усиленную 42-й моторизованной инженерной бригадой, и 3-ю гвардейскую армию генерал-полковника В.Н. Гордова с приданным ей 25-м танковым корпусом. Левый фланг прикрывали войска 60-й армии генерал-полковника П.А. Курочкина, получившие задачу основными силами прорвать оборону на участке шириной 3 километра и наступать на Краков вдоль левого берега Вислы. Прибывшую с Ленинградского фронта и находившуюся во втором эшелоне 59-ю армию генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова намечалось ввести в сражение с рубежа реки Нида на второй день операции. Во взаимодействии с 60-й армией и войсками 4-го Украинского фронта она должна была освободить Краков. Также во втором эшелоне находилась 21-я армия генерал-полковника Д.Н. Гусева, переданная из состава 3-го Бе-

лорусского фронта и предназначавшаяся для развития наступления в направлении на Бреслау. В резерве фронта оставались 1-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса.

Таким образом, командующие намеревались мощными ударами взломать оборону противника на всю глубину, рассечь его силы на отдельные группы и уничтожить по частям. Танковые армии и подвижные группы, «уничтожая отходящего противника и подходящие резервы», должны были стремительным продвижением упредить немцев и не допустить занятия ими тыловых оборонительных рубежей (что могло привести к затяжным и кровопролитным боям). Воздушные армии массированными ударами штурмовой и бомбардировочной авиации должны были содействовать наземным войскам в прорыве вражеской обороны, обеспечении ввода танковых армий и корпусов, поддержки их действий в оперативной глубине, а также громить резервы и отступающие войска противника. Советское преимущество в количестве самолетов было десятикратным. В состав 16-й воздушной армии генерал-полковника С.И. Руденко входило 6 авиационных корпусов, 14 отдельных дивизий и полков. На их вооружении находилось 2459 самолетов, в том числе 1116 истребителей, 504 бомбардировщика, 710 штурмовиков. Кроме того, 1-ю армию Войска Польского поддерживала 4-я смешанная авиадивизия, имевшая 90 самолетов. В воздушной армии генерал-полковника С.А. Красовского число

боевых машин было доведено до 2588.

Оба плана были утверждены Ставкой 29 декабря 1944 года. Персонально Коневу было указано, во-первых, на необходимость избежать затяжных боев в Верхне-Силезском промышленном районе, дабы не допустить разрушения многочисленных заводов и шахт, которые должны были отойти Польше, во-вторых, на то, что вводить танковые армии в прорыв в первый день наступления все-таки «не обязательно».

К началу наступления в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов наличествовало 2,2 миллиона человек (причем в краткой истории ВОВ отмечается, что численность войск указана «без учета тыловых частей и учреждений»), 33 500 орудий и минометов, свыше 7000 танков и САУ, 5000 боевых самолетов. Жуков и Конев собрали под своим командованием треть личного состава действующей армии, треть артиллерии и авиации, более половины танков и самоходно-артиллерийских установок, в общем, как выразился один из маршалов, «мощь была большая».

* * *

Что мог противопоставить этой мощи генерал-полковник Йозеф Харпе, командовавший группой армий «А», которая удерживала 700-километровую линию от устья реки Западный Буг до города Ясло?

В ходе четырехмесячной оперативной паузы немцами было подготовлено пять полевых оборонительных рубежей общей глубиной 150 – 300 километров, прикрывающих подходы к долговременной оборонительной полосе, построенной еще до войны на западном берегу реки Одер, – линии «Д».

Первый рубеж обороны – главная оборонительная полоса – проходил по западному берегу Вислы и состоял из двух-трех линий траншей, оборудованных большим количеством пулеметных, минометных и артиллерийских позиций, наблюдательных пунктов и убежищ. Основные силы оборонявшихся войск были сосредоточены во второй траншее, удаленной от первой на 2 – 3 километра. Смысл состоял в том, чтобы в случае начала советского наступления по ходам сообщения отвести пехоту из-под удара артиллерии и принять бой именно во второй траншее. В соответствии с этим основная масса инженерных заграждений концентрировалась между первой и второй траншеями, причем нередко дно и бруствер первой траншеи заранее минировались.

Вторая полоса обороны, которую должны были занимать резервы, находилась в 15 – 20 километрах от переднего края и состояла из двух-трех линий сплошных траншей и опорных пунктов. Особенностью тыловых рубежей являлось наличие противотанковых рвов, расположенных в глубине обороны за траншеями. Это новинка была особо отмечена советским командованием:

«Принцип создания противотанкового рва не перед перед-

ним краем, а в глубине оборонительной полосы встречается впервые. Как известно, предназначением противотанкового рва перед передним краем было не допустить танки наступающего в оборонительную полосу и уничтожить их перед передним краем. Немцы, как видно, учли опыт, что обороняющемуся этого достигнуть очень редко удается: наши танкисты обычно при помощи саперов и пехоты проделывали проходы через противотанковые рвы, без больших потерь преодолевали их и врывались в оборонительную полосу противника. Перенос противотанкового рва в глубину обороны таит в себе расчет на то, чтобы, отрезав от танков наступающего следующую за ним пехоту, уничтожить танки в глубине первой оборонительной полосы, не пустив их дальше противотанкового рва».

Для повышения устойчивости обороны широко использовались водные преграды – реки Висла, Бзура, Равка, Радомка, Нида, Пилица, Варта, Обра и другие. В систему рубежей включались подготовленные к длительной обороне города, такие, как Модлин, Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Быдгощ, Познань, представлявшие собой мощные опорные пункты и узлы сопротивления. Особые надежды германское командование возлагало на Померанский вал и Мезеритцкий укрепленный район, протянувшиеся вдоль польско-германской границы.

Разных рубежей, полос и «валов» немцы понастроили достаточно, не разрешалась только одна проблема – в укреп-

лениях не было солдат. Растаскивание войск на Запад для проведения Арденнской операции и на защиту Венгрии, куда из-под Варшавы ушел 4-й танковый корпус СС, привело к существенному ослаблению центрального участка советско-германского фронта.

В группу армий «А» входили 9-я, 4-я танковая и 17-я армии, в составе которых насчитывалось 30 дивизий (учитывая охранные), 2 бригады и до 50 отдельных батальонов, составлявших гарнизоны в городах Польши, – все вместе 400 тысяч солдат и офицеров, около 5000 орудий и минометов, 870 танков и штурмовых орудий, 364 боевых самолета 6-го воздушного флота (в их числе 150 истребителей и 100 разведчиков). Была еще армейская группа «Хайнрици», но против нее отнюдь не бездействовал 4-й Украинский фронт.

Разумеется, особенно плотно немцы блокировали захваченные советскими войсками плацдармы. Если в среднем во всей полосе группы армий «А» пехотная дивизия оборонялась на фронте 15 – 20 километров, то по периметру плацдармов плотность возрастала до одной пехотной дивизии на 5 – 10 километров фронта.

Против войск 1-го Украинского фронта действовали 19 дивизий из состава 4-й танковой и 17-й полевой армий (257 тысяч человек, 540 танков и САУ, 2700 орудий и минометов), причем десять из них «стерегли» сандомирский плацдарм. Первый рубеж обороны занимали 68, 72, 88, 168, 291, 304, 342-я пехотные дивизии. Численность личного состава

в них достигала 6 – 8 тысяч человек. Позади главной оборонительной полосы располагались оперативные резервы – 24-й танковый корпус, в состав которого входили 16-я, 17-я танковые, 20-я танко-гренадерская дивизия – 374 танка и штурмовых орудия. В глубине находились 602-я и 603-я охранные дивизии, запасные полки и отдельные батальоны.

Аналогично строились боевые порядки в полосе 9-й армии генерала танковых войск барона фон Лютвица, которая должна была остановить и обескровить наступление 1-го Белорусского фронта. Там в резерве находился 40-й танковый корпус – 25-я, 19-я танковые, 10-я танко-гренадерская дивизии.

* * *

Советское командование намеревалось сокрушить немецкую оборону артиллерийским ударом небывалой мощности, массированным применением бронетехники, авиации и инженерных войск. На участках прорыва 1-го Белорусского фронта плотность артиллерии была доведена до 300 – 310 стволов на один километр, на 1-м Украинском – 230 – 250 орудий и минометов (не считая танковых и орудий прямой наводки). Артиллерийскую подготовку было решено сократить по времени, но спланировать ее так, чтобы подавить всю тактическую зону обороны противника и накрыть его ближайшие резервы. В 1-м Белорусском фронте предусмат-

ривался получасовой огневой налет перед атакой передовых батальонов, а затем поддержка их огневым валом. Если передовые батальоны не достигнут намеченной цели, предполагалась 70-минутная артподготовка. В 1-м Украинском фронте она планировалась продолжительностью 107 минут. За 45 минут до ее окончания намечались действия взводов демонстрации атаки, а за 15 минут следовал последний огневой налет.

Для непосредственной поддержки стрелковых соединений Г.К. Жуков выделил 1488 из 3712 танков и самоходных установок (в одной только 8-й гвардейской армии имелось 7 самоходных и 5 танковых полков), И.С. Конев – 820 бронеединиц из имевшихся в наличии 3648. Кроме того, на километр прорыва приходилось от 13 до 17 инженерных рот.

Против каждой немецкой дивизии маршал Конев выставил по армии с парой танковых корпусов, построенных в два, а то и в три эшелона. К примеру, 52-й армии генерал-полковника К.А. Коротеева (48, 73, 78-й стрелковые корпуса), усиленной артиллерийским корпусом прорыва (это две артиллерийские дивизии, около 1000 орудий, минометов и пусковых установок реактивной артиллерии), истребительно-противотанковой и самоходно-артиллерийской бригадами, отдельными танковыми полками, штурмовыми и огнеметными батальонами 23-й моторизованной инженерно-саперной бригады, противостояла 68-я пехотная дивизия, силы которой оценивались в 8 тысяч человек при 120 орудиях.

В ходе подготовки операции тщательно изучались противостоящая вражеская группировка и характер инженерного оборудования ее обороны, осуществлялось доукомплектование частей людьми и боевой техникой, совершенствовалось боевое мастерство войск и штабов, проводилось инженерное оборудование плацдармов для развертывания на них ударных группировок, накапливались запасы материальных средств.

Прошли времена, когда «иваны» шли в бой без разведки, а приказы на наступление отдавались без знания обстановки и безотносительно к намерениям противника.

Сотни наблюдателей круглосуточно изучали передний край, засекали оборонительные объекты, перемещения немецких войск, фиксировали малейшие изменения «в пейзаже». Командующие и командиры всех степеней, отбросив доктринерские представления о «высоком оперативном искусстве» и надев солдатские гимнастерки, на брюхе обследовали передний край, проводя рекогносцировки. В немецкий тыл уходили и забрасывались по воздуху разведгруппы. Широко применялись ночные поиски, засады, подслушивание, разведка боем. Но наиболее достоверные сведения давала аэрофотосъемка.

«Прочно удерживая господство в воздухе, – пишет С.И. Руденко, – мы вели постоянную и целеустремленную разведку. Ни в одной операции до этого она не была поставлена так, я бы сказал, фундаментально… Методично, километр

за километром, экипажи фотографировали территорию, на которой предстояло вести наступательные действия. Достаточно сказать, что на пленке была запечатлена площадь 109 200 квадратных километров. Нам удалось трижды сфотографировать вражеские позиции в плане на глубину 4 – 8 километров. Вокруг Магнушева и Пулавы траншеи и укрепления зафиксировали четыре раза, причем на этих, главных для нас, направлениях съемка велась на глубину 25 – 40 километров. Все это позволило вскрыть ряд промежуточных оборонительных рубежей и шесть мощных противотанковых рвов протяженностью от 20 до 60 километров».

В штабах фронтов и армий проводились игры на картах, в корпусах и дивизиях – сборы с командирами частей и подразделений, в частях – тактические учения с боевой стрельбой. Особо тщательно готовились штурмовые батальоны и передовые отряды.

Инженерные войска проделали огромную работу по строительству дорог и колонных путей, оборудованию исходных районов и переправ через Вислу. На сандомирском плацдарме было отрыто полторы тысячи километров траншей и ходов сообщения, построено 1160 командных и наблюдательных пунктов, подготовлено 11 000 артиллерийских и минометных позиций, проложено заново и приведено в порядок больше 2000 километров автомобильных дорог в расчете на то, чтобы к началу наступления на каждую дивизию и каждую танковую бригаду имелось по две дороги. В полосе 1-го

Украинского фронта саперы навели через Вислу 13 мостов и организовали три паромные переправы большой грузоподъемности, 13 мостов построили и на 1-м Белорусском. Для отражения возможных контрударов врага создавались подвижные отряды заграждения, группы истребителей танков.

Поистине титанический труд потребовался для накопления фантастического количества материальных запасов. Один боекомплект трехкорпусной танковой армии весил 2385 тонн, одна заправка горючим – 985 тонн, суточная дача продовольствия – 100 тонн. Боекомплект фронта «тянул» на 40 тысяч тонн, а одна суточная «пайка» фуража и продовольствия – около 5000 тонн. Перед операцией на двух фронтах накопили по 3 – 4 боекомплекта снарядов и мин всех калибров (около 9 миллионов выстрелов), 4 – 5 заправок автобензина и дизельного топлива, 9 – 14 заправок авиационного топлива, продовольствия – на 30 – 50 суток. По железным дорогам, которые на основных направлениях пришлось перешивать с европейской на союзную колею, было подвезено 133 тысячи вагонов с войсками и материальными средствами. Все это тыловым службам приходилось разгружать, перевозить в исходные районы, складировать, закапывать в землю, маскировать.

Скрытности, маскировке и дезинформации противника относительно своих сил и намерений придавалось первостепенное значение. Передвижения проводились только в ночное время, к утру все замирало. К танкам и машинам привя-

зывали ели, заметавшие следы на снегу. Все подразделения были обеспечены маскировочными зимними сетями. На 1-м Украинском фронте для прикрытия своих позиций и коммуникаций от вражеских глаз было установлено 240 километров вертикальных масок высотой до 4 метров.

За соблюдением «железного режима маскировки» войсками на маршрутах движения и в районах сосредоточения следили специально назначенные самолеты. Каждому из них выделялась полоса, которую экипаж в течение суток просматривал с воздуха два-три раза с больших и малых высот и «немедленно сообщал в штаб фронта о том, что, где и когда обнаружил». Над передовыми позициями гремела музыка Блантера и Дунаевского, транслируемая громкоговорящими радиоустановками, «веселя бойцов» и заглушая работу двигателей в тылу. На отдельных участках звуковые установки, наоборот, имитировали шум танковых моторов. Чтобы ввести немцев в заблуждение, были изготовлены сотни фанерных танков, орудий и автомашин, оборудованы десятки обманных аэродромов с макетами самолетов и обслуживающих средств, работали ложные и помалкивали реальные радиостанции, закладывались вполне натуральные минные поля, специальные батареи совершали регулярные огневые налеты, демонстрируя неизменность артиллерийской группировки. На отдельных направлениях саперы строили вторую оборонительную полосу. В войска рассылали памятки, содержащие указания по строительству оборонительных со-

оружений.

От бомбардировок и воздушной разведки противника переправы и плацдармы прикрывали 3522 зенитных орудия. Кроме того, «чистое небо» над магнушевским плацдармом обеспечивал 3-й истребительный авиакорпус, а над пулавским – 283-я истребительная авиадивизия, наводимые радиолокационными станциями «Редут»: «Все сигналы о появлении самолетов противника, полученные с главной рации поста ВНОС воздушной армии, оперативный дежурный передавал соединениям. Было организовано взаимодействие средств ПВО и авиации над плацдармами и наиболее важными направлениями. Принятые меры привели к тому, что самолетам врага редко удавалось прорываться в расположение наших войск».

Одним словом, цитируя вражьего генерала, «русские готовились к своему последнему крупному наступлению с исключительной тщательностью и без всякой спешки», толково и, можно сказать, со вкусом. Немцы ничем не могли им в этом помешать.

И небывалый размах приготовлений, и перевод фронтов под личное сталинское руководство объясняются тем обстоятельством, что конечной целью операции являлся Берлин. Как сообщает генерал армии С.М. Штеменко: «Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600 – 700 километров двумя последовательными усилиями (этапами) без оперативных

пауз». Потому и «подвинули» Рокоссовского, что брать столицу Третьего рейха должен был уж никак не поляк, категорически – не поляк (не в первый и не в последний раз в карьере самого талантливого советского полководца сыграла злую шутку «графа пятая»), а природный русак, заместитель гениального Верховного Главнокомандующего.

Согласно генеральному плану война с Германией должна была закончиться в начале марта. Не странно ли, что мы до сих пор не знаем кодового названия Берлинской стратегической наступательной операции?

* * *

Здесь самое время отметить, что всякая координация между действиями Красной Армии и англо-американских войск в Европе отсутствовала. Дело дошло до того, что в ноябре 1944 года в Югославии американские самолеты с энтузиазмом штурмовали советские колонны и аэродромы, а «яки» вели нешуточные воздушные бои с «лайтнингами». В связи с этим инцидентом Черчилль в послании Сталину от 2 декабря предлагал «установить разумную и товарищескую связь между нашими фронтовыми штабами».

Отражая немецкое наступление в Арденнах, немало их удивившее, союзники вполне закономерно и не в первый раз интересовались, а что собирается предпринять в 1945 году «Дядюшка Джо»? На Восточном фронте уже четыре месяца

царило затишье, и никакой информации из Москвы, несмотря на частые запросы, не поступало. Генерал Эйзенхауэр, разрабатывая свой план вторжения в Германию, неоднократно подчеркивал необходимость обеспечить взаимосвязь действий всех европейских фронтов. В частности, 21 декабря 1944 года он писал: «Если… русские намереваются предпринять решительное наступление в этом или следующем месяце, знание этого факта имеет для меня исключительно важное значение, я бы перестроил все мои планы в соответствии с этим. Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации?»

Английский Комитет начальников штабов в меморандуме на имя премьер-министра отмечал, что «нельзя принимать окончательное решение до тех пор, пока мы не будем иметь информацию о дальнейших планах русских», и просил направить в Москву «офицера высокого ранга» с задачей получить от русских необходимые сведения. Понимая важность и безотлагательность вопроса, Рузвельт и Черчилль 24 декабря обратились к Сталину с просьбой принять у себя ответственного представителя штаба Эйзенхауэра. Сталин согласился. В конце декабря из Франции в СССР для проведения консультаций вылетел начальник штаба при главнокомандующем экспедиционных сил в Европе главный маршал авиации Теддер, однако из-за наступившей над Средиземноморьем непогоды застрял в Каире. Тогда премьер Великобритании решил сам получить от Кремля хоть какую-нибудь

информацию. 6 января 1945 года Черчилль, намеренно сгущая краски, послал маршалу Сталину телеграмму следующего содержания:

«На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от союзного главнокомандования могут потребоваться большие решения.

Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному нами сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер из-за условий погоды вчера вечером находился еще в Каире. Его поездка сильно затянулась, но не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Сутки спустя премьер получил ответ:

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благо-

приятствует его началу. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Черчилль пришел в восторг: теперь можно было планировать дальнейшие действия, зная, что на протяжении нескольких ближайших недель все силы немцев на Восточном фронте будут скованы русскими.

Прибывшему наконец в Москву маршалу Теддеру Сталин 15 января доверительно поведал, что Красной Армии пришлось начать наступление на советско-германском фронте раньше намеченных сроков. Все – ради помощи «славным союзным войскам». Со временем эта байка трансформировалась в официальный миф, нашедший отражение во множестве «научных» и мемуарных работ: Черчилль «в связи с прорывом немцами фронта в Арденнах» обратился к советскому руководству с «мольбами о помощи»; Сталин хотел начать зимнее наступление 20 января, но, верный «товарищескому долгу», внял мольбам и приказал своим маршалам поднапрячься и сократить время подготовки на неделю; как итог – «наше мощное наступление спасло англо-американ-

цев от катастрофы».

Все это, мягко говоря, не соответствует истине.

Во-первых, попытка немцев перехватить инициативу и «парализовать противника» на Западном фронте вполне предсказуемо провалилась ввиду недостатка выделенных сил и нехватки горючего, а 3 января союзники перешли в контрнаступление, которое развивалось медленно, со скрипом, но вполне успешно. О чем британский премьер 5 января уведомил Москву: «Битва в Бельгии носит весьма тяжелый характер, но Эйзенхауэр и Монтгомери считают, что мы являемся хозяевами положения».

Во-вторых, в преддверии Ялтинской конференции трех держав Сталину важно было взять под контроль всю территорию Польши. Пришла пора поставить точку в долгой дискуссии с Лондоном и Вашингтоном о судьбе польского государства. 31 декабря 1944 года заседавший в Люблине Польский комитет национального освобождения, «выражая волю миллионов трудящихся», объявил себя Временным правительством.

Президент Рузвельт настойчиво уговаривал Сталина не торопиться с его официальным признанием, учитывая «тот факт, что пока лишь небольшая часть собственно Польши, лежащая к западу от линии Керзона, освобождена от германской тирании, и поэтому неоспоримой истиной является то, что польскому народу не было предоставлено возможности высказаться в отношении Люблинского Комитета». Иосиф

Виссарионович ответил, что Президиум Верховного Совета уже принял по этому вопросу положительное решение, и «это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание».

6 января 1945 года в Москве было опубликовано сообщение о признании Советским Союзом «народно-демократического правительства» Польской Республики. Дело оставалось за малым – под прикрытием советских танков доставить это марионеточное правительство в Варшаву и поставить мир перед свершившимся фактом, окончательно выбросив на свалку истории «кучку польских эмигрантов в Лондоне».

В-третьих, сосредоточение советских войск на висленских плацдармах, начавшееся сразу после Нового года, было практически закончено уже к 9 января. В числе прочих соединений исходные районы заняли танковые армии, держать которые на столь ограниченном пространстве в течение двух недель не имело смысла (так, армия Рыбалко переправилась на сандомирский плацдарм к утру 5 января) – плацдармы под завязку были набиты людьми и техникой. На магнушевском плацдарме уместились 23 дивизии и 5348 стволов артиллерии, на пулавском – 16 дивизий и 3324 ствола (не считая зенитные установки и гвардейские минометы). 8-я гвардейская армия имела полосу наступления около 7 километров по фронту, в которой на глубине до 5 километров размещалось 75 – 80 артиллерийских полков.

Главный комиссар 3-й гвардейской танковой армии гене-

рал-лейтенант Н.К. Попель красочно описывает эту картину:

«Установленные по квадратам сотни танков, пушек, машин, десятки тысяч солдат заполняли, казалось, каждый метр, исключая дороги. Под любым деревом была зарыта пушка, или танк, или боеприпасы, и когда наверху, покрякивая, словно ночная утка, пролетал снаряд, невольно думалось: «Попадет, промахнуться здесь невозможно». Плацдарм напоминал мне персидский ковер, где не бывает места без узоров и полосок: так и здесь нельзя было найти кусочка, не перекопанного землянками, траншеями и котлованами».

И всюду «царила глубокая уверенность в успехе». Особенно в штабах. Те же, кто сидел в окопах, несмотря на заклинания, что «немец уже не тот», знали – легкой прогулки не будет. Это настроение отметил Илья Эренбург: «Все понимали, что дело идет к концу, но никто не был уверен, что до него доживет… Близость развязки делала смерть особенно нелепой и страшной». И даже «пораженческие» настроения в красноармейской среде имели место быть: «Вот мы немца до Волги допустили и там разбили, а теперь он нам где-нибудь постарается Сталинград устроить».

В самих директивах от 25 и 28 ноября по поводу сроков для Конева и Жукова было написано: «Начало наступления – согласно полученных Вами лично указаний». Но вот генералу армии Петрову директивой от 30 ноября было конкретно указано подготовить к наступлению правофланговую армию «с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Укра-

инского фронта не позднее начала января 1945 г. овладеть Краковом».

Лишь крайне неблагоприятные погодные условия мешали немедленно начать операцию – обидно было бы не использовать по назначению воздушную армаду в 5000 самолетов. Об этом Верховный тоже писал Черчиллю: «Очень важно использовать наше превосходство над немцами в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь».

В общем, товарищу Сталину несложно было оказать союзникам услугу, которая ничего не стоила. Он и сам не собирался больше ждать, зима в Европе короче и капризней, чем в России. К тому же проведение операции тем и облегчалось, что значительные силы Вермахта и Люфтваффе, в том числе две танковые армии и 2400 самолетов, были брошены на Западный фронт.

При таких масштабах скрыть подготовку к наступлению было невозможно. Германское командование не сомневалось, что именно с плацдармов начнется рывок Советов на Берлин. Немецкая разведка правильно представляла себе замысел советского наступления и достаточно точно вскрыла состав советских группировок. Кроме агентуры, немцы получали сведения от пленных и, как ни странно звучит, от перебежчиков. В журнале боевых действий ОКВ записано: «Вырисовываются ударные группировки в районах Барано-

ва, Пулавы, Магнушева и в Восточной Пруссии, т.е. которые уже давно были нами установлены».

Маршал Конев не питал иллюзий: «Плацдарм заранее был заполнен, можно сказать, забит войсками. Это, конечно, не было и не могло быть тайной для противника. Кому не ясно, что если одна сторона захватила такой большой плацдарм, да еще на такой крупной реке, как Висла, то отсюда следует ждать нового мощного удара. Уж если захвачен плацдарм, так для того и захвачен, чтобы с него предпринимать дальнейшие наступательные действия. Так что место нашего будущего прорыва не было для противника секретом».

И время, кстати, тоже.

Гудериан пишет: «Мы рассчитывали, что наступление начнется 12 января 1945 г.». Правильно рассчитывали. Примечательно, что в германском Генеральном штабе «рассчитывали» буквально в тот же день, когда Сталин диктовал послание Черчиллю с «весьма секретной информацией». За четыре дня до советского наступления командующие группой армий «А» и группой армий «Центр» предложили скрытно оставить оборонительные позиции на западном берегу Вислы и Нарева и отступить на 20 километров, заняв менее растянутые тыловые рубежи, что давало возможность снять с фронта и вывести в оперативный резерв хотя бы несколько дивизий.

9 января начальник Генерального штаба сухопутных сил, вооружившись картами и схемами, отображающими соотно-

шение сил на Восточном фронте, прибыл в Цигенберг для доклада фюреру. Итоговые цифры, выведенные руководителем отдела «Иностранные армии – Восток» генералом Геленом, доказывали, что русские на берлинском направлении обладают 15-кратным превосходством на суше и 20-кратным в воздухе:

«Когда я показал Гитлеру эти разработки, он разразился гневом, назвал их совершенно идиотскими и потребовал, чтобы я отправил составителя этих схем в сумасшедший дом… Предложения Харпе и Рейнгардта были отклонены. Последовали ожидаемые ядовитые замечания в адрес генералов, которые-де под термином «оперировать» всегда понимают только отход на следующие запасные позиции.

Все усилия создать крупные оперативные резервы на угрожаемых участках сильно растянутого Восточного фронта разбились о бестолковую позицию Гитлера и Йодля. В настроении верховного командования вооруженных сил господствовало необоснованное мнение о том, что наши точные данные о предстоящем крупном наступлении русских могут быть всего лишь крупным блефом. Там вообще охотно верили только в то, чего желали, и закрывали глаза на суровую действительность».

Присутствовавший на совещании рейхсмаршал Геринг авторитетно заявил, что восемь тысяч русских самолетов – просто фанерные макеты. Они совсем не страшные.

Короче, «доклад не удался». Кипя негодованием, гене-

рал Гудериан попросил предоставит ему отпуск или комнату в дурдоме рядом с Геленом и удалился, проклиная в душе «страусовую политику и стратегию самообмана».

Оставалось только ждать, как скоро рухнет «карточный домик» Восточного фронта. Ждать пришлось недолго.

* * *

Первыми 12 января перешли в наступление армии И.С. Конева и обеспечивавшие их с юга армии И.Е. Петрова.

На 1-м Украинском фронте в 5.00 после 15-минутного огневого налета в атаку поднялись передовые, они же, как правило, штрафные батальоны, в просторечии именуемые «школами баянистов», и штурмовые инженерно-саперные роты. Ими легко была захвачена первая траншея, но затем войска столкнулись с заграждениями, огнем минометов и артиллерии. В 10.00 маршал приказал провести полноценную артиллерийскую подготовку, а надо сказать, что на сандомирском плацдарме было сосредоточено почти 12 тысяч орудий и минометов. Авиация, ввиду сложных метеорологических условий, в этот день не работала: с неба хлопьями валил густой снег, видимости фактически не было никакой.

Большие пушки, по утверждению Конева, отстрелялись с высочайшей эффективностью: «Взятые в плен в первые часы прорыва командиры немецко-фашистских частей показали, что их солдаты и офицеры потеряли всякое самообла-

дание. Они самовольно (а для немцев это, надо прямо сказать, нехарактерно) покидали свои позиции. Немецкий солдат, как правило – и это правило подтверждалось на протяжении всей войны, – сидел там, где ему приказано, до тех пор, пока не получал разрешение на отход. Но в этот день, 12 января, огонь был столь беспощадным и уничтожающим, что оставшиеся в живых уже не могли совладать с собой».

У генерала В.С. Архипова и того чище: «Окопы и ходы сообщения были завалены трупами фашистов. Это полегла здесь 68-я немецкая пехотная дивизия. Вся, целиком. Со штабами и тыловыми службами».

Правда, у тех, кто непосредственно наблюдал прорыв вражеской обороны, сложилось иное мнение: *«На рубеже 2-й и 3-й линий траншей пехоты противника не оказалось, за исключением небольших групп и одиночных стрелков и автоматчиков. С самого рассвета над полем боя висел туман и ограничивал видимость по горизонту до 1 – 1,5 км, а в высоту до 400 – 500 м. Ввиду этого, с НП не было видно ни результатов мощного артиллерийского огня, ни противника, по которому велся этот огонь. На НП командующего 3-й гвардейской танковой армией было мнение, что почти двухчасовая артподготовка велась по пустому месту, откуда противник уже отступил. В дальнейшем показаниями пленных и просмотром некоторых участков, подвергшихся нашей артобработке, такое предположение подтвердилось».*

Конкретный пленный из 68-й пехотной дивизии сообщил,

что еще *«вечером 11.1.45 солдатам был объявлен приказ о том, что с утра 12.1.45 русские перейдут в наступление, поэтому 196-й пехотный полк должен отходить в западном направлении»*.

Действительно, основные силы немцев, оставив прикрытие, уходили на тыловой рубеж, поэтому спорным является вопрос, чьими трупами были завалены окопы и ходы сообщения. Скорее всего – это фантазия мемуариста вкупе с изысками его литературного обработчика.

Главные силы 1-го Украинского фронта, поддерживаемые двойным огневым валом, начали наступление в 11.50 и в течение двух-трех часов боя с немецкими арьергардами полностью овладели первой и второй траншеями первой полосы обороны: *«Пехота 52-й армии встречала сопротивление при своем наступлении только в отдельных опорных пунктах и задерживалась на минированных участках местности»*.

Для завершения прорыва уже в 14 часов Конев ввел в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии, 31-й и 4-й гвардейский танковые корпуса – более 2000 танков и самоходов. Что возымело желаемое действие. К концу дня войска фронта преодолели первую полосу обороны на 35-километровом участке и вышли ко второй, вклинившись на глубину 15 – 20 километров. Продвижение основных танковых сил затруднялось только тем, что все дороги и маршруты оказались забиты артиллерией и транспортом общевойсковых армий. По этой причине вечером 12 января наступавший во

втором эшелоне 7-й гвардейский танковый корпус еще не достиг переднего края, а тылы армии Рыбалко все еще оставались в исходных районах. Корпуса 4-й танковой армии, вводившиеся в полосе 13-й армии генерал-полковника И.П. Пухова, оставались за боевыми порядками пехоты до утра.

В течение ночи наступавшие вели бои за вторую полосу. К 10 часам 13 января передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника И.И. Якубовского – 51-я гвардейская танковая бригада, усиленная самоходным артполком, дивизионом «катюш», батальоном автоматчиков и двумя саперными ротами, – вышел в реке Нида в районе Собкув и захватил плацдарм на западном берегу. Пехота перебралась по льду, танки переправились вброд, предварительно разрушив тонкий ледовый панцирь артиллерийскими выстрелами. Почти одновременно севернее приступила к форсированию реки 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада из армии Лелюшенко.

На второй день сражения немцы попытались нанести запланированный контрудар по флангам русского клина силами 24-го танкового корпуса генерала Вальтера Неринга. 16-я танковая (145 танков и САУ) и 20-я танко-гренадерская (73 танка) дивизии нацеливались на юг из района Кельце, а 17-я танковая дивизии (156 танков и САУ) – из района Пиньчув на север. Клещи должны были сомкнуться у Лесува. Однако 17-я танковая дивизия к этому времени сама оказалась зажата между флангами двух советских танковых армий и вы-

нуждена была перейти к обороне в районе Хмельника.

Столкнувшись с резервами противника, генерал Лелюшенко решил приостановить наступление передовых отрядов, совершить двусторонний охват частей 17-й танковой дивизии и во взаимодействии с 6-м гвардейским танковым корпусом 3-й танковой армии нанести одновременно удары по обоим ее флангам. С фронта предполагалось сковать противника двумя танковыми бригадами и артиллерией, выведенной на прямую наводку. К исходу дня после ожесточенного боя 17-я танковая дивизия была окружена частями 10-го танкового и 6-го механизированного корпусов и, потеряв почти всю технику, стала пробиваться на север. Советские войска заняли Хмельник – узел сопротивления второй полосы обороны.

В районе Лесува 61-я гвардейская Свердловско-Львовская танковая бригада полковника Н.Г. Жукова схлестнулась с 501-м тяжелым танковым батальоном майора Сэмиша, имевшем в строю 54 обычных «тигра» и 18 «королевских». Бригада встретила врага в оборонительных боевых порядках и сумела отразить удар. Однако и сама понесла тяжелые потери. В бою погибли и советский комбриг, и немецкий комбат.

16-я танковая дивизия противника была скована 49-й механизированной бригадой в районе Радомице, а затем подверглась удару главных сил 4-й танковой армии.

«Почти два дня, – живописует Д.Д. Лелюшенко, – длилось

кровопролитное танковое сражение, в котором участвовало до 1000 танков. Ряд населенных пунктов и рубежей переходили из рук в руки, стрельба велась в упор, пылали танки. Гитлеровцы стремились обойти наши фланги, но тут же натыкались на противотанковые орудия, поставленные в засаду. Ночью на 14 января бой шел с нарастающей ожесточенностью. Танки перемешались, с трудом можно было различить, где свои, где чужие.

К утру неприятелю было нанесено крупное поражение, более 180 танков 16-й и 17-й танковых дивизий противника пылало на поле боя. Штаб 16-й танковой дивизии врага был пленен, а 20-й моторизованной – разгромлен, офицеры спасались бегством».

Корпус Неринга отступил на север, к Кельце.

В этих боях высокой оценки удостоились противотанковые орудия БС-3, созданные Василием Грабиным специально для борьбы с «тиграми». Переделанная из 100-мм корабельной пушки Б-34, мощнейшая БС-3 имела один неприятный конструктивный недостаток: подпрыгивала при выстреле, сбивая прицел и стремясь искалечить наводчика. Но зато и дырявила любую бронетехнику с полутора километров. Так, отражая атаку 17-й танковой дивизии, две батареи из состава 199-й легкой артбригады, *«стреляя на дистанции свыше 1000 м, поражали самоходные 75-мм орудия и танки Т-4, сами находились вне досягаемости прямого выстрела бронеединиц противника».*

Тем не менее вражеские контратаки срывали предусмотренный планами график движения, вызывая неудовольствие командармов. Рыбалко выговаривал командиру 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майору В.В. Новикову:

«Вы потеряли время и управление корпусом. Категорически приказываю к утру 14.1.45 главными силами быть на западном берегу р. Нида. Подтяните корпус в кулак, не разбрасывайтесь. Противник в худшем положении, его надо бить, а не уклоняться от него».

В течение дня 14 января основные силы 3-й гвардейской танковой армии вброд и по наведенным мостам, потеряв в общей сложности застрявшими и затонувшими 25 боевых машин, переправились через реку Нида, не позволив противнику закрепиться на этом рубеже. Южнее при поддержке двух танковых корпусов успешно продвигались вперед войска 5-й гвардейской армии генерал-полковника А.С. Жадова (32, 33, 34-й гвардейские стрелковые корпуса).

Таким образом, в трехдневный срок оборона немцев перед сандомирским плацдармом была взломана. Войска 1-го Украинского фронта перешли к преследованию: 4-я танковая армия обходила Кельце с юга, армия Рыбалко 15 января двумя танковыми корпусами вышла к реке Пилица, захватив плацдармы на ее левом берегу. Вслед за ними наступали общевойсковые армии.

По мере продвижения вперед между 5-й гвардейской и 60-й армиями образовался разрыв, в который командующий

фронтом ввел 59-ю армию (43-й, 115-й стрелковые корпуса, 245-я стрелковая дивизия), переподчинив ей 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерал-лейтенанта П.П. Полубоярова (197 танков, 42 самоходные установки, 82 бронемашины) и 17-ю артиллерийскую дивизию прорыва генерал-майора С.С. Волкенштейна.

К исходу 15 января войска 5-й гвардейской армии вышли к Пилице, а 59-й и 60-й – к третьей полосе обороны противника северо-восточнее Кракова.

Глубокий прорыв 1-го Украинского фронта и начавшееся наступление 1-го Белорусского фронта поставили немецкие войска, оборонявшиеся вдоль Вислы, между пулавским и сандомирским плацдармами, перед угрозой окружения. Командующий 4-й танковой армией генерал Франц Грезер отдал приказ об отводе дивизий 42-го армейского корпуса в район Скаржиско-Каменна. Обеспечивая его отход, противник усилил сопротивление в районе Кельце. Отброшенные сюда соединения 24-го танкового корпуса Неринга и части 72-й пехотной дивизии усилили оборону города, который с трех направлений штурмовали соединения 3-й гвардейской, 13-й и 4-й танковой армий. Кельце пал вечером 15 января. Одновременно войска 6-й армии (22-й, 74-й стрелковые корпуса, 359-я стрелковая дивизия) преследовали соединения 42-го корпуса, отходившие из выступа севернее Сандомира. Перейдя в наступление в 16 часов, они овладели городами Островец и Опатув. Вместе с 25-м танковым корпусом гене-

рал-майора Е.И. Фоминых наперерез врагу продвигались на север дивизии 3-й гвардейской армии Гордова (76, 120, 21-й стрелковые корпуса).

* * *

С самого начала советского наступления генерал Гудериан убеждал Гитлера бросить «свои баталии в Вогезах» и поскорее возвращаться в Берлин и этим «хотя бы только внешне перенести центр тяжести наших боевых действий снова на Восток». Фюрер, увлеченный планами разгрома англо-американцев, отнекивался и повторял, что сил на Восточном фронте вполне достаточно. Однако постепенно и до него дошло, что дела на Востоке идут не совсем так, как ему представлялось. 15 января «Верховный главнокомандующий Вермахта» решил перенести свою ставку в имперскую канцелярию и по ходу дела, ни с кем не советуясь, принял полководческое решение, которое повергло в отчаяние начальника Генерального штаба ОКХ: немедленно перебросить танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии в район Кельце и предотвратить прорыв в направлении Познани. В состав корпуса, которым командовал генерал Дитрих фон Заукен, входили парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг», мотодивизии «Великая Германия» и «Бранденбург».

Гудериан считал, что, во-первых, «немедленно» не по-

лучится, во-вторых, корпус «Великая Германия» находится именно там, где ему и надлежит быть, в-третьих, нужные войска можно взять в Курляндии, где от них нет никакого толку, или перебросить с Западного фронта, прекратив там наступательную активность:

«Необходимо упомянуть, что эшелоны с боевыми частями этого корпуса уже все равно не успели бы прибыть вовремя, чтобы остановить наступление русских, но были бы сняты с оборонительных рубежей в Восточной Пруссии в такое время, когда там назревал кризис русского наступления. Их вывод оттуда в настоящее время означал бы, что в Восточной Пруссии начнется такая же катастрофа, какая произошла на Висле. Эти боеспособные дивизии находились на железнодорожных станциях, в то время как шли бои, решающие исход войны».

Когда Гудериан не согласился с приказом, Гитлер «пришел в ярость» и настоял на своем. Сутки спустя «вышел из себя» Гудериан, узнав, что фюрер отдал распоряжение снять с Западного фронта 6-ю танковую армию СС, но направить ее не на Одер, а в Венгрию для деблокирования Будапешта.

* * *

16 января армии 1-го Украинского фронта преследовали противника во всей 250-километровой полосе. Командование Вермахта старалось отвести остатки своих соединений

за реку Пилица, однако попытки организовать оборону на подготовленном здесь рубеже были сорваны действиями советских войск.

Вместе с 4-й танковой армией 13-я армия Пухова (24, 102, 27-й стрелковые корпуса), совершив 40-километровый бросок, к исходу 17 января форсировала Пилицу. Войска 52-й и 5-й гвардейской армий, используя успешные действия 3-й гвардейской танковой армии и продвигаясь темпом 20 – 30 километров в сутки, преодолели Пилицу, форсировали реку Варта и приняли у танкистов города Радомско и Ченстохову. По приказу Рыбалко 52-я гвардейская танковая бригада, которой командовал подполковник Курист, рванулась на север, преодолела 50 километров, ночной атакой 18 января захватила Пётркув и удерживала его до подхода частей Лелюшенко.

Быстрому преодолению водных преград способствовала высокая насыщенность наступавших армий инженерно-саперными подразделениями: «Все первые эшелоны наших войск, в особенности танковых и механизированных, шли в прорыв с комплектом, даже сверхкомплектом переправочных средств. Это позволяло им с предельной быстротой наводить переправы через реки в глубине обороны противника».

Начальник инженерных войск фронта генерал И.П. Галицкий: «Я невольно подумал, как разбогател наш фронт. Он имел теперь три штурмовые инженерно-саперные брига-

ды, одну моторизованную инженерную и две понтонно-мостовые. Всего шесть бригад, не считая пяти отдельных батальонов фронтового подчинения. Кроме того, в армиях имелось по одной инженерно-саперной бригаде, да в корпусах и дивизиях по саперному батальону. Это огромная инженерная сила. А с чего начинали войну? 201 инженерно-саперный батальон, да и те были на строительстве укреплений западных государственных границ. А сегодня в действующей армии 1129 батальонов. Инженерных бригад до войны вовсе не было. Теперь же их 109».

Ну и, конечно, немалую роль сыграло отсутствие на тыловых рубежах немецких войск. Как вспоминает генерал Г.В. Бакланов, бывший командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса: «Двигаясь к Ченстохову, наши части приближались к границе германского рейха. Недалеко от города и восточнее его мы пересекли прекрасно оборудованную линию немецких укреплений: глубокие, я бы сказал, благоустроенные траншеи, внушительно выглядевшие доты и дзоты. Но гитлеровцев там не оказалось, так что несколько десятков километров мы прошли, так сказать, беспрепятственно, страдая главным образом от того, что все время значительно опережали свои обозы и нередко оставались без горячей еды».

3-я гвардейская и 6-я армии 17 января подошли к Скаржиско-Каменна и на следующий день, овладев городом, соединились с войсками 33-й армии 1-го Белорусского фрон-

та. Задуманное советским командованием «кольцо» сомкнулось, однако, благодаря упорному сопротивлению дивизий Неринга и неудачным действиям дивизий генерала Гордова, ловушка оказалось пуста – противник успел отвести войска от Вислы на запад и избежал окружения. Последним в сторону Лодзи уходил 24-й танковый корпус.

Ожесточенные бои разгорелись на краковском направлении. Германское командование предпринимало все меры для организации обороны на подступах к Кракову, прикрывавшему пути в Силезский промышленный район. 59-я и 60-я армии, отражая контратаки, к исходу 17 января вышли к предместьям города. К этому времени правый фланг 17-й армии генерала Шульца обходили войска 38-й армии 4-го Украинского фронта.

Таким образом, за шесть дней 1-й Украинский фронт разгромил основные силы 4-й танковой армии и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом нанес серьезное поражение 17-й армии врага.

* * *

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось 14 января. Сначала с некоторой долей надежды военачальники ожидали улучшения погоды, но, «чем ближе к утру, тем больше густел и тяжелел туман, превращаясь в непроглядную завесу». В это время саперы проделывали прохо-

ды в минных заграждениях, агитаторы вдохновляли бойцов на подвиги, политработники проводили партийные и комсомольские собрания:

«Члену партии Константинову поручается измерить глубины реки Пилица, – доносится голос секретаря. – Командиру отделения коммунисту Никитину поручается первому форсировать реку. Никитин, вам известно, что на том берегу Пилицы сильно укреплено?

– Так точно. Доверие партии оправдаю!

– Комсомольцу Василию Погромскому, – слышится неподалеку, – поручается водрузить на том берегу Пилицы вымпел ЦК комсомола…»

В подразделениях зачитывали обращение Военного совета фронта, которое отечественные историки из природной стыдливости цитировать избегают, а вот доктор Геббельс мечтал «пробить» его публикацию в мировой прессе:

«Пробил великий час!

Пришло время нанести противнику последний, решающий удар и выполнить историческую задачу, поставленную товарищем Сталиным: прикончить фашистского зверя в его собственной берлоге и водрузить знамя Победы над Берлином!

Пришло время рассчитаться с немецко-фашистскими выродками. Велика и нестерпимо жгуча наша ненависть! Мы не забыли унижений и горя, принесенных нашему народу гитлеровскими людоедами. Мы не забыли сожженных дотла на-

ших городов и деревень. Мы помним наших братьев и сестер, наших матерей и отцов, наших жен и детей, замученных немцами. Мы отомстим за сожженных в адовых печах, за умерщвленных в газовых камерах, за расстрелянных и повешенных. Мы жестоко отомстим за все.

Мы идем в Германию, а за нами находится Сталинград, Украина и Белоруссия, мы идем по пеплу наших городов и деревень, по кровавым следам, оставленным нашими советскими людьми, замученными до смерти и растерзанными фашистскими шакалами.

Пусть же дрожит от ужаса страна убийц!

Нас ничто уже не удержит!

Мы поклялись погибшим друзьям и нашим детям, что не сложим оружия, пока не покончим с преступниками. За смерть, за кровь советских людей фашистские громилы многократно заплатят своей черной кровью…

Уничтожая фашистское зверье, мы выполним до конца и свою роль армии-освободительницы. Война не может быть окончена, пока в немецком рабстве изнывают советские люди и фашистское гнездо грабителей и разбойников не уничтожено…

На этот раз мы окончательно разобьем немецких выродков!

Мы сильнее врага. Наши пушки, самолеты и танки лучше немецких, и их у нас больше, чем у противника. Это первоклассное оружие дал нам народ, обеспечивающий своим ге-

роическим трудом наши победы.

Мы сильнее врага, потому что сражаемся за справедливое дело, против рабства и порабощения. Нас воспитывает, организует и воодушевляет на подвиги партия Ленина–Сталина, партия победы.

Мы сильнее врага благодаря мудрости нашего Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина, осуществляющего руководство борьбой нашего народа и Красной Армии. И мы знаем: Сталин с нами и победа – за нами.

Наша цель ясна. Дни гитлеровской Германии сочтены. Ключи к победе – в наших руках…

За нашу советскую родину, за наш героический народ, за нашего любимого Сталина – вперед, боевые товарищи!

Смерть немецким захватчикам!

Да здравствует Победа!»

В 7 утра по траншеям разнесли горячие щи и «наркомовские» сто граммов водки.

Сага о винной порции достойна отдельного исследования.

22 августа 1941 года, когда немцы вдребезги разбили первый стратегический эшелон Красной Армии, вышли к Киеву, захватили Гомель, Кировоград, Смоленск, вплотную подобрались к Ленинграду, Государственный Комитет Обороны среди прочих мер поднятия боевого духа войск, вроде стрельбы из всех видов оружия по «трусливым элементам» и репрессивных мер по отношению к семьям «предателей

и дезертиров», постановил начать выдачу водки всему личному составу «передовой линии действующей армии» в количестве 100 граммов в день. 11 мая 1942 года, в канун летнего стратегического наступления, которое должно было привести к «окончательному разгрому немецко-фашистских войск и освобождению советской земли от гитлеровских мерзавцев», было решено зря водку не переводить, а выдавать ее в виде поощрения «только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков». Имеющим успехи – по полному стакану ежедневно, остальным – полстакана и только по праздникам. Однако успехов не последовало, а был позорный разгром советских войск в Крыму и под Харьковом. Через месяц даже «передовикам» норму уполовинили. В ноябре 1942 года, когда решалась судьба страны, вновь решили наливать всей действующей армии: подразделениям, ведущим непосредственно боевые действия, и частям, производящим работы на передовых позициях, сидящим в окопах и находящимся в дивизионном резерве, и даже раненым с разрешения врача. Окончательное мнение ГКО выработал лишь 30 апреля 1943 года, постановив «прекратить массовую выдачу водки» и выдавать по 100 граммов в сутки «военнослужащим тех частей передовой линии, которые ведут наступательные действия».

Само собой, в первую очередь «продукт» в неограниченном количестве потребляли те, кто должен был его распре-

делять, и отцы-командиры. Формально Наркомат обороны пытался с этим бороться и периодически издавал грозные приказы:

«Несмотря на неоднократные указания и категорические требования о выдаче водки в действующей армии строго по назначению и по установленным нормам, до сих пор не прекращаются случаи незаконной выдачи водки.

Водка выдается штабам, начсоставу и подразделениям, не имеющим права на ее получение.

Некоторые командиры частей и соединений и начсостав штабов и управлений, пользуясь своим служебным положением, берут водку со складов, не считаясь с приказами и установленным порядком».

В приказной части требовалось организовать строгий учет и назначать завскладами и кладовщиками «специально подобранных честных, проверенных лиц, могущих обеспечить полнейшую сохранность водки». Вот с этим была вечная проблема. Честные лица на таких должностях почему-то не задерживались, а мигом оказывались в окопах, их закономерно сменяли тыловые крысы, умеющие угодить начальству и не забыть себя. Поэтому на передовой водку получали в последнюю очередь, а установленную норму красноармейцы добирали за счет погибших товарищей.

* * *

Погоды все не было. Не дождавшись милостей от природы, маршал Жуков, находившийся на командном пункте 5-й ударной армии, приказал «начать игру».

В 8.30 смолкла музыка и грянуло свыше 10 тысяч артиллерийских стволов. Мощнейший огневой налет длился всего 25 минут. Затем усиленные стрелковые батальоны «разведывательного эшелона», поддерживаемые огневым валом, в течение часа продвинулись на 2 – 3 километра, не встречая организованного сопротивления. Их успех немедленно развили главные силы ударной группировки фронта. Запланированную полную артподготовку Жуков решил не проводить, что позволило сэкономить почти 30 тысяч тонн боеприпасов.

Наступавшие с магнушевского плацдарма 5-я ударная армия (26-й гвардейский, 32-й, 9-й стрелковые корпуса) генерал-полковника Н.Э. Берзарина и 8-я гвардейская армия (28, 29, 4-й гвардейские стрелковые корпуса, 6-й артиллерийский корпус прорыва РГК) генерал-полковника В.И. Чуйкова, прорвав первую полосу обороны 6-й и 251-й пехотных дивизий, к исходу дня продвинулись на глубину до 12 километров. При этом стрелковые части 5-й ударной не только форсировали реку Пилица по льду, но и захватили исправные мосты. 61-я армия (9-й гвардейский, 80-й, 89-й стрелко-

вые корпуса) под командованием генерал-полковника П.А. Белова форсировала реку Пилица и вклинилась в оборону врага на 2 – 3 километра.

Одновременно с пулавского плацдарма ударили 69-я (91, 25, 61-й стрелковые корпуса) и 33-я (16, 38, 62-й стрелковые корпуса) армии. Уже к 14.00 их войска преодолели первую полосу обороны, после чего в сражение были введены 11-й и 9-й танковые корпуса генералов И.И. Ющука и И.Ф. Кириченко. В течение дня 69-я армия продвинулась на глубину до 20 километров, 33-я армия – до 15 километров.

Особенно отличился проложивший дорогу всей армии 1-й батальон 215-го гвардейского стрелкового полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии. Бывший командир взвода Михаил Гурьев вспоминал: «Накануне наступления по траншеям пронесли полковое Знамя, и мы целовали его… Мы себя чувствовали смертниками. Знали ведь, как немцы здесь укрепились. Понаделали всяких ходов сообщений, каждую кочку пристреляли. Пришлось продираться сквозь жуткие заслоны… В атаке «Ура!» никто не кричал, физически просто невозможно, все силы – броску. Первую траншею наши артиллеристы почти сровняли с землей – одни трупы. Другие роты залегли на второй траншее, а мы и ее целехонькие проскочили. Вперед вырвались и соседям помогли – огнем с фланга».

Отмечая массовый героизм, проявленный подразделением при прорыве, Военный совет 69-й армии присвоил бата-

льону почетное наименование «Батальон Славы». Весь рядовой и сержантский состав батальона, живые и павшие, – около 350 человек – был награжден орденами Славы, командиры взводов – орденами Александра Невского, командиры рот – орденами Красного Знамени. Комбату, 23-летнему гвардии майору Б.Н. Емельянову, присвоили звание Героя Советского Союза. Случай уникальный. Впрочем, уникальным соединением была сама 77-я гвардейская Черниговская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия. Она принимала участие в самых известных сражениях Отечественной войны: в битвах под Москвой и под Сталинградом, в Орловской наступательной операции и форсировании Днепра, в операции «Багратион» и захвате висленских плацдармов, каждый раз прирастая почетными наименованиями и наградами. После выхода к Одеру на ее Боевом Знамени появится орден Ленина. И если в 215-м полку появился Батальон Славы, то во 2-м батальоне 218-го стрелкового полка была Рота Героев. За всю войну в 69-й армии звания Героя Советского Союза удостоились 122 бойца и командира, в 77-й гвардейской дивизии их было 67. От Волги до Эльбы дивизия «пропахала» под командованием генерал-майора В.С. Аскалепова.

Советская авиация в этот день так и не смогла подняться в воздух.

15 января в 14.00 в полосе наступления 8-й гвардейской армии была введена в сражение 1-я гвардейская танковая ар-

мия генерал-полковника М.Е. Катукова (11-й гвардейский танковый, 8-й гвардейский механизированный корпуса, 64-я гвардейская танковая бригада – 792 танка и САУ). К исходу дня ее передовые бригады, продвинувшись на 40 – 50 километров, вышли к реке Пилица. В этот же день севернее Варшавы в наступление перешла 47-я армии (77, 125, 129-й стрелковые корпуса). Ее соединения прорвали оборону врага и приступили к форсированию Вислы. На следующий день, переправившись через Пилицу, в «чистый прорыв», совершенный дивизиями Берзарина, вошли 2-я гвардейская танковая армия генерал-полковника С.И. Богданова (9-й и 12-й гвардейские танковые, 1-й механизированный корпуса – 840 танков и САУ) и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В.В. Крюкова. Стремительно развивая успех, танковая армия обогнала пехоту и совершила бросок на 60 километров, а ее передовые отряды вышли к Сохачеву – в тыл оборонявшему Варшаву 46-му танковому корпусу генерала Вальтера Фриса. Правда, не обошлось без неприятных сюрпризов:

«Танковые соединения армии в районе Сохачев впервые встретились с массовым применением «фаустпатронов» и, не имея опыта борьбы с ними, в населенных пунктах и узлах дорог имели потери и в ходе боев выработали методы действия по уничтожению «фаустников».

Сюрприз состоял не в факте наличия у немцев еще одного «чудо-оружия», а именно в его «массовом применении».

* * *

Разработки «реактивных» и «динамо-реактивных» противотанковых ружей велись в разных странах с начала 30-х годов. Однако в СССР они не получили развития: предлагаемые системы были неэффективными и ненадежными, многих энтузиастов этого направления, а также их покровителей пришлось пустить в распыл как «врагов народа». Основным средством ПТО считались противотанковые орудия, которыми Красная Армия была обеспечена, как ни одна армия в мире. Поэтому к началу Отечественной войны советская пехота не имела эффективных противотанковых средств ближнего боя. Лишь в августе 1941 года были спешно приняты на вооружение 14,5-мм ПТР конструкции В.А. Дегтярева и С.Г. Симонова. Мера вынужденная – в приграничном сражении войска теряли по 1100 орудий в день. Простые, надежные и достаточно эффективные противотанковые ружья сыграли большую роль в борьбе с немецкими танками, советские газеты прославляли подвиги героев-бронебойщиков. Однако против бронетехники заключительного периода войны они были бессильны.

В Германии летом 1943 года в рамках «Программы вооружения пехоты», наряду с реактивными противотанковыми ружьями, аналогами американской «базуки», был принят на вооружение «Панцерфауст» – одноразовый гранато-

мет с надкалиберной кумулятивной гранатой, получивший в Красной Армии широкую известность как «фаустпатрон». Устройство было предельно простым и состояло из двух основных частей: 101-мм или 150-мм гранаты и трубы с вышибным пороховым зарядом и ударно-спусковым механизмом. Уже через год промышленность штамповала их сотнями тысяч, а к концу 1944-го – по миллиону в месяц. Освоить «Панцерфауст» мог любой пацан из фольксштурма, вся «система» весила 3,25 либо 5,35 кг. Для производства выстрела нужно было взять гранатомет под мышку или положить его на плечо, поднять прицельную планку (мушкой служил ободок гранаты), снять предохранитель и нажать на пусковую кнопку. Максимальная прицельная дальность составляла 75 м, эффективная – около 35 м. В зависимости от калибра граната прожигала 140 – 200 мм брони. Использование кумулятивной боевой части обеспечивало одинаковое поражающее воздействие независимо от расстояния.

Советских кабинетных специалистов «Панцерфауст» не впечатлил: слабый вышибной заряд, малая дальность, недостаточная точность стрельбы – не «чудо-оружие», а очередной «эрзац». А вот нашим танкистам он хорошо запомнился. Многочисленные «фаустники» оказались опасным противником, особенно в тесноте и неразберихе уличных боев.

Вскоре это почувствовали и в 3-й гвардейской танковой армии, штаб которой тут же выдал следующие рекомендации:

«Вместо того чтобы врываться в населенные пункты с второстепенных направлений, неожиданно появляться перед противником, сея огнем своего вооружения панику и страх, танковые подразделения двигаются по главным магистралям, неся потери от фаустпатронов, истребителей танков, засевших в домах и укрытиях.

Фаустпатрон, действуя на дистанции 60 – 100 м, не является и не может быть грозным и серьезным оружием против танков. Между тем 20% вышедших из строя танков получили боевые повреждения от них, а безвозвратная гибель танков от фаустпатронов составляет более 30%».

Штаб 1-го Украинского фронта, обобщив полученную информацию, спешно разработал инструкцию по борьбе с новой угрозой: «Было рекомендовано широко применять экранирование танков и самоходно-артиллерийских установок. Фаустпатроны, пробивая навесные экраны из листового железа, встречали затем пустоту и, потеряв убойную силу, не наносили особого ущерба боевой машине. В большинстве они рикошетировали по броне. Одним из действенных средств борьбы с вражескими фаустниками являлось четкое и непрерывное взаимодействие пехотинцев с танкистами, товарищеская выручка в бою».

Насчет противокумулятивных экранов наши умельцы догадались сами. В полевых условиях на броню приваривали все, что попадало под руку: листы металла, сетки, панцирные солдатские койки.

Самую исчерпывающую инструкцию «разработал» гениальный Жуков: «О «фаустпатронах» будете рассказывать после войны внукам, а сейчас без всяких рассуждений наступать вперед!»

Альберт Шпеер считал «Панцерфауст» оружием отчаяния. Генерал Чуйков, наоборот, высоко оценивал боевую эффективность «фаустпатрона» и даже предлагал скопировать его конструкцию под названием «Иван-патрон»: «8-я гвардейская армия, бойцы и командиры были влюблены в эти фаустпатроны, воровали их друг у друга и с успехом их использовали – эффективно». Советские солдаты охотно использовали трофейные гранатометы в городских боях. Однако, как сетовал бывший начальник ГАУ маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, «не нашлось активных сторонников таких средств противотанковой борьбы, как фаустпатрон… А ведь он прекрасно зарекомендовал себя». То есть имелись разногласия между фронтовыми и полигонными генералами.

На нижестоящем же уровне за пару-тройку слов, «восхваляющих вражескую технику», вполне можно было и на нары угодить. Писатель Василь Быков:

«Вообще разговор о качестве оружия возникал среди фронтовиков довольно часто – и в госпиталях, и в минуты недолгого затишья. Злободневная тема! Все сводилось к одному: какая дрянь наши автоматы, пулеметы, орудия и танки. Но на политзанятиях сказать об этом не решался никто. Так как во всех газетах можно было прочесть: наше оружие,

наша техника лучше немецких. У них там все искусственное, сплошные эрзацы – и хлеб, и мыло, и кофе. Да еще войска снабжают невыносимо вонючим порошком – дустом, которым пересыпают все в блиндажах. Выходило, что куда удобнее по нашему примеру жарить вшей в бочках, чем пользоваться им. Иногда нам читали приказы, в которых объявлялись приговоры офицерам, позволявшим себе похвалить немецкое оружие, тем более – тактику. Ибо она, как не раз слышали мы, была у нас тоже лучшей. Только некоторые при этом криво усмехались, но помалкивали».

Конечно, «Панцерфауст» был оружием отчаяния. Несомненно, что потери танков от огня артиллерии были на порядок выше. Но у Вермахта «заканчивалась» артиллерия, а у фольксштурма ее вовсе не было. И еще, наличие «фаустников» оказывало на танкистов сильное моральное воздействие: попадание, как правило, вело к гибели всего экипажа: «Вот стоит машина с наглухо задраенными люками, из нее сквозь броню слышен визг вращающегося умформера радиостанции. Но экипаж молчит… не отзывается ни на стук, ни по радио. В башне – маленькая, диаметром с копейку дырочка – мизинец не пройдет. А это – «фауст», его работа! Экран в этом месте сорван, концентрированный взрыв ударил по броне… Из башни достаем четырех погибших танкистов. Молодые, еще недавно веселые сильные парни. Кумулятивная граната прожгла сталь брони, огненным вихрем ворвалась в машину. Брызги расплавленной стали поразили

всех насмерть».

История подтвердила плодотворность идеи легкого и предельно простого в обращении ручного противотанкового гранатомета. Но лишь в 1949 году Советская Армия получила на вооружение детище ГСКБ-30 Министерства сельскохозяйственного машиностроения – ручной гранатомет РПГ-2. От «Панцерфауста» он принципиально отличался тем, что пусковую трубу сделали многоразовой, ударно-спусковой механизм смонтировали в пистолетной рукоятке, а пороховой метательный заряд (в картонной гильзе) привинчивался к 80-мм надкалиберной гранате кумулятивного действия ПГ-2, по ободку которой осуществлялось прицеливание. Прицельная дальность стрельбы – 150 м, эффективная – не более 100 м, бронепробиваемость – 200 мм. Концепция одноразового гранатомета была реализована в СССР двадцать лет спустя в РПГ-18.

* * *

Стремясь закрыть образовавшиеся бреши, командование 9-й немецкой армии ввело в сражение 19-ю и 25-ю танковые дивизии (150 танков) 40-го танкового корпуса. Однако уже в ходе выдвижения они попали под удар соединений 1-го Белорусского фронта и вынуждены были отойти.

Наступавшие с пулавского плацдарма войска, прорвав вторую полосу обороны, перешли к преследованию против-

ника. В ночь на 16 января армия генерала Колпакчи и 11-й танковый корпус штурмом овладели важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом – городом Радом. Соединения 33-й армии с 9-м танковым корпусом подошли к городу Шидловец.

В результате двухдневных боев удары войск 1-го Белорусского фронта с двух плацдармов практически слились в один мощный удар в полосе 120 километров.

Выход 2-й гвардейской танковой армии в район Сохачева и наступление 47-й армии Перхоровича севернее польской столицы создали для варшавской группировки угрозу окружения. Под натиском советских войск 46-й танковый корпус противника вместо отхода на запад, к Познани, вынужден был отступать на северо-восток, за Вислу. С утра 16 января погода заметно улучшилась, и 3-й бомбардировочный авиакорпус генерал-майора А.З. Каравацкого бомбил лед на реке, штурмовики 6-го авиакорпуса генерал-майора Б.К. Токарева прочесывали берег Вислы, уничтожая переправочные средства, и наносили удары по немецким колоннам, 3-й истребительный авиакорпус генерал-лейтенанта Е.Я. Савицкого осуществлял прикрытие наземных соединений. За два дня 16-я воздушная армия совершила 5979 боевых вылетов.

16 января перешла в наступление 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С.Г. Поплавского. В ночь на 17 января ее главные силы, переправившись через Вислу в полосе 61-й армии, подошли к городу с юга. Из немецких

войск в Варшаве оставались четыре пехотных батальона и инженерные части. Штаб группы армий «А» поставил ОКХ в известность, что удержать город не удастся, более того, поскольку связь с гарнизоном прервана, вообще неизвестно, в чьих руках он находится. Смирившись с неизбежностью, Гудериан, не мешкая, передал генералу Харпе распоряжение действовать по обстановке и «наметить следующий рубеж обороны, исходя из предположения, что Варшава уже находится в руках противника». Во время доклада Гитлеру в ставку поступила радиограмма от коменданта Варшавы, в которой сообщалось, что он намерен оставить «крепость» в течение ночи.

Фюрер буквально взбесился и велел удержать Варшаву любой ценой. Однако восстановить оборону не удалось – гарнизон, уничтожив тыловое имущество, уже уходил.

Утром 17 января дивизии Войска Польского одновременно с частями 61-й и 47-й армий завязали бои на улицах Варшавы. К полудню они полностью освободили столицу Польши.

Город был мертв: «Варшава представляла собой горы руин. Повсюду почерневшие от пламени стены разрушенных зданий. Улицы завалены кирпичом и битым стеклом». Из 1 млн 310 тысяч довоенного населения в нем осталось только 162 тысячи. Отступая, немцы установили большое количество противотанковых и противопехотных мин, фугасов замедленного действия и различных взрывных ловушек. Со-

ветские саперы немедленно приступили к разминированию важнейших объектов.

Штаб фронта переместился в предместье Варшавы – Прагу. Сюда же поспешило Временное правительство Э. Осубки-Моравского. С ним Жукову приходилось дипломатничать, к чему Георгий Константинович, привыкший делить людей на начальство и остальных прочих, был органически неприспособлен. Эту раздраенность маршальских чувств отмечает его личный шофер А.Н. Бучин: «К привычным военным делам добавились хлопоты с вздорными и скандальными польскими деятелями. Во всяком случае, после встреч, хотя и редких, с ними маршал выглядел не лучшим образом».

Обидно было также, что поляки не слишком праздновали «освободителей», а сама Польша, за исключением столицы, «мало пострадала»:

«Стоило пересечь советскую границу, как мы оказались в ином мире. В Польше почти не видно разрушений, в деревнях скот, лошади. Живут очень прилично. Немцы, отходя на запад, не разрушают ничего и, конечно, не сжигают дома. Удивились, почесали в затылках и порешили – Европа, значит…

Красная Армия один на один дралась с Вермахтом при общей пассивности, а иногда и враждебности местных жителей. За них же отдавали жизнь наши бойцы и командиры!»

Варшаву, конечно, немцы порушили сильно, но не было к

полякам сочувствия, несоветские они были какие-то и девушек своих от греха подальше прятали:

«Город был разбит почти так, как наши советские города. Пожалуй, то был единственный случай за время наступления в Польше, когда мы столкнулись с редкими разрушениями, напоминавшими повсеместные злодеяния немцев на наших землях. По делам мне пришлось тогда несколько раз побывать в Варшаве и наблюдать удивительную картину: солдатня Войска Польского обнималась и бражничала с варшавянами, а множество предельно усталых наших саперов с сосредоточенными лицами разминировали центральные улицы города, очищали их от битого кирпича, от всякого хлама. Они очень торопились – 20 января в Варшаве состоялся парад Войска Польского…

Конечно, нас приветствовали, когда население получало из рук Красной Армии немецкое имущество. Впрочем, часто не дожидалось, пока дадут, а хватало все, что плохо лежит. Удивляло и обилие мужской молодежи призывного возраста, пересиживавшей войну. Пусть Иван воюет…

В Польше, насколько мы могли судить, молились мелочной торговле. На каждом шагу натыкались на торгашей, что-то продававших, менявших и по этому случаю пытавшихся вступать в контакт с нами – нельзя ли хоть чем-нибудь поживиться у Красной Армии. Торгашеский дух пронизывал всю страну.

Чем дальше мы шли по Польше, тем лучше понимали и

другое – Красная Армия вскрыла тыл немецкого Восточного фронта, питавшего Вермахт в войне против нас. Приняв за чистую монету разговоры чуть ли не о любви местного населения к нам, мы на первых порах торопились улыбаться, протягивать руки и прочее. Прием обычно был холодноватый.

Обидно было даже не это, а то, что, пройдя тысячи километров по нашей сожженной и разрушенной войной Родине, мы попали в мир, проживший эти годы, может быть, и не в роскоши, но в относительной сытости. Опрятные города, упитанные деревни, прилично одетая публика. Могу поручиться: удивляло все это Георгия Константиновича и было чуждо ему, как и шепелявая речь, слышавшаяся на улицах, когда нам приходилось неторопливо проезжать через населенные пункты. Нет, не встречали нас в Польше хлебом-солью, да мы и не просили. Обходились своим».

Обзорную экскурсию по освобожденным районам Польши совершил первый секретарь компартии Украины Н.С. Хрущев, тоже не преминувший отметить: «Сравнивая разрушенные Киев, Харьков, города и шахты Донбасса, Полтаву с тем, что я заметил здесь, я пришел к выводу, что Польша «отделалась» довольно легко, за исключением Варшавы».

А вот насчет того, что «обходились своим», Саша Бучин приврал, поскольку вместе со всем многолюдным фронтом жевал польский хлеб, собранный польскими крестьянами на польской земле. Одними из первых законов, принятых Люб-

линским комитетом еще в августе 1944 года, были декреты об обязательных поставках картофеля, зерновых культур, мяса, молока, сена «для государства». Одновременно были подписаны обязательства по снабжению Красной Армии продовольствием и другими необходимыми материалами (к примеру, план по зерну на 1944 год первоначально «весил» 530 тысяч тонн, затем по просьбе поляков его снизили до 380 тысяч) согласно установленным местными властями заготовительным ценам в польской валюте. Как правило, при закупках ориентировались на цены, сложившиеся при немцах; чуть позже поступило указание платить на 10% больше, чем «фашисты». Злотые «в размере, необходимом для содержания Красной Армии», предоставляла польская сторона. Советское командование получило также право в случае надобности проводить реквизицию имущества «у местного населения и частных фирм» и принудительную мобилизацию военнообязанных мужчин и женщин от имени и по поручению Комитета национального освобождения, не обладавшего ни авторитетом, ни реальной властью.

Советские тыловые службы, комендатуры и политорганы провели во всех воеводствах «широкую массово-разъяснительную работу», призывая крестьян выполнить правительственное задание неуклонно и досрочно. И, о чудо, пишет генерал Н.А. Антипенко:

«Хлеб и другие продукты тысячами тонн стали поступать на приемные пункты. Декрет обязывал крестьян доставлять

все собственным транспортом, но мы не отказывали в автотранспорте, если поступала просьба об этом. Однако это бывало не так часто: крестьяне группировались в обозные колонны и под развевающимся красным флагом торжественно следовали на пункты сдачи. 15 декабря 1944 года в приказе по войскам 1-го Белорусского фронта командующий фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков объявил благодарность большой группе генералов и офицеров за полное завершение заготовок продовольствия, которого должно было хватить до нового урожая».

Действительно, большинство населения относилось к Красной Армии лояльно и дружелюбно. Эта дружба основывалась на понимании, что без помощи советских войск освобождение страны невозможно, и ненависти к общему врагу – немцам. В то же время поляков пугал возвратившийся в Европу «призрак коммунизма». Многие не желали признавать привезенное из Москвы «демократическое правительство» и затеянные им «социальные преобразования», отделение от Польши «крэсов всходних» – Западной Украины и Западной Белоруссии, разоружение отрядов Армии Крайовой, после пяти лет борьбы с гитлеровцами оказавшихся вдруг «бандами». Короче говоря, польское общество, с точки зрения советского человека, было засорено «враждебными элементами» и «реакционными кругами».

«На территории Польши, – вспоминает генерал И.Т. Коровников, – воины столкнулись с капиталистической дей-

ствительностью, враждебной идеологией, чуждым советскому человеку бытом».

Генерал К.Ф. Телегин: «Теперь уже всем было понятно, что в ликующих толпах освобожденного народа маскировались и враждебно настроенные элементы, готовые в любую минуту пустить в ход и клевету, и оружие».

А вот генерал К.В. Крайнюков: «Польская реакция встретила в штыки демократические свободы и социальные преобразования. Классовая борьба между помещичье-буржуазной реакцией и демократическими силами приобрела особую остроту. Показала свое истинное лицо и так называемая Армия Крайова, представлявшая собой вооруженный оплот эксплуататорских классов, международной и внутренней реакции».

Отловом «враждебных элементов», нарушавших приказы советского командования о сдаче оружия и радиоприемников, уклонявшихся от мобилизации и «оборонительных работ», занималась контрразведка «Смерш», сроки им лепили советские военные трибуналы. Польская военная прокуратура открыто манкировала своими обязанностями: дескать, по их законам, «военные суды не имеют права судить гражданских лиц, независимо от того, какие преступления эти лица совершили». Вот эти-то нерешительность и «дряблость» местных властей – «вздорных польских деятелей» – в проведении репрессий против соотечественников и вызывали раздражение Жукова и Телегина:

«ПКНО… слишком робко подходит к решению вопроса о ликвидации враждебных организаций, затягивает создание судебно-прокурорских органов, слабо применяет репрессии к враждебным элементам, как бы подчеркивая этим свою слабость и нежелание обострять отношения…

Необходимо отметить, что население Польши еще до сих пор не чувствовало твердости руки ПКНО. Еще ни одного серьезного процесса над враждебными элементами не проведено, никто не осужден и не расстрелян, и это в глазах населения, подогреваемого аковцами, расценивается как слабость и неуверенность самого ПКНО».

Наш человек о твердой руке помнил всегда: «О, это роковое слово «Смерш». Оно действовало безотказно. Мы все замирали от страха, услышав его». А полякам еще предстояло учиться, учиться и учиться…

* * *

На главном направлении командование Вермахта пыталось отводом своих войск на оборудованные позиции вдоль рек Бзура, Равка, Пилица создать новый фронт обороны, но стремительное продвижение армий 1-го Белорусского фронта сорвало его замыслы. 1-я гвардейская танковая армия разгромила резервные части противника и преследовала их остатки на познаньском направлении.

5-я ударная и 8-я гвардейская армии, преодолев реку Рав-

ка, к исходу 17 января овладели Скерневице и Рава-Мазовецка, уничтожив при этом части танковой дивизии 40-го корпуса. С темпом 25 – 30 километров в сутки преследовали противника 69-я и 33-я армии, танковые корпуса которых в районе Томашув-Мазовецки подошли к Пилице. Сюда же выдвинулся введенный в сражение 7-й гвардейский кавалерийский корпус генерала М.П. Константинова. В результате четырехдневного наступления войска 1-го Белорусского фронта разбили главные силы 9-й немецкой армии и продвинулись в глубину на 100 – 130 километров.

Стрелковые корпуса, сворачиваясь в походные колонны, перешли к преследованию. Впереди колонн двигались передовые отряды, оснащенные сверхкомплектом переправочных средств. Быстрому продвижению советских войск благоприятствовала морозная погода, сковавшая грязь на дорогах. Среднесуточный темп продвижения механизированных соединений составлял 45 километров в сутки, общевойсковые соединения продвигались со средним темпом 30 километров; «чтобы не оторваться от противника, наши части в максимальной мере использовали все виды трофейного транспорта: автомобили, мотоциклы, велосипеды, повозки пр.». На многих трофейных машинах за рулем сидели пленные. Все фронтовики понимали, что лучше преследовать разбитого противника, чем с кровью выбивать его с очередного рубежа. И тыловикам тоже радость, хотя работы прибавляется: «Кроме того, высокие темпы наступления

обычно дают огромную экономию материальных средств, и это легко доказать арифметически, если подсчитать, какой ценой доставался нам каждый километр завоеванной территории. Поспешно отходящий противник не успевает разрушить дороги, мосты, другие важные объекты, и это облегчает задачу восстановления – не снимает ее, конечно, а только облегчает, ибо почти все мосты стратегического значения противник успевал и в этом сражении подорвать. Наконец, высокие темпы наступления дают много трофеев, пусть даже частично приведенных в негодность…

В конечном итоге высокие темпы наступления создают для оперативного тыла более благоприятные условия, нежели замедленный темп, хотя и требуют в кульминационные моменты исключительного напряжения».

Вслед за боевыми частями и армейскими тылами следовали железнодорожные бригады Управления военно-восстановительных работ, восстанавливая магистраль Варшава – Познань – Франкфурт. Этому процессу предшествовала долгая дискуссия между Военным советом фронта, транспортным комитетом при ГКО и Наркоматом путей сообщения СССР. Военные инженеры с целью обеспечения бесперебойного снабжения действующей армии по мере продвижения в глубь Европы предлагали перешивать основные железные дороги на союзную колею. В противном случае требовалось иметь сеть перевалочных баз, которые, по-хорошему, надо было построить на государственной границе СССР еще ле-

том 1944 года. Наркомпуть возражал, утверждая, что «удлинение на запад железнодорожных путей союзной колеи еще более усилит напряженность перевозок внутри страны, особенно в связи с развернувшимися работами по восстановлению народного хозяйства». Победили в споре «хозяйственники», и Государственный Комитет Обороны принял решение об эксплуатации в Освободительном походе западноевропейской колеи с использованием трофейного подвижного состава.

К исходу 17 января центральная группировка 1-го Белорусского фронта (5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии), успешно развивая наступление, уже подходила к главным коммуникациям и магистральным шоссейным дорогам Варшава – Берлин.

«Особого сопротивления, – отмечает В.И. Чуйков, – наши войска не ощущали. На этом направлении основные силы противника были разгромлены, крупных резервов у него здесь не имелось».

Маршалом Жуковым была сделана следующая оценка обстановки: *«Противник в настоящее время против 1 БФ очень слаб, и эту слабость войска фронта обязаны использовать для успешного выполнения поставленных задач»*.

Таким образом, к исходу 17 января войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов прорвали оборону противника в полосе до 500 километров и продвинулись

на глубину 100 – 160 километров. Основные силы группы армий «А» были разгромлены. Погиб командир 56-го танкового корпуса генерал Блок. Командир 17-й танковой дивизии полковник Альберт Брукс, командир 88-й пехотной дивизии генерал-лейтенант граф фон Риттберг, командир 214-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Киршбарх были взяты в плен.

Первый этап операции прошел сверхуспешно, и Ставка Верховного Главнокомандования уточнила дальнейшие задачи.

1-му Белорусскому фронту было приказано не позднее 2 – 4 февраля овладеть рубежом Быдгощ, Познань.

1-му Украинскому – главными силами продолжать наступление в общем направлении на Бреслау, не позднее 30 января выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу. Левофланговые 59-я и 61-я армии должны были не позднее 20 – 22 января овладеть Краковом и продолжать наступление с целью захвата Силезского промышленного района. Первоначально Краков должен был брать 4-й Украинский фронт, но у генерала Петрова не заладилось, его армии все больше отставали от соседей. Поэтому часть сил 1-го Украинского пришлось перенацеливать на юг.

* * *

Гитлер между тем устроил «разбор полетов».

17 января генерала Харпе, обвиненного в катастрофе на Висле, отстранили от командования группой армий «А». На его место был назначен волевой и энергичный генерал-полковник Фридрих Шёрнер, снискавший себе славу мастера оборонительных операций и одного из самых жестоких командующих. К тому же «народный генерал» весьма симпатизировал революционным идеям национал-социализма, а в силу мелкобуржуазного происхождения был далек от раздражавших Гитлера представителей прусской военной аристократии. Распоряжения фюрера Шёрнер выполнял беспрекословно. Таким, к примеру, был один из его приказов подчиненному дивизионному командиру: «Генерал-лейтенанта Вальтера Шаль де Болье следует поставить в известность, что он обязан восстановить свою собственную честь и честь своей дивизии мужественным поступком. В противном случае я с позором изгоню его из армии. Более того, к 21.00 он должен сообщить, каких командиров он уже расстрелял или отдал приказ расстрелять за трусость». В другом месте он писал: «Слабые натуры должны знать, что у командования найдется достаточно сил и средств, чтобы наказать их по законам военного времени за отсутствие должной инициативы, любое нарушение долга и трусости перед врагом. В решающей схватке мировоззрений жизнь отдельного индивидуума не играет никакой роли… От каждого я требую проявления фанатизма и ничего более».

Доктор Геббельс, так просто был в восторге от этого во-

еначальника: «Шёрнер – настоящий полководец. То, что он докладывает мне в деталях о своих методах поднятия морального духа, просто великолепно и свидетельствует не только о его широком политическом кругозоре. Он действует совершенно новыми, современными методами. Он не генерал за письменным столом и у военной карты; большую часть времени он проводит в боевых частях, с которыми у него установились отношения хотя и строгие, но тем не менее основанные на доверии. В частности, он взял под прицел солдат, отстающих от своих частей. К ним он относит тех солдат, которые в критической ситуации всегда стремятся отстать от войск и исчезнуть под каким-нибудь предлогом в тылу. Он довольно жестоко обходится с такими лицами, заставляет вешать их на ближайшем дереве и прикреплять щит с надписью: «Я дезертир, отказавшийся защищать германских женщин и детей».

От солдат Шёрнер удостоился прозвищ «террорист» и «имперский полевой жандарм». Кажется, это был единственный в Вермахте командир, которого после войны обвинили в военных преступлениях собственные подчиненные. На новом посту он начал с того, что сместил командующего 9-й армией Смило фон Люттвица под тем предлогом, что в день, когда была оставлена Варшава, его распоряжения были «недостаточно ясны и категоричны». Во главе армии был поставлен генерал пехоты Теодор Буссе.

Далее, расценив историю с оставлением Варшавы как от-

кровенный саботаж, Гитлер вечером 18 января приказал арестовать и расследовать «предательскую» деятельность трех старших офицеров оперативного отдела ОКХ, отвечающих за составление донесений и приказов по Восточному фронту, в их числе начальника отдела полковника фон Бонина. После очередного бурного объяснения между фюрером, вознамерившимся «покарать Генштаб», и Гудерианом, пытавшимся отстоять своих сотрудников, генералу тоже пришлось отправиться на Принц-Альбрехтштрассе. Поэтому в самый критический момент битвы на Висле начальник Генерального штаба сухопутных войск интересно проводил время в Управлении имперской безопасности, давая показания Эрнсту Кальтенбруннеру и гестапо – Мюллеру. Гудериану удалось добиться освобождения двух офицеров, правда, их отправили на фронт командирами полков, а фон Бонина мытарили по концлагерям до конца войны. Командир 46-го танкового корпуса генерал Вальтер Фрис, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями и Мечами, за отступление от Варшавы был отстранен от командования и отдан под суд военного трибунала.

Наконец, фюрер окончательно решился «рулить» боевыми действиями самостоятельно, руководствуясь не соображениями генералов, а своими собственными «прозрениями». Отныне – никакой самодеятельности!

19 января он отдал приказ по вооруженным силам, согласно которому любой военачальник до командира диви-

зии включительно нес личную ответственность перед Верховным Главнокомандующим за любое передвижение своих войск, будь то наступление или отход: «Во всех перечисленных случаях надлежит докладывать заранее, с тем чтобы у меня была возможность вмешаться в принятие окончательного решения и чтобы в случае отдания мною возможного контрприказа последний мог быть своевременно доведен до сведения войск». Основной обязанностью «в условиях ведения тяжелых боевых действий» стало следить за сохранностью средств связи, и все попытки оправдать свои действия ее отсутствием или скрыть в донесениях «неприкрашенную правду» отныне влекли драконовские меры наказания. По этому поводу фельдмаршал фон Рундштедт как-то заметил, что единственные солдаты, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению, это те, которые охраняют двери его кабинета.

Пока суд да дело, новое командование группы армий «А» рассчитывало закрепиться на подготовленных в глубине оборонительных рубежах. Войска 9-й армии должны были удерживать рубеж между Лодзью и Вислой, а правым флангом нанести контрудар в южном направлении. 4-й танковой армии ставилась задача остановить русских, наступавших на Бреслау, западнее Ченстоховы. 17-я армия отвечала за Верхнюю Силезию. Правда, командование 4-й танковой армии реально имело под рукой две неполные дивизии и полторы бригады, остальные соединения, в том числе остатки 24-го

танкового корпуса, находились где-то в «блуждающих котлах» и пробивались на северо-запад на параллельных курсах с советскими танкистами, которые по-прежнему опережали в этой гонке.

Генерал Шёрнер едва успел разослать свой приказ адресатам, как 19 января немецкими войсками были оставлены города Лодзь и Краков.

Что касается Лодзи, то соединения 1-й гвардейской танковой армии, нацеленные на Познань, ее просто обошли. Прибывшие к этому моменту две дивизии корпуса «Великая Германия» исправить положение не смогли: им пришлось выгружаться в чистом поле под огнем русской артиллерии и вести оборонительные бои. Город заняла 82-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г.И. Хетагурова.

Краков был подготовлен к длительной и упорной обороне: вокруг города соорудили три обвода с развитой системой траншей, отсечными позициями, противотанковыми рвами, долговременными огневыми точками, минными полями и прочими заграждениями – все как положено. На улицах были установлены железобетонные надолбы и баррикады, многие объекты – заминированы, причем с фантазией: «Войска встретились с новым видом противотанковых заграждений, который гитлеровцы называли пилонами. Пилоны представляли собой массивные железобетонные трубы двухметрового сечения и четырехметровой высоты; под подошвой их укладывался заряд, который взрывался по проводам из «дис-

петчерского пункта». Такой способ баррикадирования был удобен неприятелю, так как улицы не перегораживались до последней минуты, да и стоявшие столбы не вызывали подозрений гражданского населения, будучи похожи на устройства городского хозяйства. Гитлеровцы ставили пилоны на тротуарах и обочинах дорог; рядом строились огневые точки с амбразурами вровень с упавшим пилоном».

Однако «героической обороны» не получилось. К утру 19 января дивизии 59-й армии Коровникова охватили Краков с севера и северо-востока, соединения 60-й армии Курочкина – с востока и юго-востока, бригады 4-го гвардейского танкового корпуса обходили город с запада. У гарнизона оставалась открытой одна дорога на юг, и немцы поспешили ею воспользоваться. Маршал Конев, лично руководивший штурмом, на это и рассчитывал: «В данном случае мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев. Если бы мы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город. Как ни соблазнительно было создать кольцо окружения, мы, хотя и располагали такой возможностью, не пошли на это. Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска вышибали его из города прямым ударом пехоты и танков. К вечеру войска генерала Коровникова, громя арьергарды противника, прошли весь город насквозь…» Древняя столица Польши была взята целой и невредимой.

В тот же день 56-я гвардейская танковая бригада – передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса – и 53-я гвардейская танковая бригада – передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса – пересекли границу Германии и захватили первые немецкие населенные пункты – Нальгемсбрюкк и Питшен. 20 января границу перешли части 5-й гвардейской армии и, продвинувшись на 20 километров, овладели городом Розенберг.

В приграничных районах сопротивление противника резко возросло: с одной стороны, расширялся фронт советского наступления, с другой – подтягивались немецкие войска с других участков фронта. С 18 по 20 января в Силезию из Венгрии прибыли 20-я (78 танков) и 8-я (91 танк) танковые дивизии, с Запада – 712-я пехотная дивизия; восточнее Бреслау выгружались 269-я пехотная дивизия и 405-й народно-артиллерийский корпус. Кроме того, немецкая группировка усиливались за счет соединений, отступавших от Вислы. Так, объединив силы, пробились к своим 24-й танковый корпус Неринга и корпус «Великая Германия». Темп советского наступления замедлился.

Падение Кракова открывало дорогу в индустриальные районы Верхней Силезии, захват которых являлся важнейшей задачей фронта. Здесь, на сравнительно небольшой территории, почти примыкая друг к другу, находились такие промышленные города, как Катовице, Домброва-Гурнича, Сосновец, Бейтен, Глейвиц и другие. Здесь насчитывалось

несколько сот различных предприятий, в том числе военные заводы, десятки шахт, железных и цинковых рудников, доменных печей, металлургических и химических предприятий. Все эти заводы и шахты находились вне зоны действия союзной авиации и продолжали работать на полную мощность, компенсируя немцам разбомбленный Рур. Главный рубеж обороны на подступах к Силезскому району проходил по западному берегу реки Пшемша и ее притокам. Господствующие берега способствовали созданию прочной позиционной обороны, тогда как открытые заболоченные поймы восточного берега затрудняли советским войскам не только переправы, но и подходы к ним. Все населенные пункты были превращены в «крепости».

Прикидывая план взятия Силезского промышленного района, оценивая противостоящие силы противника в 9 пехотных и 2 танковые дивизии, не считая отдельных батальонов и боевых групп (примерно 100 тысяч человек), маршал Конев разработал следующую диспозицию. 20 января он приказал круто изменить направление движения 3-й гвардейской танковой армии. Генерал Рыбалко должен был повернуть свои «коробочки» на 90 градусов и вместо Бреслау следовать на юг к городу Оппельн (где находился штаб группы армий «А»), отрезая пути отхода немецких войск, действующих против армии Жадова, в дальнейшем: *«С форсированием 5-й гвардейской армией р. Одер быть готовым по переправам 5-й гвардейской армии форсировать р. Одер для*

дальнейшего наступления на запад». Свежая 21-я армия (55, 117, 118-й стрелковые корпуса) генерала Гусева, усиленная 31-м танковым корпусом генерал-майора Г.Г. Кузнецова и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора В.К. Баранова, наносила удар на Бейтен, охватывая Силезский район с севера и северо-запада; 59-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом продолжала наступление на Катовице; 60-я армия продвигалась вдоль Вислы, заходя с юга.

С рассветом 21 января 3-я гвардейская танковая армия повела атаку в новом направлении. Опасаясь окружения, немецкие войска, еще продолжавшие сопротивление перед фронтом 5-й гвардейской армии, начали отводить свои силы за Одер.

«Когда 21 января 1945 года я встретился в Оппельне с вновь назначенным командующим группой армий «А», – вспоминает Шпеер, – он сообщил мне, что от нее осталось одно название: танки и тяжелое оружие были уничтожены в проигранном сражении. Никто толком не знал, как далеко продвинулись советские войска в направлении Оппельна. Во всяком случае, офицеры бежали из штаб-квартиры, а в нашей гостинице осталось лишь несколько человек, решившихся переночевать здесь».

К исходу 23 января дивизии генерала Жадова прорвались к Одеру, совместно с танкистами заняли Оппельн и, проложив по льду деревянные настилы, в сплошном тумане «относительно спокойно» захватили первый плацдарм на запад-

ном берегу размером 22 на 5 километров. Севернее к реке пробился 78-й стрелковый корпус армии Коротеева, южнее – 21-я армия Гусева. На следующий день передовые отряды 4-й танковой армии тоже вырвались к Одеру и приступили к его форсированию севернее Бреслау; за корпусами Лелюшенко подтягивались дивизии генерала Пухова. Наступательный порыв был велик, все понимали, что Одер – рубеж символический, и «все знали об указании Верховного Главнокомандования о представлении особо отличившихся при форсировании Одера к званию Героя Советского Союза». В 4-й танковой особо отличилась 17-я гвардейская механизированная бригада подполковника Л.Д. Чурилова, 25 января с ходу преодолевшая реку на подручных средствах в районе Кебен, севернее Штейнау, и обеспечившая переправу 6-го гвардейского мехкорпуса. В боевой летописи бригады числится 30 Героев, из них 16 – за одерский плацдарм.

В итоге 22 – 26 января армии главной группировки 1-го Украинского фронта почти в 200-километровой полосе вышли на Одер, форсировали его и в районах Штейнау, Брига и Оппельна захватили плацдармы, за расширение которых развернулась ожесточенная борьба.

Правда, уход танковой армии из полосы наступления 52-й армии осложнил борьбу за Бреслау. Попытки пехоты с ходу прорвать внешний оборонительный обвод закончились неудачей. От штурма города, от войны практически не пострадавшего, так как союзная авиация сюда не долетала, Ко-

нев решил пока отказаться, приказав вести методический огонь тяжелой артиллерией. Гитлер по заведенному правилу объявил Бреслау крепостью. Гарнизоны «крепостей», не помышляя о прорыве из окружения, должны были сражаться до последнего солдата, сковывая как можно больше советских войск осадой больших и малых укрепленных пунктов. Комендантом был генерал-майор Краузе. В качестве политического комиссара в городе свирепствовал «энергичный национал-социалистический вождь» гаулейтер Карл Ханке, среди прочих дисциплинарных мероприятий приговоривший к смертной казни бургомистра города – «за пораженчество».

В Бреслау, где скопилось около миллиона человек, была объявлена срочная эвакуация всего гражданского населения, непригодного для воинской службы. Поезда и автобусы не могли обеспечить вывоз такого количества людей. Из-за недостатка транспорта основная масса беженцев, выполняя «приказ партии», покинула город пешим порядком. Их путь на запад по заснеженным дорогам при двадцатиградусном морозе был усеян тысячами трупов замерзших детей и стариков. Но больше всего не повезло тем, кто пытался вырваться на пароходах, – с берега их расстреливали советские танки: «В тот день произошел интересный случай, показавший, что враг не ожидал такого быстрого выхода наших частей к Одеру. Со стороны Бреслау на реке показался грузовой пароход… Командир танкового полка И.А. Ткачук, замаскиро-

вав танки, поставил их в засаду. Пароход приближался, команда ничего не подозревала. По условному сигналу 2 танка открыли огонь. Через 3 минуты пароход, объятый пламенем, понесло вниз по течению реки. Через 2 часа подошел второй пароход, и с ним произошло то же самое». Лелюшенко, описывая этот «интересный случай», довольно неуверенно сообщает, что пароходы, следовавшие из Бреслау, были, «видимо, с боевым снаряжением». Невольно вспоминается 23 августа 1942 года: немецкие танки с берега Волги расстреливают такие же пароходы.

Тем временем в ночь на 23 января генерал Рыбалко получил новую задачу: наступая на юго-восток, «к половине дня 24.1.45 главными силами овладеть районами Глейвиц, Рыбник, Николаи» и совместно с 21, 59 и 60-й армиями окружить и уничтожить силезскую группировку противника. Из текста директивы видно, что от предыдущих успехов у командования фронта шапка совсем съехала набекрень: фактически танковая армия должна была лесами, преодолевая речные преграды, минированные участки и возрастающее сопротивление противника, промчаться около 100 километров за двенадцать часов. Но приказ есть приказ, марш начался с рассветом. В первом эшелоне следовали 7-й гвардейский танковый и 9-й мехкорпуса; 6-й гвардейский танковый корпус выводился во второй эшелон. Из строя к этому времени выбыло почти 300 боевых машин (безвозвратно – 61), но кое-что осталось – 438 исправных танков и 200 самоходных

установок. Параллельно 3-й гвардейской танковой армии наступал 31-й танковый корпус. За день 24 января танкисты прошли с боями 50 – 60 километров.

Наступавший вдоль восточного берега Одера 7-й гвардейский танковый корпус генерал-майора С.А. Иванова после переправы через реку Клодница втянулся в лесной массив. Продвижение было медленным: мешала местность и противник, умело использовавший ее особенности, бивший из засад и минировавший дороги. Преодоление 30-километрового леса продолжалось еще двое суток. В связи с этим Рыбалко писал командованию корпуса:

«Мой начальник, как и я, не находит слов для возмущения таким топтанием. Как будто мы специально даем противнику время на эвакуацию Силезского промышленного района и на организацию обороны. Надо понимать, что в лесу колонной не воюют. У нас получается всегда хорошо, когда мы не встречаем никакого сопротивления, а как только перед нами незначительные силы противника, останавливаемся на месте. Последние два дня я Вас не узнаю… Имейте в виду, что, если мы сегодня не овладеем Рыбником, вся наша предыдущая работа пойдет насмарку».

Но лишь к утру 27 января бригады 7-го корпуса достигли Рыбника, где и завязли в уличных боях: *«…противник засел в каменных домах и сковал все силы корпуса. К исходу дня корпус городом не овладел и не сманеврировал в обход, чтобы блокировать его и перерезать дорогу на Ратибор».*

Двигавшийся левее 9-й Киевско-Житомирский механизированный корпус генерал-лейтенанта И.П. Сухова совместно с 31-м танковым корпусом 24 января овладел городом Глейвиц, но дальше продвижения не имел, «ведя с противником бой на занятых позициях». Это побудило генерала Рыбалко ввести в бой 6-й гвардейский танковый корпус, получивший задание к утру 27 января выйти на западную окраину Катовице. Навстречу ему двигались части 59-й армии и 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса. 27 января 60-я армия (15, 28, 106-й стрелковые корпуса) овладела Освенцимом, 9-й механизированный корпус занял Николаи. Уже ясно вырисовывались клещи вокруг немецкой группировки, включавшей в себя 20-ю танковую, 75, 344, 359, 375-ю пехотные дивизии, полк 10-й танко-гренадерской дивизии, 25-й полицейский полк и прочее.

Коневу очень хотелось все это воинство взять в плотное кольцо и стереть в порошок, и был уже отдан приказ на окружение. Но маршал вовремя вспомнил ноябрьский вызов в Москву, разговор в самом главном кремлевском Кабинете, палец Вождя, обводящий на карте Силезский район, и сказанное Им одно только слово: «Золото».

«Я понимал, что если мы окружим вражескую группировку, насчитывавшую, без частей усиления, 10 – 12 дивизий, и будем вести с ней бой, то ее сопротивление может затянуться на очень длительное время. Особенно если принять во внимание район, в котором она будет сопротивляться. А в

этом-то и вся соль. Силезский промышленный район – крупный орешек: ширина его 70 и длина 110 километров. Вся эта территория сплошь застроена главным образом железобетонными сооружениями и массивной кладки жилыми домами. Перед нами был не один город, а фактически целая система сросшихся между собой городов общей площадью 5 – 6 тысяч квадратных километров. Если противник засядет здесь и станет обороняться, то одолеть его будет очень трудно. Неизбежны большие человеческие жертвы и разрушения. Весь район может оказаться в развалинах… Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу…»

Крепко подумав, Иван Степанович решил не окружать врага, а напугать и оставить ему тропу для бегства, заставить его «видеть в этом коридоре единственный путь к спасению». 28 января он застопорил танковую армию Рыбалко, поставив ей ограниченные задачи по уничтожению отдельных групп противника в районах Рыбник и Николаи. Командующие 21-й и 59-й армиями получили приказ, наоборот, атаковать с яростью. К вечеру после трехдневных ожесточенных уличных боев 4-й гвардейский танковый корпус и 245-я стрелковая дивизия очистили от противника Катовице. Под сильным натиском советских войск с фронта и угрозой глубокого обхода немцы ретировались через оставленные для них «ворота» в юго-западном направлении, на Ратибор.

29 января весь Силезский промышленный район был очищен от противника.

В этот день Ставка утвердила предложенный Коневым сутками раньше план развития операции. Он предусматривал разгром бреславльской группировки и выход на Эльбу 25 – 28 февраля, с одновременным ударом по Берлину.

К исходу 30 января 59-я армия вышла к Одеру и захватила плацдарм. 60-я армия развернулась фронтом на юг. Танковую армию Конев вывел из боя для приведения в порядок материальной части: с начала операции в результате боевых повреждений и по техническим причинам из строя вышла половина «тридцатьчетверок», 181 боевая машина была утеряна безвозвратно, а 168 требовали ремонта. Потери в личном составе – 7,5 тысячи человек. Согласно донесениям, части 3-й гвардейской танковой армии за этот же период уничтожили около 28 тысяч солдат и офицеров противника, 173 танка и 72 самоходки, 487 орудий и минометов, захватили богатые трофеи и взяли 3600 пленных.

Утрата Верхней Силезии неизбежно влекла за собой окончательный развал экономики Третьего рейха. 30 января министр вооружений передал Гитлеру очередную докладную записку:

«Я доложил ему по существу вопроса, что в области экономики и вооружений война закончена и при таком положении вопросы питания, отопления жилых домов и энергоснабжения обладают приоритетом по отношению к танкам,

самолетным двигателям и боеприпасам.

Чтобы опровергнуть далекие от реальности представления Гитлера о возможностях оборонной промышленности в 1945 г., я приложил к памятной записке прогноз производства танков, оружия и боеприпасов на ближайшие три месяца. Из памятной записки можно было сделать вывод: «После потери Верхней Силезии немецкая оборонная промышленность более не будет в состоянии хотя бы в какой-то степени покрыть потребности фронта в боеприпасах, оружии и танках. В таком случае станет также невозможным компенсировать превосходство противника в технике за счет личной храбрости наших солдат».

В прошлом Гитлер вновь и вновь утверждал, что с того момента, как немецкий солдат начнет сражаться на немецкой земле, защищать свою Родину, его чудеса героизма уравновесят нашу слабость. На это я хотел дать ответ в своей памятной записке».

Фюрер приказал спрятать «бумажку» в сейф и никому не показывать, с некоторых пор он предпочитал игнорировать неприятные известия.

* * *

Медленнее других продвигалась правофланговая 3-я гвардейская армия. Полоса на стыке двух фронтов стала основным маршрутом отступления на запад для разбитых на

Висле немецких дивизий, в том числе отброшенных на юг ударами армий маршала Жукова. Поэтому к 26 января перед фронтом армии Гордова действовали боевые группы, созданные из остатков 6-й, 214-й пехотных дивизий, отрядов фольксштурма, частей и подразделений 16, 17, 19, 25-й танковых, 10-й, 20-й танко-гренадерских дивизий и дивизии «Бранденбург», остатков 42-го армейского корпуса, частей 168-й пехотной и 603-й дивизии особого назначения.

К исходу 28 января левофланговый 76-й стрелковый корпус 3-й гвардейской армии вышел к Одеру и двумя полками 389-й стрелковой дивизии на подручных средствах форсировал реку и вклинился в оборону противника на 5 километров. На следующий день на западный берег переправились уже две стрелковые дивизии.

С целью ликвидации советского плацдарма немецкое командование решило использовать накапливавшиеся на восточном берегу Одера войска из отступавших от Вислы боевых групп. К 29 января оно сосредоточило две сильные группировки: одну в районе Лисы, другую в районе Гюрау. Первая из них, в составе частей 56-го танкового и 42-го пехотного корпусов, штурмового полка 4-й танковой армии, 21-й бригады штурмовых орудий, имела задачу удержать за собой Лису, чтобы обеспечить отход за Одер остаткам различных соединений и таким образом выиграть время для занятия ими прочной обороны на западном берегу реки. Вторую группировку общей численностью 10 – 12 тысяч человек

под командованием генерала фон Заукена составляли танковый корпус «Великая Германия», две пехотные дивизии, части фолькс-штурма и артиллерии. Она должна была нанести удар от Гюрау на юг и отрезать части 76-го стрелкового корпуса генерал-майора Н.И. Глухова, действовавшие на захваченном ими плацдарме.

Напряженные бои на всем фронте 3-й гвардейской армии шли четверо суток. Группа фон Заукена сумела потеснить 120-й стрелковый корпус и частью сил прорваться в район Гросс-Остен. Обстановка стала угрожающей. Чтобы сохранить плацдарм за Одером и обеспечить действия 76-го корпуса, генерал Гордов ввел в сражение из второго эшелона 21-й стрелковый корпус, который в результате напряженного боя выбил противника из Гюрау и продвинулся в сторону Гросс-Остен. 30 января на правом фланге армии 120-й стрелковый корпус разбил лисскую группировку немцев и, продолжая наступление в западном направлении, вышел к городу Фрауштадт. 21-й корпус во взаимодействии с частями 76-го стрелкового корпуса и тремя бригадами 4-й танковой армии полностью ликвидировал немецкую группировку в районе Гросс-Остен и восстановил положение.

Маршал Конев примчался на командный пункт Лелюшенко и поставил 4-й танковой армии задачу: наступая по обоим берегам реки, нанести удар в северо-западном направлении, чтобы помочь Гордову и совместными усилиями двух армий уничтожить части противника восточнее Одера.

Однако до конца выполнить эту задачу не удалось: хоть и с большими потерями, но немцы ушли на западный берег. Здесь разрозненные подразделения и одиночных солдат отправляли на сборные пункты, «приводили в чувство» и снова ставили в строй:

«Во время отступления было арестовано несколько десятков наших товарищей. На батальонном командном пункте они были построены в ряд и каждый десятый приговорен к смертной казни полевым судом. Для приведения приговора в исполнение приговоренные были отправлены в полк, остальные – снова на фронт. А один солдат, приговоренный к смертной казни за трусость, был тут же расстрелян. Последними его словами были: «Да здравствует Германия, да здравствует фюрер!» Но этим свою голову он спасти не смог. Когда после залпа он упал на колени, но был еще жив, оберлейтенант, командовавший экзекуцией, сделал контрольный выстрел в висок».

30 января главные силы генерала Гордова вышли к Одеру, 4 февраля пал Штейнау.

Первую неделю февраля общевойсковые армии вели бои за расширение, объединение и удержание захваченных плацдармов, занимались ликвидацией окруженных группировок. Одновременно к Одеру подтягивались тыловые части и учреждения.

В ходе Сандомирско-Силезской наступательной операции войсками 1-го Украинского фронта было взято 43 тысячи

пленных и уничтожено, «по нашим», то есть Конева, довольно произвольным подсчетам, свыше 150 тысяч солдат и офицеров: «Среди захваченных трофеев числилось более 5000 орудий и минометов, более 300 танков, 200 самолетов, большое количество иного вооружения и техники». В мемуарах маршал «поскромничал»: в Москву было доложено, что фронт уничтожил до 280 тысяч гитлеровцев и взял в плен 60 тысяч, что с учетом раненых должно означать полную «ликвидацию» группы армий «А».

Собственные потери до 3 февраля составили 116 тысяч человек убитыми и ранеными.

4 февраля генерал Шёрнер рапортовал Гитлеру: «Мой фюрер! Я могу доложить, что первый натиск советского большого наступления на фронте группы армий «Центр» удалось в основном остановить. Фронт все еще испытывает давление на многих участках, но на других мы предпринимаем контратаки местного значения».

* * *

1-й Белорусский фронт преследовал противника на познаньском направлении. Попытки германского командования организовать оборону вартовского рубежа не увенчались успехом. Советские танковые армии преодолели его с ходу уже 20 января. Два дня спустя вартовский рубеж преодолели общевойсковые армии. К этому времени подвижные

соединения находились в 80 – 100 километрах впереди.

23 января части 2-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели городом Быдгощ.

Войска 1-й гвардейской танковой армии завязали бои за Познань. Но здесь противник успел организовать оборону важнейших направлений и узлов дорог, а силы гарнизона оценивались в 60 тысяч человек. Взять город с наскока не вышло, и генерал Катуков, доложив командующему фронтом о нецелесообразности штурма Познани, получил разрешение, оставив заслоны, двигаться дальше:

«К январю сорок пятого мы накопили достаточно опыта, чтобы усвоить истину – освобождение населенных пунктов отнюдь не главная задача танковых войск. Перерезать коммуникации противника, внести хаос в его оборону, вызвать панику в тылах, перекрыть пути отхода его передовых частей или пути переброски его резервов – вот задача, которую мы ставили в первую очередь…

Познань была типичной танковой «душегубкой». На ее узких, хорошо подготовленных к обороне улицах немцы выбили бы у нас все машины. Я приказал А.Х. Бабаджаняну и И.Ф. Дремову обойти Познань с севера и юга, замкнув кольцо, перерезать все коммуникации и не дать уйти на запад гитлеровскому гарнизону. 25 января бригады обоих корпусов в третий раз форсировали Варту и окружили Познань. Вокруг города танкисты И.Ф. Дремова захватили несколько

аэродромов, на которых стояло огромное количество самолетов».

Катуковцы устремились на запад, к городу Кюстрин на Одере. Задача по разгрому познаньского гарнизона была возложена на 29-й стрелковый корпус 8-й гвардейской и 91-й стрелковый корпус 69-й армии. Остальные соединения обеих армий продолжали преследование противника. Взятие Познани было поручено персонально В.И. Чуйкову.

Вокруг города немцы возвели два оборонительных обвода. Внешний, проходивший в 4 – 6 километрах от городской черты, состоял из трех линий траншей, развитой системы ходов сообщения и отсечных позиций, многочисленных дотов и дзотов, площадок для противотанковых орудий, эшелонированных в глубину и прикрытых минными заграждениями. Танкодоступные направления прикрывали рвы глубиной 4 – 5 и шириной 6 – 8 метров.

На внутреннем обводе насчитывалось 18 фортов и 54 дота, соединенных между собой подземными ходами. Форты существовали здесь с конца прошлого века, но затем подверглись модернизации с учетом новых условий войны. Каждый из них имел форму многоугольника площадью 4500 – 8000 квадратных метров и представлял собой двух-трехэтажное подземно-наземное сооружение с кирпичными стенами и кирпично-земляными сводами общей толщиной до 4 метров. С внешней стороны форты были обнесены рвами шириной 10 и глубиной до 3 метров с кирпичными стена-

ми, валами и металлическими оградами. В изломах рва размещались казематы со множеством бойниц, из которых ров простреливался кинжальным пулеметным огнем. В так называемом внутреннем дворе каждого из фортов имелось до 5 железобетонных дотов или броневых колпаков, хорошо оборудованные минные позиции и пулеметные площадки. Гарнизон насчитывал от 150 до 600 человек. Все форты и доты были связаны между собой и расположенной за ними старинной Цитаделью единой огневой системой: гарнизон блокированного форта мог вызвать на себя огонь соседних фортов. В жилой части города большинство жилых домов, фабрично-заводские корпуса заранее приспосабливались к круговой обороне.

Над всеми постройками Познани своими массивными равелинами, редутами и башнями возвышалась Цитадель. Пятиугольник крепости был охвачен рвом шириной 10 – 12 метров и глубиной 8 метров. За рвом поднимался земляной вал высотой 6 – 7 метров и толщиной у основания 12 метров. Из многочисленных бойниц и амбразур, устроенных в стенах зданий, башен, редутов, равелинов, простреливались все фасы рва и подступы к нему фронтальным и фланкирующим огнем. Главный вход в крепость с южной стороны – железные ворота – прикрывался огнем из трех башен и четырех редутов с многочисленными бойницами. Во внутреннем дворе оборона усиливалась железобетонными колпаками и щитами.

Словом, Познань была крепостью не только по названию.

Правда, боеспособность гарнизона, ядро которого составляли 2000 курсантов школы юнкеров, немецкое командование оценивало довольно низко и не питало больших надежд на его длительное сопротивление, дай бог, продержаться дней пять. Маршал Жуков тоже не воспринял крепость всерьез, ведь немцы везде бежали. Поэтому на взятие Познани он отвел Чуйкову одни сутки. Как вспоминает Василий Иванович: «С запада мы атак не вели. Мы сознательно оставили здесь выход, надеясь, что противник воспользуется им и двинется из крепости». Но расчеты не оправдались: гарнизон, в командование которым вступил «матерый нацист» полковник Гонелл, не собирался покидать город и, отклонив советский ультиматум, сопротивлялся отчаянно. Штурм с применением артиллерии большой и особой мощности, 1000-килограммовых авиабомб, тяжелых танков, огнеметов, с уличными боями в духе Сталинграда, «изощренно-художественной» матерщиной Жукова в адрес Чуйкова и Чуйкова – нижестоящим адресатам, тяжелыми потерями (только в дивизии Хетагурова погибли три командира полка), длился месяц. Познань пала 23 февраля. Остатки гарнизона капитулировали, Эрнст Гонелл, успевший стать генералом, застрелился.

Овладев рубежом Быдгощ, Познань, 1-й Белорусский фронт на неделю раньше срока выполнил задачу, поставленную директивой Ставки. Планируя дальнейшие действия,

командующий намечал к 30 января выйти на рубеж Берлинхен, Ландсберг, Гродзик, подтянуть тылы, пополнить запасы и 1 – 2 февраля возобновить наступление, чтобы с ходу форсировать Одер и развить стремительное продвижение на Берлин.

25 января маршалу Жукову позвонил маршал Сталин. Он отметил, что с выходом на Одер войска 1-го Белорусского фронта оторвутся от частей 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров. Верховный заявил, что нужно подождать дней десять, пока маршал Рокоссовский завершит Восточно– Прусскую операцию и форсирует Вислу. Жуков, уже рисовавший стрелы «стремительных ударов» в обход столицы рейха, обещал развернуть на север правое крыло фронта и просил не останавливать разбег своих армий – противник деморализован, не способен оказать серьезного сопротивления, нельзя давать ему закрепиться.

* * *

Чтобы закрыть 500-километровую брешь в Восточном фронте и предотвратить выход в тыл немецким войскам на нижнем течении Вислы, генерал Гудериан предложил создать новую группу армий между группой «Центр» и группой «А». На должность командующего Генеральный штаб выдвигал кандидатуру фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса. Однако 25 января Гитлер во главе вновь образуе-

мой группы армий «Висла» решил поставить идеологически безупречного командующего, истинного арийца, обладателя правильного черепа, Великого Гроссмейстера Черного Ордена – рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Гудериан ужаснулся: «Я использовал все свое красноречие, чтобы оградить злосчастный Восточный фронт от этой бессмыслицы. Но все было напрасно. Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Имея под рукой армию резерва, он быстро сможет ее использовать. Поэтому он лучше всех обеспечит новый фронт как солдатами, так и техникой. Попытка хотя бы передать хорошо сработавшийся штаб Вейхса рейхсфюреру СС тоже провалилась. Гитлер приказал, чтобы Гиммлер сам подбирал себе штаб. Начальником штаба он назначил бравого бригадефюрера СС Ламмердинга, который до этого времени командовал танковой дивизией СС. Этот человек не имел никакого представления о тяжести штабной работы в формируемой группе армий».

По мнению Бутлара, одной из причин, подвигнувших Гитлера на столь странное назначение, была уверенность, что «Верный Генрих» кое-что припрятал в рукаве: «Определяющим в этом выборе явилось в значительной мере то, что Гитлер знал об имеющихся у рейхсфюрера СС в армии резерва и запасных частях СС каких-то скрытых резервов, добраться до которых иным способом было невозможно. Гитлер надеялся, что ему таким образом скорее удастся использовать их

для обороны этого почти незащищенного района. Этот факт очень хорошо иллюстрирует тот хаос, который существовал в то время в высшем немецком военном руководстве, выглядевшим внешне таким авторитарным».

Гиммлер – превосходный организатор, человек исключительной энергии и работоспособности. Но, мечтая получить Рыцарский крест, он мало что понимал в военном деле; он был фюрером палачей и карателей. Кроме того, входя в четверку высших иерархов Третьего рейха, Гиммлер не подчинялся начальнику Генерального штаба ОКХ. Дело обстояло совсем даже наоборот.

Генерал Гудериан следующим образом описывает свой рабочий день:

«Мне приходилось два раза в сутки ездить к фюреру, что при напряженной обстановке было почти правилом, – два раза из Цоссена в Берлин, в имперскую канцелярию, и обратно, т.е. четыре раза по 45 минут, а всего три часа. Доклады у Гитлера продолжались два, а большей частью три часа, итого шесть часов. Таким образом, на одни только доклады об обстановке на фронтах я затрачивал по восемь-девять часов, отнюдь не занимаясь при этом какой-либо полезной работой. Занимались одними разговорами, переливали из пустого в порожнее. Кроме того, Гитлер после совершенного на него покушения требовал, чтобы я присутствовал также на докладах штаба оперативного руководства вооруженными силами и на докладах представителей родов войск. В условиях нор-

мальной обстановки это желание фюрера было, пожалуй, законным…

В то время я был сильно перегружен работой, так что слушать несколько часов подряд заурядные речи, например, представителей почти парализованных военно-воздушных и военно-морских сил, было очень мучительно и морально, и физически. Склонность Гитлера к произнесению длинных монологов не уменьшилась даже в связи с ухудшением военного положения нашей страны, скорее наоборот… В те дни, в которые мне приходилось ездить на доклад к фюреру два раза в сутки, я возвращался в Цоссен только утром. Нередко мне только к 6 часам утра удавалось ненадолго прилечь. В 8 часов на доклад приходили офицеры Генерального штаба сухопутных сил с утренними сводками групп армий. Доклады продолжались, с перерывами для принятия пищи, до тех пор, пока мне не сообщали, что готова машина для поездки в имперскую канцелярию».

С назначением Гиммлера на должность командующего группой армий жизнь Гудериана стало еще веселее. Когда рейхсфюреру СС, обосновавшемуся со штабом «в лесочке рядом с Пренцлау», требовалась консультация по военным вопросам, то выглядело это так: «Гиммлер вызвал по телефону генерал-полковника Гейнца Гудериана, начальника Генерального штаба армии, потребовав, чтобы тот немедленно прибыл из Цоссена».

В группу армий «Висла» вошли 2-я и 9-я полевые армии.

26 января группа армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия»; из ее состава вывозились морем в Померанию четыре пехотные (389, 281, 32, 215-я) и 4-я танковая дивизии, а также 3-й танковый корпус СС с танко-гренадерскими дивизиями «Нордланд» и «Нидерланды».

В свою очередь, группа армий «Центр» стала группой армий «Север». Ну а группа армий «А» превратилась в группу «Центр», состоявшую теперь из 17-й полевой, 1-й и 4-й танковых армий, которыми командовали генералы Шульц, Хейнрици и Грезер. Одновременно Гитлер принял решение о переброске на Восточный фронт 6-й танковой армии СС. Гудериан тут же замыслил контрудар с самыми решительными целями, но мечты снова не сбылись: по воле фюрера эсэсовская армия отправилась в Венгрию. Помимо этого, было приказано сформировать дивизию истребителей танков. Это соединение состояло из рот велосипедистов, вооруженных фаустпатронами и противотанковыми минами, которыми командовали лейтенанты-фронтовики, имевшими опыт борьбы с бронетехникой.

* * *

26 января танковые армии 1-го Белорусского фронта вышли к старой германо-польской границе, где еще в 1932 – 1937 годах немцами был возведен оборонительный пояс так называемого «Восточного вала». Основу его составляли

эшелонированные в глубину долговременные огневые точки типа «панцерверке», представлявшие собой двухуровневые железобетонные сооружения с элементами броневой защиты и пулеметными установками кругового обстрела. Передний край проходил по склонам холмов, покрытых лесными массивами. Естественные и искусственные препятствия, вроде бетонных надолбов, повышали устойчивость обороны. В меж-озерных пространствах и районах пересечения дорог были созданы опорные пункты плотностью 5 – 7 дотов на километр фронта. Узлы обороны связывала между собой система тоннелей, по которым должен был курсировать электропоезд.

В мемуарах Катукова «Восточный вал» выглядит и вовсе неприступным рубежом на границах рейха: «Мезеритцкий укрепрайон, главный на пути к Берлину, был переоборудован по последнему слову инженерной техники. Целый город из железобетона и стали с подземными железными дорогами и электростанциями, он мог вместить в своих недрах по крайней мере армию. Бронированные шахты уходили на 30 – 40 метров в глубину, а на поверхности дорогу преграждали цепи надолб, протянувшиеся на многие километры. Десятки низких куполов дотов щетинились орудиями и пулеметами…

Военная история еще не знала примеров, когда мощный укрепленный район прорывала танковая армия».

Маршал Г.К. Жуков, давно не читавший никаких «исто-

рий», в стремлении помешать противнику выдвинуть резервы и зацепиться за эти «мощные укрепления», поручил их прорыв именно танковым армиям. Соответственно генерал Катуков должен был к 28 января овладеть опорными пунктами в районе Мезеритца, а генерал Богданов – в Померании. Осуществив «небываемое», надо было еще захватить плацдармы на Одере. За танковыми армиями должны были следовать выделенные общевойсковыми командармами стрелковые корпуса. В приказе командующего фронтом № 00172, в частности, говорилось:

«Если мы захватим правый берег р. Одер, то операция по захвату Берлина будет вполне гарантирована».

Конечно, бронетанковые соединения самостоятельно, без артиллерийской и авиационной поддержки и практически без пехоты, не были предназначены для решения такой задачи, как прорыв укрепленного района. Но «фишка» состояла в том, что «Восточный вал» был заброшен, частично разоружен, оставлен без артиллерии и немцев там не было, если не считать отдельные подразделения фольксштурма. Правда, в район Мезеритца рейхсфюрер приказал выдвинуть отозванное с Балкан управление 5-го горного корпуса СС, которому для начала подчинил 433-ю и 463-ю резервные пехотные дивизии. Но что это были за дивизии!

Катуков, посовещавшись со штабом, пришел к выводу, что «в других условиях приказ показался бы невыполнимым», но в сложившейся обстановке любая самая сложная

задача «по плечу танкистам». Гудериан об этом периоде с ностальгией и завистью пишет: «Чем больше русские убеждались в нашей слабости, тем решительнее они действовали. Их танки становились дерзкими». Действительно, советские танки были всюду. Они седлали дороги, громили мелкие гарнизоны, обтекали сильные узлы сопротивления, перерезали коммуникации, внезапно появлялись в глубоком тылу…

Однако первыми рубежа реки Одер достигли не «дерзкие» танкисты, а передовой отряд 89-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии под командованием полковника Х.Ф. Есипенко. Так уж получилось. В состав отряда входили посаженный на «студебеккеры» 1006-й стрелковый полк 266-й дивизии, 220-я отдельная танковая бригада, 89-й отдельный тяжелый танковый полк, 507-й истребительно-противотанковый артполк, 360-й отдельный самоходно-артиллерийский полк, дивизион минометов и дивизион «катюш», 303-й гвардейский зенитно-артиллерийский полк и рота саперов – 90 танков, в том числе 21 тяжелый ИС, 12 самоходок, 42 орудия и миномета, 12 «катюш». Полковник получил от командарма задачу стремительно двигаться на запад и захватить плацдарм северо-западнее Кюстрина в районе Кинитца. Командиру передового отряда выделялась мощная фронтовая радиостанция типа РАФ.

26 января отряд с ходу пересек реку Нетце, без проблем преодолел никем не занятую линию укреплений, обошел левый фланг 433-й резервной дивизии генерала фон Любе

и оседлал «Рейхсштрассе № 1». Когда начала ощущаться нехватка горючего, полковник Есипенко выделил ударную группу в составе трех танковых рот, двух стрелковых и истребительно-противотанкового полка, отдал им все топливо и, бросив часть техники, продолжил рейд. Утром 31 января группа форсировала Одер по льду и захватила плацдарм на левом берегу в 4 километра по фронту и 3 километра в глубину. В городке Кинитц, где никто не подозревал, что Красная Армия уже вошла в Германию, с налета был взят поезд с шестью зенитными орудиями, офицерами и юнкерами зенитного училища. В 14 часов на плацдарм переправился еще один передовой отряд 5-й ударной армии, сформированный из подразделений 94-й гвардейской стрелковой дивизии. Поскольку ни горючего, ни боеприпасов практически не осталось, было принято решение организовать в Кинитце сильный противотанковый узел. Бойцы вырыли окопы, приспособили под огневые точки подвалы каменных домов, перетащили по трещавшему льду артиллерию. Танки и гвардейские минометы пришлось оставить на правом берегу.

До Берлина оставалось менее 70 километров.

2-я гвардейская танковая армия, наступавшая севернее рек Нетце и Варта, почти беспрепятственно пробралась лесными дорогами вдоль цепочки опорных пунктов «Померанского вала». Главные силы 1-го механизированного корпуса генерал-майора С.М. Кривошеева и передовые подразделения идущего следом 9-го гвардейского танкового корпу-

са были на Одере к вечеру 31 января. Мотострелки переправились через реку, захватили Каленциг и завязали бои за Кюстрин. Таким образом, путь к Одеру севернее реки Варта был открыт. Однако 12-й гвардейский танковый корпус, имевший задачу овладеть городом Шнейдемюль, застрял. Взять город не удалось, его пришлось обойти. Но и дальше продвинуться не получилось. Поворачиваясь фронтом на север, корпус втянулся в затяжные бои и понес тяжелые потери. К примеру, в 49-й гвардейской танковой бригаде остался один исправный танк.

У Катукова, наступавшего южнее Варты, дела шли не совсем гладко. К 29 января лидировавшая 44-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Гусаковского совместно с 1454-м самоходно-артиллерийским полком подполковника П.А. Мельникова, преодолев пограничную реку Обра, вышла к окраине города Хохвальде, юго-западнее Мезеритца. Здесь она встретила укрепления, прикрытые минными полями, проволочными заграждениями и надолбами. Зато немцы не подавали признаков жизни, и полковник рванул сквозь метель прямо по шоссе. К утру 31 января бригада овладела районом Тауэрциг, Мальсов, оторвалась от главных сил на 50 километров и утратила связь с командованием армии. Двигавшийся следом 11-й гвардейский танковый корпус полковника А.Х. Бабаджаняна обнаружил, что те же укрепления уже заняты противником. Два дня проверяли на прочность «панцервеки» и убедились, что 85-мм снаряды «тридцать-

четверок» с дистанции 100 метров стены дотов не пробивают. Больше повезло 8-му гвардейскому механизированному корпусу генерал-майора И.Ф. Дремова. Его подразделения 30 января обошли с севера узел сопротивления в Швибусе и успешно продвинулись на запад. В ночь на 1 февраля на этот же маршрут был выведен 11-й гвардейский танковый корпус, и вся армия начала наступление к Одеру: танковый корпус нацелился на Кюстрин, механизированный – на Франкфурт. Продвижение сдерживалось нехваткой горючего и необходимостью вступать в схватки с отходящими в западном направлении частями противника.

«Бои вспыхивали неожиданно, – вспоминает А.Х. Бабаджанян, – на перекрестках дорог, в рощах. Стреляли отовсюду: слева, справа, сзади, – смешались все представления, где фронт, где тыл. То в лоб, то в спину летели снаряды. Дрались все: танкисты и шоферы, артиллеристы и ремонтники, автоматчики и связисты, зенитчики и саперы – перестало существовать разделение на «активные» и «неактивные» штыки.

Везде был фронт. Повара приводили пленных, захваченных возле полевой кухни. Офицеры связи доставляли вместе с секретными документами вражеских солдат и командиров, плененных по дороге. Наш корпусной медсанбат, чтобы развернуться в одном из населенных пунктов, вынужден был выбить оттуда саперную роту противника. В бой вступили легкораненые, врачи, санитарки – захватили в плен 79 вражеских солдат».

Командующий фронтом задержкой танковой армии был крайне недоволен и устроил генералу Катукову форменный разнос:

«Всю дорогу Михаил Ефимович нервничал. Он был явно выбит из делового состояния. Наконец его прорвало:

– Ни с того ни с сего вчера попало от Маршала. Сорок пять минут по телефону отчитывал. На Одер вроде вышли в срок, а он ругает: «Что на месте топчетесь?» Богданов якобы нас давно обошел. Да если бы и обошел, так что ж? Хорошо им, у них укрепрайона не было, а нам сколько пришлось возиться. Два дня потеряли!»

А 1 февраля Михаил Ефимович получил от Жукова унизительный и хамский «пакетик» с запиской, в которой анализировались причины «неудач» 1-й танковой армии:

«В собственные руки т. Катукову, Попелю.

Я имею доклады особо ответственных лиц о том, что т. Катуков проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета в корпусах Катуков сейчас не имеет, и даже Шалин, и командиры штаба вокруг Катукова ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катуков как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.

2) Немедля отправить от Катукова женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органам СМЕРШ.

3) Катукову заняться делом.

Если Катуков не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командармом».

С самим Жуковым сожительствовала, конечно, не «девка», а особо допущенный к маршальскому телу специалист – «тоненькая русская девушка с узкими фронтовыми погонами лейтенанта м/с, с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» на невысокой груди». Георгию Константиновичу она, разумеется, не мешала, а совсем наоборот: «От нее была польза – порошок там дать, банки поставить, спину растереть, да и просто настроение поднять ласковым словом». Неудивительно, что вскоре замечательную грудь ласковой, «застенчивой и стыдливой Лидочки» украсит и орден боевого Красного Знамени, и другие боевые награды.

Как всякий двоеженец, Жуков был ханжа и непримиримый борец с развратом. Екатерина Катукова ему это припомнила: «Была у маршала Жукова еще одна слабость: он любил поучать и читать морали. Я слышала не раз, как Георгий Константинович отчитывал генералов за «плохое» отношение к семье. Сам же Георгий Константинович не был положительным примером верного супруга. На фронте имел женщину, которую все называли «маленькой царевной» (обыч-

ное дело: взяточники борются с коррупцией, педофилы защищают права детей, а многоженец терпеть не может «бытовой распущенности»).

В том-то и обида, что абсолютное большинство советских военачальников (да тот же Попель, строчивший на Катукова «объективки») на фронте «имели женщину», и она не мешала им «в работе». Разница лишь в том, что вдовец Катуков своей любви не скрывал и имел серьезные намерения: «Михаил Ефимович не стыдился идти рядом со мной. Мы всегда в кино, на концертах садились вместе. Он накидывал мне на плечи свою шинель. Никогда не прятал меня в укромное место (например, в шкаф!), как это делали В.И. Чуйков, А.И. Еременко, П.А. Ротмистров, С.И. Богданов и многие другие, когда узнавали, что приезжает высокое начальство, – они не хотели афишировать своих отношений с женщиной».

По наблюдению пешего пехотинца, сержанта 221-го стрелкового полка 77-й гвардейской дивизии, Героя Советского Союза Александра Левчука:

«Полевой жены только у Ваньки-взводного не было, уж больно не живуч он был. Пару атак, и нет взводного. А уже у ротного жена походная была, может, и не одна. А у комбата или там у командира полка никто и не считал. А среди нас какие девчата! Мы грязные да чумазые, одним словом, пехота. Но оно и добре, я вам скажу. А то бы те девчата всю бы галушку нам испортили. Кто бы тогда воевал?»

Но и на передовой не все так грустно: «Разведчики садят-

ся в кружок, перебрасываются шутками. Среди них одна девица, очень красивая. К ней обращаются со словами, из которых можно понять, что жизнь в этом маленьком подразделении течет по обычаям первобытного коммунизма. Все у них общее, и красавица Катька, и оставшаяся в тылу повариха Наташка тоже общие. Они дарят разведчиков своей любовью…»

Оставим новейшим исследователям вопрос, насколько эти «нюансы» повышали боеспособность РККА.

Как раз в это время сержант Николай Никулин получил в разведывательном поиске очередную дырку в шкуре и, привычно радуясь тому, что рана, кажется, не очень серьезная, – «Господи, Боже мой! Как же мне везет! Кости не перебиты, голова и живот целы!» – отправился своим ходом в благословенный тыл:

«Теперь уже кругом много наших войск. Какие-то кухни, мастерские, машины. На полянке два упитанных молодца играют в волейбол. Ловко пасуют мяч один другому. Чистые, краснощекие, гладко выбритые. И гимнастерки на них без пятнышка. Будто и войны нет.

Поразительная разница существует между передовой, где льется кровь, где страдание, где смерть, где не поднять головы под пулями и осколками, где голод и страх, непосильная работа, жара летом, мороз зимой, где и жить-то невозможно, – тылами. Здесь, в тылу, другой мир. Здесь находится начальство, здесь штабы, стоят тяжелые орудия, распо-

ложены склады, медсанбаты. Изредка сюда долетают снаряды или сбросит бомбу самолет. Убитые и раненые тут редкость. Не война, а курорт! Те, кто на передовой, – не жильцы. Они обречены. Спасение им – лишь ранение. Те, кто в тылу, останутся живы, если их не переведут вперед, когда иссякнут ряды наступающих. Они останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов. Отрастят животы, обзаведутся лысинами, украсят грудь памятными медалями, орденами и будут рассказывать, как геройски они воевали, как разгромили Гитлера. И сами в это уверуют! Они-то и похоронят светлую память о тех, кто погиб и кто действительно воевал! Они представят войну, о которой сами мало что знают, в романтическом ореоле. Как все было хорошо! Как прекрасно! Какие мы герои! И то, что война – ужас, смерть, голод, подлость, подлость и подлость, отойдет на второй план. Настоящие же фронтовики, которых осталось полтора человека, да и те чокнутые, порченые, будут молчать в тряпочку. А начальство, которое тоже в значительной мере останется в живых, погрязнет в склоках: кто воевал хорошо, кто плохо, а вот если бы меня послушали!

Но самую подлую роль сыграли газетчики. На войне они делали свой капитал на трупах, питались падалью. Сидели в тылу, ни за что не отвечали и писали статьи – лозунги с розовой водичкой. А после войны стали выпускать книги, в которых все передергивали, все оправдывали, совершенно забыв подлость, мерзость и головотяпство, составлявшие

основу фронтовой жизни. Вместо того чтобы честно разобраться в причинах недостатков, чему-то научиться, чтобы не повторять случившегося впредь, – все замазали и залакировали. Уроки, данные войной, таким образом, прошли впустую…

В тылу и отличиться проще. Воюют и умирают где-то на передовой, а реляции пишут здесь».

В тылу научились воевать с комфортом. Генералы, чекисты, партийные воротилы, хозяйственники почувствовали вкус к красивой жизни, притерлись друг к другу, приспособились из войны извлекать прибыль, не забывая делиться с вышестоящим начальством, особистами и прокурорами, которые тоже хотели прилично питаться. Потому, несмотря на грозные приказы Наркома обороны, в действующей армии воровали в возрастающих масштабах – война всё спишет, если нет – запишем «фрицам» в счет репараций. К примеру, после передачи Жуковым Коневу 1-го Украинского фронта там не очень-то и глубоко копнула комиссия Госконтроля. Результатом проверки стал приказ заместителя Наркома обороны № 230 от 19 июня 1944 года «О разбазаривании подарочного фонда в Управлении командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта и привлечении за это виновных к ответственности»:

«Заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-майор Петров и помощник командующего генерал-майор Орловский завезли на

полевой фронтовой склад бронетанкового имущества около 2 вагонов подарков с продовольствием и вещевым имуществом, полученных от Монгольской Народной Республики, не оприходовали их и разбазарили.

По распоряжению генерал-майора Петрова выдано командованию бронетанковых и механизированных войск фронта (на 6 человек, в том числе и себе) более 42 пудов и начальникам отделов (на 11 человек) – более 66 пудов мяса, масла сливочного, колбасы, конфет и др. Большая часть этих продуктов была отправлена на автомашинах в Москву. Его же распоряжением выданы 11 посылок с продуктами весом до 4 пудов каждая вольнонаемным работникам управления и несколько посылок посторонним лицам.

По распоряжению генерал-майора Орловского было отправлено на автомашине в Москву 267 кг свинины, 125 кг баранины и 114 кг масла сливочного для передачи руководящим работникам центральных управлений командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Эти продукты на день проверки переданы по назначению не были и хранились в сарае при квартире представителя УК бронетанковыми и механизированными войсками фронта майора Дюжник.

Кроме того, генерал-майор Орловский отправил в Москву 80 кг масла сливочного и 5 коз и другие продукты работникам Главного бронетанкового управления Красной Армии и своей жене.

От своего начальника Орловского не отставал и его подчиненный Тарасенко…

По распоряжению начальника штаба командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта полковника Маряхина выдано: начальнику штаба командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-майору Салминову – 51 кг мяса, 20 кг масла сливочного, 8 кг колбасы и 10 кг печенья; начальнику 8-го отдела 1-го Украинского фронта Шахрай – 5 кг масла сливочного, 3 кг колбасы, 5 кг печенья и 3 кг конфет.

Адъютант бывшего командующего бронетанковыми и механизированнми войсками фронта капитан Фридман получил 278 кг мяса, 147 кг масла сливочного, 90 кг колбасы, 115 кг печенья, 83 кг конфет, 108 кг мыла, а всего около тонны продуктов, из которых семье бывшего командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта передано только 180 – 200 кг всех продуктов.

Этот же Фридман получил без оправдания документами, якобы для монгольской делегации, 205 кг мяса, 20 кг масла, 25 кг колбасы, 20 кг конфет, 20 кг печенья и 20 кг мыла.

По сохранившимся документам установлено, что в управлении бронетанковыми и механизированными войсками 1–го Украинского фронта за короткий промежуток времени разбазарено таким образом: 15 123 кг мяса, 1959 кг колбасы, 3000 кг масла сливочного, 2100 кг печенья, 890 кг конфет, 563 кг мыла, 100 шт. полушубков, 100 шт. шине-

лей, 80 шт. меховых жилетов, 100 пар валенок, 100 пар сапог и другое имущество.

Все эти безобразнейшие факты свидетельствуют о потере чувства ответственности перед государством за сохранность народного достояния у отдельных руководящих работников управления бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта, забывших о том, что подарки Красной Армии от населения предназначаются прежде всего для выдачи бойцам и командирам, особенно отличившимся в боях с противником на фронте Отечественной войны».

Непосредственным начальником банды мздоимцев, обосновавшихся под вывеской управления бронетанковых и механизированных войск фронта, был генерал-лейтенант Н.А. Новиков. Он, как утверждают биографы, обладал оперативным талантом и «хорошо знал нужды танкистов», но, видимо, не слишком интересовался вопросом, из каких сусеков его заместители тоннами наскребают подношения для «передачи руководящим работникам центральных управлений» и «выдачи командованию» с доставкой в московские квартиры. Все просто: Петрович, организуй!

В приказной части маршал А.М. Василевский поставил военному прокурору фронта задачу «расследовать факты» и привлечь к судебной ответственности генерала Орловского, полковника Маряхина, майора Тарасенко, капитана Фридмана.

Генералу Петрову «за использование служебного положения в личных корыстных целях» объявили выговор. Генералу Салманову за получение взяток поставили на вид. Генералу Новикову велели все, что недоразворовано из продуктов, сдать в госпитали «на дополнительное питание больных и раненых», а «разбазаренное» вещевое имущество – записать в аттестаты генералов и офицеров, принимавших подарки.

В целом все закончилось хорошо, как в мексиканских сериалах. Генерал-лейтенанту Н.А. Новикову через полтора месяца присвоили звание генерал-полковник за Ясско-Кишиневскую операцию. Генерал-майор М.Ф. Салманов стал командиром 12-го гвардейского танкового корпуса, генерал-майор И.И. Петров – генерал-лейтенантом. Честно говоря, не знаю, кого реально привлекли к судебной ответственности, может, капитана Фридмана? Во всяком случае, генерал-майор В.В. Орловский в январе 1945 года оставался при своей должности, после войны он получил генерал-лейтенанта и стал начальником ТУ ГБТУ. Но самую большую карьеру сделал полковник С.С. Маряхин: он дослужился до генерала армии, командовал войсками Белорусского военного округа, в 1968 – 1972 годах был заместителем министра обороны по тылу. Относительно недавно (01.10.2009) газета «Красная звезда» посвятила Сергею Степановичу и его коллегам статью под заголовком «Тыл возглавляли достойные»!

* * *

Неустанно подстегивая свои войска, Жуков одновременно требовал от Ставки поторопить соседей:

«…Если левый фланг К.К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу приказать К.К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И.С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер».

Наконец, 2 февраля 40-я гвардейская танковая бригада подполковника М.А. Смирнова захватила Геритц и вступила в бой на южной окраине Кюстрина. 44-я гвардейская танковая бригада переправила мотопехоту и часть артиллерии через Одер южнее Геритца. К вечеру плацдарм был расширен по фронту до 8 километров и в глубину до 6 километров.

Армия Чуйкова двигалась к Одеру южнее Варты двумя корпусами. Продвижение задерживали разрозненные части противника, цепляясь за узлы дорог, отдельные населенные пункты и лесные массивы. 29 января 4-й гвардейский стрелковый корпус (35, 47, 57-я дивизии) генерал-лейтенанта Глазунова пересек границу и вступил в сражение с 433-й резервной дивизией, удерживавшей 60-километровый участок по-

перек долины реки Варта севернее Шверина. Немцы продержались два дня, потом их оборона была проломлена гвардейцами с фронта, а в тыл ударом через Ландсберг вышла 416-я дивизия 5-й ударной армии, перерезавшая пути снабжения и отхода. Генерал Любе был ранен и попал в плен.

«К нашему счастью, – вспоминает В.И. Чуйков, – прибывшие сюда гитлеровцы свежей, полностью укомплектованной дивизии тоже, по-видимому, плохо знали расположение своих укреплений и поэтому не смогли использовать полностью мощь своего огня и выгоды позиций, дрались не особенно искусно, хотя и упорно. Если бы командование немецкой дивизии лучше знало оборонительный рубеж и имело хотя бы двое суток, чтобы разобраться в обстановке и организовать систему огня и взаимодействия, то трудно сказать, как обернулось бы для нас дело. Пожалуй, пришлось бы вести длительные бои и нести большие потери. Противник был застигнут врасплох… 31 января за один день наши войска почти полностью преодолели укрепленный район и разгромили свежую пятнадцатитысячную дивизию генерала Любе».

На самом деле 433-я пехотная дивизия представляла собой учебное соединение двухполкового состава численностью около 4000 человек. Большинство солдат – ограниченно годные призывники старшего возраста. Артиллерия «полностью укомплектованной дивизии» была представлена шестью гаубицам калибра 152 мм и 105 мм, тремя 75-мм орудиями и шестью 88-мм противотанковыми пушками. Боевой

путь соединения оказался настолько коротким, что даже в фундаментальном труде Б. Мюллера-Гиллебранда о дивизии написано странное: «С февраля 1945 г. отмечалась на Восточном фронте (на картографических материалах). Неясно, шла ли здесь речь о 433-м запасном дивизионном штабе армии резерва, который вместе с приданными ему частями и подразделениями ошибочно обозначался как 433-я пехотная дивизия, или же речь шла о 433-й пехотной дивизии, сформированной на базе этого штаба». С точно такими «свежими частями, прибывшими с запада», – видимо, с 463-й резервной дивизией, но менее успешно вел бои на левом фланге армии 28-й гвардейский стрелковый корпус.

Реки Одер 4-й гвардейский стрелковый корпус достиг вечером 2 февраля. С утра следующего дня подразделения 8-й гвардейской армии под прикрытием 16-й зенитно-артиллерийской дивизии принимали плацдармы от бригад Катукова южнее русла реки Варта и занимали новые.

Еще южнее на Одер выходили войска 69-й и 33-й армий.

В начале февраля на плацдармах разгорелись напряженные бои. Противник начал контратаковать почти сразу, бросая на передовую все, что имелось под рукой. Обе стороны наращивали силы, но у немцев это выходило быстрее. Численность самолетов в составе 6-го воздушного флота была доведена до 1830 единиц, в то время как аэродромы 16-й воздушной армии оказались далеко от линии фронта. Отстала советская артиллерия, отстали тылы, оторвались тяжелые

танки и инженерная техника, сказывалась нехватка горючего и боеприпасов – обеспеченность ими составляла ползаправки и полбоекомплекта. Повернули на север танковые армии. Резко изменилась погода – пришла ранняя весна, раскисли дороги и полевые аэродромы.

В район Кюстрина с Западного фронта прибыла 25-я танко-гренадерская дивизия, с ходу атаковавшая дивизии Берзарина. 2 февраля в полосе 5-й ударной армии появились вновь сформированные пехотные дивизии 303-я «Деберитц» и 309-я «Берлин». Все прибывшие соединения вскоре были объединены в 101-й армейский корпус под командованием генерала Вильгельма Берлина.

Против передовых частей двух корпусов Чуйкова (29-й гвардейский штурмовал Познань) активно действовали соединения 5-го горнострелкового корпуса СС – дивизия «Рэгнер» и формируемая «с колес» танко-гренадерская дивизия «Курмарк». На подходе была 21-я танковая дивизия.

Атаки сменялись контратаками, росли потери. Немецкая авиация захватила господство в воздухе и наносила мощные удары по колоннам советских войск, задерживая их продвижение к Одеру (начальник штаба 8-й гвардейской армии генерал В.А. Белявский, словно какой-нибудь «шпак», жалуется на «варварские налеты немецких самолетов»).

Маршал Жуков, еще полный оптимизма, мечтавший о том, как посадит Гитлера в клетку и доставит в Москву, слал генералу Берзарину телеграммы почти нежные:

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10 – 12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли, и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

1) зарываться глубоко в землю;

2) организовать массовый зенитный огонь;

3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;

4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2 – 3 дня – противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войсками исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить».

К концу дня 3 февраля 5-я ударная армия образовала сплошной плацдарм на левом берегу Одера до 25 километров по фронту и от 2 до 7 километров в глубину. Севернее

нее, в районе Ной Блессина, зацепилась за западный берег 82-я стрелковая дивизия 61-й армии Белова. Южнее армия Чуйкова захватила три небольших изолированных друг от друга «пятачка».

Одновременно Жукову приходилось уделять все больше внимания прикрытию своего правого фланга. В результате стремительного выхода войск 1-го Белорусского фронта на Одер и поворота основных сил 2-го Белорусского фронта на север между ними образовался разрыв, который к 25 января достиг 120 километров. Помимо этого, беспокойство вызывало усиление противника в Померании. С 27 января правое крыло 1-го Белорусского фронта обеспечивалось войсками 47-й и 61-й армий (захватившая плацдарм 82-я дивизия была передана в подчинение Берзарину) и соединениями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для прикрытия с севера 29 января была введена в сражение 1-я армия Войска Польского, а 31 января – 3-я ударная армия генерала Н.П. Симоняка (12-й гвардейский, 7-й, 79-й стрелковые корпуса).

Ведя наступление на север, войска 47-й и 61-й армий во взаимодействии с 12-м гвардейским танковым корпусом 1 февраля блокировали противника в Шнейдемюле, но город, в котором засел сильный гарнизон, снабжаемый транспортной авиацией, взять не смогли. Соединения 1-й армии Войска Польского, 47-й армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса завершили прорыв позиций Померанского вала и развернули бои к западу от него. К 3 февраля армии

правого крыла фронта вышли на рубеж севернее Быдгощ, Арнсвальде, Цедена.

С выходом советских войск к Одеру возросла угроза контрудара противника с севера. Поэтому 1 февраля для действий в этом направлении командующий фронтом развернул 2-ю гвардейскую, а на следующий день и 1-ю гвардейскую танковые армии. С 3 февраля померанской группировке противника противостояли четыре общевойсковые, две танковые армии и кавалерийский корпус, которые, отражая многочисленные атаки противника, упорно продвигались на север. На берлинском направлении остались четыре общевойсковые армии, два танковых и один кавалерийский корпус.

Казалось, до Берлина рукой подать – час езды на автомобиле. Но близок локоть, да не укусишь.

Во-первых, советские стратеги недооценили способность рейха к сопротивлению. За счет переброски войск немцы сумели восстановить фронт по Одеру и организовать новую линию обороны между Одером и Вислой.

Во-вторых, на 1-м Белорусском фронте внезапно возник кризис снабжения.

Ценой неимоверных усилий буквально за десять суток – к 29 января – советские железнодорожные бригады и мобилизованное польское население восстановили Варшавский железнодорожный мост и 300-километровую двухпутную магистраль до Познани, построили перевалочные базы на стан-

ции Варшава-Западная и в районе Демблина. Это была настоящая победа тыловиков. Но именно в этот день ГКО внезапно «передумал» и велел немедленно приступить к перешивке этого направления на союзную колею: дым – в трубу, дрова – в исходное. Все надо было разбирать и начинать сначала. Причем объем работ увеличивался кратно: в Европе рельсы крепились не костылями, а привинчивались шурупами, на ряде участков вообще были приварены к металлическим шпалам. Особенно обрадовались польские крестьяне, на практике постигавшие принципы социалистического планирования: «В иные дни выходило на работу более 10 тысяч польских граждан со своими инструментами и тягловой силой, соблюдая высокую организованность и дисциплину».

В это время на висленских плацдармах лежало почти 30 тысяч тонн сэкономленных боеприпасов, а на подступах к Варшаве скопились сотни прибывших из Союза поездов с горючим, снарядами, тяжелой техникой… Автомобильный транспорт обеспечить потребности фронта не мог, поскольку расстояние от баз снабжения до действующих войск составляло 550 – 650 километров. Тогда генерал Антипенко предложил, используя трофейный подвижной состав, направить эшелоны к Кюстрину кружным маршрутом через Демблин, Лодзь, Кутно, Торунь, Быдгощ, Шнейдемюль, Ландсберг. В авангарде пустили 5-ю железнодорожную бригаду.

3 – 5 февраля на этой 1000-километровой объездной колее растянулось свыше 100 эшелонов (по 30 – 40 вагонов

каждый), но ни один из них еще не добрался к месту разгрузки.

Жукову пришлось взять паузу.

* * *

Операция, получившая в советской военной науке название Висло-Одерской, по размаху и достигнутым военно-политическим результатам была одной из крупнейших операций Второй мировой войны. В ходе ее Красная Армия разгромила немецкие войска в Польше и захватила плацдармы на западном берегу Одера. Военные действия были перенесены в центральные районы Германии.

Операция показала возросшее искусство советского командования и штабов. Генерал фон Меллентин отметил: «Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий и что Сталин был полон решимости первым войти в Берлин».

Безвозвратные потери Вермахта составили около 220 тысяч человек, в том числе 147 тысяч пленными, около 14 000 орудий и минометов, до 1400 танков и штурмовых орудий, 340 самолетов. Впрочем, к этим цифрам надо подходить с известной долей осторожности, ибо в донесениях и супостата «молотили», и брали в плен полками и дивизиями. В фронтовых штабах эти данные сразу делили на три, прежде

чем отправить итоговую сводку в Москву, иначе получалась явная несуразица, о чем поведал генерал Телегин:

«После Варшавско-Лодзинско-Познаньской операции мы стали подсчитывать, сколько же пленных было захвачено и сколько фактически поступило на сборно-пересыльные пункты в лагеря. Получилась поразительная картина. Так, например, с 14 января по 12 марта 8-я гв. армия показала нам в донесении 28 149 чел., а по декадным донесениям армией было взято 40 тыс., на фронтовые пункты – по ее же донесениям – оказалось сданными только 27 953 чел., фактически было принято от 8-й гв. армии – 5221 чел. Из 40 тысяч осталось 5 тысяч. Почему доносили, что на фронтовые пункты сдано 28 тысяч? 47-я армия донесла, что сдано на приемные пункты 61-й армии 4497 чел., а 61-я армия никакими документами не подтверждает это…

В период январских боев 1945 года штабы армий и отдельных корпусов 1-го Белорусского фронта донесли об уничтожении 1749 и о захвате 599 танков и самоходных орудий противника, что соответствовало количеству танков и самоходных орудий 2348, потребному для укомплектования четырнадцати немецких танковых дивизий.

В действительности всего в январе 1945 года перед фронтом действовали две танковые дивизии, три бригады штурмовых орудий, две мотодивизии и отдельные танковые части и подразделения общей численностью не свыше 920 единиц. А мы уже уничтожили и захватили 2348».

Общие потери двух фронтов за 23 дня операции, согласно официальным статистическим исследованиям, – 194 тысячи солдат и офицеров, безвозвратные – 44 тысячи, 1257 танков и САУ, 347 орудий и 343 самолета. Непонятно, как эти цифры стыкуются с утверждением генерал-полковника К.В. Крайнюкова: «Войска (1-го Украинского) фронта нанесли ощутимый урон противнику… Но и сами понесли немалые потери в людях и технике. Военный совет фронта ходатайствовал перед Ставкой о присылке нам 100 000 солдат, сержантов и офицеров для пополнения войск, а также о поставке 1830 танков и САУ (?)».

Восточно-Прусская операция

Восточно-Прусская операция являлась составной частью общего стратегического наступления Красной Армии.

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы отрезать «гнездо германского империализма» от центральных районов Германии, прижать восточно-прусскую группировку немцев к морю, расчленить и уничтожить ее по частям. Действия по «отрезанию» возлагались на 2-й Белорусский фронт маршала К.К. Рокоссовского, который должен был нанести глубокий удар с нижнего течения реки Нарев на Мариенбург, в направлении Данцигской бухты. Одновременно севернее Мазурских озер лобовой удар на Кёнигсберг без всяких изысков наносил 3-й Белорусский фронт под командованием 38-летнего генерала армии И.Д. Черняховского. Ему должна была оказывать содействие 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта.

Ничего нового выдумывать не пришлось. Этот вариант со «стрелами», нацеленными на Кёнигсберг и Мариенбург, с вводом в прорыв конно-механизированной армии, «прижиманием» к морю и последующим «расчленением», советские стратеги, озабоченные укреплением обороноспособности, вдумчиво проигрывали на картах еще в январе 1941 года под руководством маршала С.К. Тимошенко. Правда, «восточные», которыми командовал генерал-полковник Д.Г.

Павлов, тогда проиграли. Войска вторжения застряли на линии укрепленных районов, понесли большие потери, а затем «западные» – генерал армии Г.К. Жуков, – дождавшись подхода резервов, сосредоточив 2300 танков, нанесли мощный контрудар от Летцена на Ломжу и раскололи фронт «восточных» на две части. В январе 1945-го о таких резервах немецкие генералы могли только мечтать.

Директивы на проведение наступательных операций были доведены командованиям фронтов в ноябре–декабре.

3-му Белорусскому фронту (39, 5, 28, 2-я гвардейская, 31-я, 11-я гвардейская, 1-я воздушная армии, 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса – всего 54 стрелковые дивизии, 2 танковых корпуса, 6 отдельных танковых бригад, 1 укрепрайон – 708 тысяч человек) приказывалось разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и, преодолев 70 – 80 километров, не позднее 10 – 12-го дня операции овладеть рубежом Немониен, Норкиттен, Голдап. В дальнейшем развивать наступление на Кёнигсберг по обоим берегам реки Прегель, имея основные силы на ее южном берегу.

1-му Прибалтийскому фронту надлежало силами 43-й армии генерал-лейтенанта А.П. Белобородова наступать вдоль левого берега Немана и тем самым содействовать войскам Черняховского в разгроме тильзитской группировки.

2-й Белорусский фронт (50, 49, 3, 48-я, 2-я ударная, 65-я, 70-я, 5-я гвардейская танковая, 4-я воздушная армии, 8-й механизированный, 1, 3, 8-й гвардейские танковые, 3-й гвар-

дейский кавалерийский корпуса – 63 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии, 1 механизированный и 5 танковых корпусов, 3 отдельных танковых бригады и 3 укрепрайона – 881 тысяча человек, 2195 танков и САУ, 11 тысяч орудий и минометов) получил задачу разбить пшаснышско-млавскую группировку противника и на 10 – 11-й день овладеть рубежом Мышинец, Дзялтово, Плоцк, продвинувшись до 90 километров. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки маршалу Рокоссовскому было приказано не меньше чем одной армией, усиленной танковым или механизированным корпусом, нанести удар в обход Модлина с запада с целью не допустить отхода врага за Вислу и быть в готовности форсировать реку.

В общей сложности в операции должно было принять участие почти 1,7 миллиона солдат и офицеров, 25 426 орудий и минометов, 3859 танков и самоходных установок, 3097 боевых самолетов.

Оборона Восточной Пруссии и Северной Польши была возложена на группу армий «Центр» под командованием генерал-полковника Георга Рейнгардта. Группа занимала 550-километровый рубеж от устья Немана до устья Западного Буга и состояла из 3-й танковой, 4-й и 2-й полевых армий. В них насчитывалось 34 пехотные и народно-гренадерские, 3 танковые, 4 танко-гренадерские дивизии, одна бригада – 580 тысяч солдат и офицеров, 200 тысяч фольксштурмовцев,

8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий. Резерв группы армий составляли танковый корпус «Великая Германия», парашютно-танковый корпус «Герман Геринг», танко-гренадерская дивизия «Бранденбург», 5-я и 7-я танковые, 18-я танко-гренадерская, 23-я пехотная дивизии и 10-я самокатно-истребительная бригада. Воздушное прикрытие осуществлял частью сил все тот же 6-й воздушный флот.

К началу 1945 года значение Восточной Пруссии как военно-промышленного района и основной продовольственной базы Германии еще больше возросло. Здесь действовали крупные предприятия военной, судостроительной и машиностроительной промышленности, снабжавшие Вермахт вооружением и боеприпасами. Восточная Пруссия располагала значительными людскими ресурсами. Через ее территорию проходили пути в Померанию и на Берлин. Выдвинутые далеко на восток порты на Балтийском море позволяли германскому командованию базировать крупные силы флота, а также поддерживать связь с отрезанными в Курляндии дивизиями.

С военной точки зрения восточно-прусская группировка нависала над войсками 2-го и 1-го Белорусских фронтов, создавая угрозу планам советского командования на берлинском направлении.

Немецкие войска опирались на развитую в инженерном отношении систему обороны: сильные оборонительные полосы, эшелонированные на значительную глубину и состо-

явшие из полевых позиций и долговременных укрепленных районов. С октября 1944 года, когда опасность советского вторжения на территорию Германии стала зримо реальной, немецкое командование совершенствовало и строило заново оборонительные сооружения на территории Восточной Пруссии. Тысячи местных жителей были мобилизованы военными властями и нацистской партией на рытье окопов и противотанковых рвов. При строительстве укреплений использовались выгодные естественные рубежи, каналы, прочные каменные строения многочисленных фольварков и крупных населенных пунктов, связанных между собой хорошо развитой сетью шоссейных и железных дорог.

Генерал Эрхард Раус, командовавший 3-й танковой армией, вспоминает: «Все люди были направлены на рытье окопов и орудийных позиций. Всего гражданские строители построили в Восточной Пруссии 12 основных оборонительных линий и запасных позиций, которые были очень хорошо оборудованы. Вероятно, самой интересной выдумкой стали импровизированные пулеметные точки, которые были очень практичными и простыми. Они состояли из двух бетонных труб. Одна стояла вертикально и служила для размещения пулемета, а вторая лежала горизонтально и соединялась с основанием первой. Она служила для укрытия пулеметчиков. Эта импровизация оказалась хорошим укрытием от советских танков, ее строили за минимальное время, ее было легко перевозить на машинах, и она была очень эффективной.

Кроме этих оборонительных позиций, поперек всех дорог были вырыты длинные противотанковые рвы. Вдоль дорог рылись окопы, во всех важнейших точках сооружались противотанковые и пулеметные гнезда. Вокруг каждой деревни и фермы готовились позиции для круговой обороны».

В систему обороны входили Ильменхорстский, Летценский, Алленштейнский, Хейльсбергский, Млавский, Торуньский укрепленные районы, а также 13 старинных крепостей. Все это фортификационное великолепие достигало в глубину 150 – 200 километров.

Особое значение имело наличие в центральной части Восточной Пруссии Мазурских озер, которые разделяли наступавшие с востока войска на южную и северную группы и осложняли взаимодействие между ними. Именно в этом районе в 1914 году были разбиты русские армии вторжения под командованием генералов Самсонова и Ренненкампфа.

С моря немецкую группировку поддерживали значительные морские силы, базировавшиеся в непосредственной близости от района боевых действий.

Можно сказать, вся Восточная Пруссия, от границы до Балтийского моря, являлась огромной крепостью. Всегда. А в январе 1945-го – как никогда более. Моральный дух войск был высок. Основная масса солдат и офицеров была настроена решительно драться. Тем паче что большинство из них были местными уроженцами. Для многих Пруссия символизировала их немецкую Родину-мать.

Взятый в плен ополченец 349-й народно-гренадерской дивизии на допросе заявил, что личный состав безоговорочно верит в победу рейха: «Неважно, что мы отошли назад – мы все-таки победим. Когда и как, это дело фюрера».

В целях недопущения пораженческих настроений и вопреки предложениям военного командования, которое чисто с практической точки зрения понимало, что многочисленное гражданское население «станет невероятной помехой для сражающихся войск», не говоря уже о неизбежных жертвах, гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох запретил эвакуацию населения из угрожаемых районов. В идеале оно поголовно должно было встать под знамена фольксштурма. Или вервольфа. Даже жена Гудериана вынуждена была оставаться в имении под Дейпенгофом, подавая местным жителям пример бодрости и патриотизма.

«Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая деревня, – требовал Гитлер, – должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами».

Дело подготовки немецкого народа к «беспощадной борьбе» со всем рвением взяли в свои руки партийные функционеры. Власть военного командования распространялась только на прифронтовую полосу шириной в 10 километров, в тылу всем заправляли национал-социалисты, раскручивавшие маховик пропаганды и террора, принимавшего по-

рой «ужасающие формы», – извечная комиссарская работа. Они же руководили подразделениями фольксштурма. Даже 1-й военный округ подчинялся не группе армий «Центр», а Гиммлеру, как командующему армией резерва. В результате «разобраться, какая инстанция чем ведает, было нелегко, что чрезвычайно затрудняло всякую работу».

Этот раздрай между военными и партийными учреждениями сразу почувствовал генерал Отто Ляш, назначенный на должность командующего округом:

«Взаимоотношения между командующим группой армий генерал-полковником Рейнгардтом, у которого я побывал вскоре после вступления в должность, и гаулейтером были в высшей степени напряженными. Кох, как вновь назначенный «рейхскомиссар обороны» и начальник войск фольксштурма, делал что хотел, не считаясь с нуждами фронта… Будучи несведущими, партийные шишки, однако, распоряжались строительством позиций. Правда, тактическое руководство должно было оставаться за армией, но господин Борман давал через рейхскомиссара обороны тактические установки, и ни один крайслейтер Восточной Пруссии не позволял войсковому командиру поучать себя, если мнение этого командира расходилось с мнением Бормана. Отсюда вытекали постоянные трения и споры, пагубно сказывавшиеся на строительстве оборонительной полосы и на военной работе вообще. Однако самым вопиющим недоразумением было подчинение так называемого фольксштурма гаулейтеру,

а тем самым и партии. Старые испытанные офицеры и унтер-офицеры запаса были вынуждены выполнять противоречащие всему их опыту дилетантские приказы маленьких партийных чиновников. Гаулейтер видел в фольксштурме, пожалуй, дополнительное средство укрепления своих личных позиций и, вопреки всем моим предложениям, настаивал на своей власти… Кох, по-видимому, и в военных вопросах считал себя абсолютно компетентным, ибо заявил однажды войсковому командиру: «Если вы и впредь будете отступать на фронте, я со своим фольксштурмом загоню ваших солдат обратно на их позиции».

Группа армий «Центр» имела задачу, опираясь на сильно укрепленную оборону, остановить продвижение «большевистских орд», сковать их, а при необходимости нанести контрудар во фланг и тыл группировке советских войск, действовавших на берлинском направлении.

* * *

Непосредственно перед войсками 3-го Белорусского фронта в полосе общей протяженностью 170 километров от Сударги на Немане до Августова стояли в готовности пятнадцать дивизий из состава 3-й танковой армии генерала Рауса и 4-й армии генерала Фридриха Госсбаха – 9-й и 26-й армейские, 41-й танковый корпуса, парашютно-танковый корпус «Герман Геринг» и 5-я танковая дивизия.

Главная полоса немецкой обороны имела две укрепленные позиции глубиной до 10 километров. В 30 – 40 километрах от главной полосы располагался Ильменхорстский укрепленный район, состоявший из трех полос полевого типа. Ближние подступы к Кёнигсбергу с востока и юго-востока защищала долговременная укрепленная позиция Хейльсбергского укрепленного района. Она включала в себя в среднем до 5, а на главных направлениях до 10 – 12 дотов на 1 километр фронта – в совокупности 911 оборонительных сооружений.

Всего на кёнигсбергском направлении было создано девять оборонительных рубежей, находившихся в 12 – 15 километрах один от другого. Советским войскам светила перспектива прогрызать их поочередно без надежды выйти на оперативный простор. Поэтому рвать немецкую оборону следовало исключительно решительно, беспрерывно, высокими темпами, не позволяя противнику отойти на промежуточные рубежи и закрепиться на них.

План, разработанный в штабе генерала Черняховского, заключался в нанесении фронтального удара по группировке, оборонявшейся севернее Мазурских озер, и в дальнейшем развитии наступления на Кёнигсберг с целью охвата основных сил группы армий «Центр» с севера и последующего ее разгрома совместно с войсками 2-го Белорусского фронта. Главный удар командующий фронтом решил нанести севернее Шталлупенена в направлении на Велау, обходя с севера

мощные узлы сопротивления Гумбиннен и Инстербург. Вражескую оборону намечалось проламывать на участке шириною 24 километра силами 39, 5 и 28-й армий, каждой из которых придавалось по артиллерийской дивизии прорыва. В первый день эти армии должны были овладеть второй полосой обороны противника, чтобы обеспечить ввод в прорыв 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Для наращивания удара во втором эшелоне находилась 11-я гвардейская армия генерал-полковника К.Н. Галицкого и 1-й Краснознаменный танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова. Развертывание второго эшелона намечалось осуществить на четвертый день операции с рубежа реки Инстер. Обеспечение главной группировки фронта с севера возлагалось на правофланговые соединения 39-й армии генерал-полковника И.И. Людникова. С юга ее прикрывала 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П.Г. Чанчибадзе, которая должна была перейти в наступление на третий день в общем направлении на Даркемен. Левофланговая 31-я армия, которой командовал генерал-лейтенант П.Г. Шафранов, имела задачу прочно оборонять участок от Голдапа до Августова.

В период подготовки велась детальная разведка обороны противника, в частности, проведено сплошное аэрофотографирование укрепленных районов и оборонительных рубежей до Кёнигсберга включительно. Однако о силах врага представление имели довольно смутное. К примеру, штаб фронта, «опираясь на данные разведки», предполагал, что с

немецкой стороны оборону держат 24 дивизии, в том числе 7 танковых дивизий и 6 бригад штурмовых орудий. Соответственно, наши «штирлицы» насчитали у противника до 1000 танков и 900 штурмовых орудий, хотя на самом деле их всех вместе было 367 штук. Исходя из этих данных, значительно завышавших силы противника, и был составлен примитивно «ломовой» план операции, предусматривавший поэтапное, с темпом 16 – 18 километров в сутки, перемалывание всего, что встретится на пути 3-го Белорусского фронта.

Учитывая наличие сильных оборонительных укреплений на переднем крае, генерал Черняховский сконцентрировал силы и средства на узких участках прорыва. В результате проведенных перегруппировок была достигнута плотность артиллерии 160 – 220 орудий и минометов на километр фронта. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 120 минут. На ее проведение было выделено 1,5 – 2 боекомплекта, что составляло до 50% общего количества боеприпасов, имевшихся на фронте. А имелось их весьма и весьма немало. Маршал А.М. Василевский отмечает, что «Восточно-Прусская операция по расходу боеприпасов не имела себе равных среди всех операций в истории войн. Два фронта получили 13,3 миллиона снарядов и мин, 620 миллионов патронов, 2,2 миллиона ручных гранат». К участию в авиационной подготовке, кроме самолетов 1-й воздушной армии генерал-полковника Т.Т. Хрюкина (12 авиационных дивизий и 5 отдельных полков), намечалось при-

влечь часть сил 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта и недавно образованной 18-й воздушной армии АДД. Координацию действий воздушных армад осуществлял представитель Ставки маршал авиации Ф.Я. Фалалеев.

Подготавливая исходные районы, войска отрыли около 2,2 тысячи километров траншей и ходов сообщения, оборудовали более 2 тысяч командных и наблюдательных пунктов, 10,4 тысячи блиндажей и землянок, подготовили пути подвоза, склады, проходы для танков и многое другое.

Мероприятия, проводимые в полосе 3-го Белорусского фронта, не составляли тайны для немецкого командования:

«Люфтваффе ежедневно фотографировали все эти работы, и на фотоснимках были ясно видны новые сооружения, следы автомобилей, ведущие к складам боеприпасов и артиллерийским позициям. Наши агенты сообщали о прибытии новых дивизий. Несколько перехваченных радиограмм раскрыли положение многих передовых командных пунктов, хотя русские старательно хранили радиомолчание. Все эти признаки четко показывали, где именно 3-й Белорусский фронт нанесет главный удар и какие силы собраны для этого. Русские вели подготовку с утомительной методичностью. Артиллерийские наблюдатели занимали только что построенные корректировочные посты…

Пикировщики начали бомбить и обстреливать наши пути отхода, командные пункты и города непосредственно за линией фронта. Мы засекли интенсивные передвижения рус-

ских войск к фронту, особенно ночью 8 и 10 января. Это были неопровержимые доказательства подготовки наступления…»

В оперативной сводке 3-й немецкой танковой армии за 11 января 1945 года отмечалось, что «противник через 2 – 3 дня будет готов к наступательным действиям». На следующей день в донесении штаба армии говорилось, что «подготовка противника к наступлению перед фронтом 3-й танковой армии, видимо, закончена». Данные войсковых наблюдателей, агентуры, авиационной разведки и радиоперехватов подтверждались советскими перебежчиками.

Определить наиболее вероятные направления ударов советских армий в принципе не составляло труда – севернее и южнее Мазурских болот. Самым удобным по условиям местности для действий всех родов войск являлось инстербургское направление. Именно здесь на участке протяженностью 20 километров генерал Раус разместил четыре дивизии 26-го армейского корпуса (56-я и 69-я пехотные, 349-я и 549-я народно-гренадерские), почти все штурмовые орудия, армейскую артиллерию, зенитный полк и бригаду шестиствольных минометов. Позади корпуса, которым командовал генерал Герхард Матцки, находился армейский резерв – 5-я танковая дивизия со всеми своими 50 танками. Остальные 140 километров фронта 3-й танковой армии прикрывали четыре дивизии 9-го армейского корпуса (286-я охранная, 548, 551, 561-я народно-гренадерские) генерала Рольфа Вюттмана.

Вечером 12 января, получив сведения о выдвижении советских войск в исходные районы для атаки, Раус приказал, оставив боевое охранение, эвакуировать первые две линии траншей.

* * *

Маршал Рокоссовский решил нанести главный удар с ружанского плацдарма на реке Нарев силами 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий. Прорвав оборону противника на 18-километровом участке, они должны были наступать на Млаву, Мариенбург, обходя с юга Алленштейнский и Летценский укрепленные районы. Для расширения прорыва к северу 3-я армия генерал-полковника А.В. Горбатова получила задачу нанести удар на Алленштейн. В том же направлении предполагалось ввести резерв фронта – 3-й гвардейский кавалерийский корпус, который должен был перерезать противнику основные пути отхода на запад. 49-я армия генерал-лейтенанта И.Т. Гришина, находившаяся во втором эшелоне, имела задачу главными силами перейти в наступление на Мышинец, используя прорыв в полосе 3-й армии.

Второй удар наносился с сероцкого плацдарма силами 65-й и 70-й армий и 1-го гвардейского Донского танкового корпуса. Армии должны были прорвать оборону на 10-километровом участке и наступать в направлении Насельск, Бельск.

Одновременно 70-я армия генерал-полковника В.С. Попова должна была частью сил не допустить отхода варшавской группировки противника за Вислу и быть в готовности форсировать ее западнее Модлина.

На 50-ю армию генерал-полковника И.В. Болдина возлагалась оборона участка фронта от Августова до Новогруда.

«Силы были внушительные, – вспоминает Рокоссовский, – и соответствовали поставленной перед нами задаче». Правда, маршала беспокоило отсутствие взаимодействия с соседом справа: «Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский будет наносить свой первый удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому, считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может». Главное было поддерживать тесную локтевую связь с нацеленным на Берлин фронтом маршала Жукова. На взаимодействии с ним Ставка «настаивала категорически».

Наступление планировалось начать полуторачасовой артиллерийской подготовкой с плотностью от 180 до 300 орудий и минометов на километр фронта. Боеприпасов было приказано не жалеть. Как вспоминает генерал армии П.И. Батов, командовавший 65-й армией: «Еще когда обсуждался план артиллерийской подготовки, генерал-полковник А.К. Сокольский сказал: «Снарядов получите столько, сколько

сможете вывезти». Такой щедрости мы до сих пор не знали… Небывалый по силе огневой удар был особенностью январского наступления (мы имели артиллерийский корпус прорыва и девять отдельных пушечных полков)».

Еще больше, по свидетельству маршала артиллерии К.П. Казакова, «имели» во 2-й ударной: «В оперативное подчинение армии поступил 8-й артиллерийский корпус прорыва в составе 1-й и 23-й артиллерийских дивизий, затем еще три дивизии – 26-я артиллерийская, 4-я гвардейская минометная и 47-я зенитно-артиллерийская. К началу января мы кроме штатной армейской, корпусной и дивизионной артиллерии располагали еще 18 артиллерийскими, минометными и гвардейскими минометными бригадами. Шесть артиллерийских бригад имели на вооружении тяжелые орудия и орудия большой мощности, а одна минометная бригада – новые 160-мм минометы… На участке прорыва 381-й дивизии плотность артиллерии была наивысшей из тех, что я знал за всю войну, – 468 стволов».

Авиаторы 4-й воздушной армии (14 авиационных дивизий и 4 отдельных полка – более 1500 боевых самолетов) генерал-полковника К.А. Вершинина в первый день наступления должны были совершить 1400 вылетов, только для непосредственной поддержки войск 48-й и 2-й ударной армий было выделено четыре штурмовые авиационные дивизии – почти 400 самолетов, «построенных» в восемь эшелонов.

С целью обеспечения внезапности разведку боем накану-

не наступления было приказано не предпринимать, а провести ее штурмовыми батальонами в первые пятнадцать минут артподготовки.

Замполиты и агитаторы, армейские газеты и «дивизионки» весь период занимались «политической мобилизацией войск», которая, по утверждению начальника политуправления фронта генерал-лейтенанта А.Д. Окорокова, была «неразрывно связана с воспитанием ненависти к врагу – германскому фашизму»: «Проводя беседы и митинги, политработники широко использовали материалы Чрезвычайной комиссии, расследовавшей зверства гитлеровцев на территории СССР, сообщение Совинформбюро о злодейском убийстве советских парламентеров под Будапештом, письма людей, испытавших на себе ужасы фашистского гнета. По инициативе начальника политотдела 48-й армии генерал-майора И.И. Михальчука политработники опросили бойцов и офицеров, кто из них имеет личный счет к фашистам. Только в 68-й артиллерийской бригаде из 842 опрошенных 609 человек заявили, что оккупанты убили или угнали в Германию их родственников». Понятно, что все эти «инициативы снизу» являлись типичной формой доведения до личного состава генеральной линии партии. Генерал В.В. Крайнюков использовал аналогичные приемы на 1-м Украинском фронте: «Наиболее действенными формами воспитания ненависти к врагу являлись митинги, после которых бойцы открывали личные счета мести с оккупантами… Получилось так,

что каждый солдат, сержант и офицер батальона был вправе предъявить свой особый счет врагу. Но и общий счет к гитлеровцам у нас был огромный».

Против левого крыла 2-го Белорусского фронта держали оборону 20, 23 и 27-й армейские корпуса 2-й армии генерала Вейса. В резерве находились танковый корпус «Великая Германия» и 7-я танковая дивизия.

Здесь немцы также качественно окопались, поэтому Рокоссовский не верил, что они оставят позиции по собственной инициативе: «Раньше не раз случалось, что противник еще до нашей артподготовки отводил свои войска в глубину, чтобы мы израсходовали боеприпасы по пустому месту. Сейчас он вряд ли пойдет на это. У него сильные позиции, изобилующие опорными пунктами и долговременными укреплениями с фортами, правда, старого типа, но хорошо приспособленными к обороне. Добровольный отход противника с этих позиций только облегчил бы нам задачу. И он, конечно, не решится их покинуть. Что ж, будем выковыривать гитлеровцев из их бетонных нор. Сил у нас хватит».

Кстати, маршал, следуя в русле советской исторической мысли, тоже отметил в мемуаре, что, выполняя союзнический долг, «чтобы вызволить из беды американские и английские войска», он вынужден был сократить сроки подготовки операции, хотя сам еще в конце декабря установил для 5-й гвардейской танковой армии срок готовности «немногим более двух недель».

* * *

В ночь на 13 января ударные группировки 3-го Белорусского фронта заняли исходное положение для атаки. К этому времени уже было ясно, что ни о каком использовании авиации не может быть и речи: погода установилась отвратительная – туман, густой мокрый снег, практически нулевая видимость. В 6 часов утра передовые батальоны должны были провести разведку боем, а в 9.15 залпом «катюш» начиналась артиллерийская подготовка по всей полосе прорыва. Однако в 5.30 по местам сосредоточения советских войск нанесла упреждающий удар немецкая артиллерия. В результате огневого налета «понесли некоторые потери» части 72-го стрелкового корпуса.

Советская артподготовка началась точно по плану, хотя Черняховский и пытался перенести ее на более позднее время. За два часа стрельбы в туман артиллерия одной только 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова выпустила более 117 тысяч снарядов (всего за первые два дня наступления, с гордостью сообщает маршал А.М. Василевский, войска 3-го Белорусского фронта израсходовали более 1000 вагонов основных номенклатур боеприпасов). Поскольку по условиям видимости корректировка огня была исключена, он велся по площадям и преимущественно по первой линии траншей, оставленной противником, – фактически по пустому месту.

О чем генерал Раус вспоминает не без удовольствия: «Эвакуация первых двух линий прошла тихо… Когда наша пехота и артиллерия заняли боевые позиции, их передний край находился на третьей линии траншей. Русские обстреливали все замеченные цели на участке атаки на 5 километров в глубину – покинутые города и бывшие командные пункты. Наши резервы, укрывшись в лесу, остались целы». Немцы полностью сохранили систему огня и управления, потери пехоты были невелики.

В 11 часов пошли в атаку первые эшелоны 39, 5 и 28-й армий, сравнительно быстро и легко овладевшие первой линией траншей. Раус отмечает: «В рапортах русских командиров сообщается о захвате первой и второй линий обороны, но не говорится ни слова о пленных и трофеях». Уже на подходе ко второй линии советская пехота была прижата к земле залпами немецких гаубиц и реактивных «небельверферов». Началось методичное «прогрызание» оборонительных рубежей. В результате первого дня наступления, несмотря на ввод вторых эшелонов, 39-я и 5-я армии сумели продвинуться всего на 2 – 3 километра, и только 28-я армия генерал-лейтенанта А.А. Лучинского (3-й гвардейский, 20-й, 128-й стрелковые корпуса, 213-я танковая бригада) – до 7 километров. Таким образом, 13 января войска ударной группировки фронта поставленной задачи не выполнили.

Командовавший 11-й гвардейской армией генерал-полковник К.Н. Галицкий, который должен был начать выдви-

жение своих дивизий, но так и не сдвинулся с места, собрал штаб и командиров корпусов для обмена мнениями:

«Мы пришли к выводу, что основные причины невыполнения боевой задачи дня заключались не только в трудных метеорологических условиях, но и в недочетах руководства в некоторых соединениях и частях первого эшелона. Некоторые командиры и штабы дивизий и корпусов не учитывали особенности плохой погоды, ограничивавших зрительное наблюдение, не видели хода и результатов боя. Так, во второй половине дня командный пункт командира 54-й гвардейской стрелковой дивизии находился в 8,5, а наблюдательный пункт в 5,5 км от наступавших войск. В 72-м стрелковом корпусе 5-й армии, подвергшемся сильному огневому налету противника, нарушилось взаимодействие пехоты, артиллерии и танков. Танки и самоходная артиллерия отставали от пехоты. Сплошной туман не позволял артиллеристам своевременно обнаруживать и подавлять цели. Стрелковым батальонам и ротам не было придано необходимое количество орудий сопровождения для стрельбы прямой наводкой. Кроме того, недостаточно организованно проводилась инженерная разведка. В результате разминирование заграждений запаздывало. Это задерживало наступление пехоты и боевой техники».

Потерянное время было использовано противником для подтягивания резервов и уплотнения боевых порядков на участке прорыва.

С утра 14 января немецкая пехота начала контратаки при поддержке 190-го батальона штурмовых орудий и 5-й танковой дивизии генерала Гюнтера фон Хоффман-Шёнборна. Развернулись кровопролитные бои, особенно в районе Каттенау, хорошо укрепленном и господствовавшем над окружающей местностью. Отдельные пункты и узлы сопротивления несколько раз переходили из рук в руки. И хотя советская авиация, пользуясь улучшением метеорологических условий, подвергла оборону противника ожесточенной бомбардировке, войска фронта в этот день смогли продвинуться на отдельных участках не более чем на 3 километра.

15 января соединения 5-й армии (72, 45, 65-й стрелковые корпуса, 2-я гвардейская танковая бригада) преодолели еще 4 километра, остальные армии 1 – 2 километра. Советские войска несли тяжелые потери: «Трупы русских лежали грудами, особенно много их было на склонах высот среди подбитых и сгоревших танков».

Лейтенант И.Л. Деген был командиром роты во 2-й гвардейской танковой бригаде, приданной 5-й армии:

«Проходы в минных полях нам обеспечивал 21 танк-тральщик. А потом в атаку пошли 65 танков нашей бригады и два тяжелотанковых полка – 42 танка ИС-2 *(75-й и 82-й гвардейские танковые полки. – Авт.) и еще 42 установки САУ-152 (373-й и 395-й гвардейские тяжелые самоходно-артиллерийские полки. – Авт.)*. Задачу для такой армады поставили скромную – к вечеру захватить Вилькупен,

прорваться вперед на 14 километров. Но в первый день мы смогли пройти всего два километра и вскоре отступили на километр. Немцы ставили орудия в подвалах каменных домов. Между домами были натыканы доты с бетонными стенами двухметровой толщины. По нас вели дикий огонь. Доставалось еще от «фольксштурмистов», вооруженных фаустпатронами. Дошли мы до этого Вилькупена только на пятый день и только благодаря саперам-подрывникам. Танки блокировали «гнезда» дотов, саперы закладывали по полтонны взрывчатки и подрывали немцев. Но на девятый день наступления от всей нашей танковой махины осталось всего шесть танков Т-34, два ИС-2 и четыре самоходки. Из моей роты уцелел только экипаж старшего лейтенанта Федорова».

Конечно, постепенно перемалывались и немецкие части. Однако в целом сложившаяся ситуация грозила затуханием наступления и провалом всей операции.

Чтобы завершить прорыв тактической зоны обороны противника и помешать ему маневрировать силами, требовалось нарастить мощь удара и активизировать действия войск на флангах ударной группировки. 16 января южнее Гумбиннена перешла в наступление 2-я гвардейская армия (11-й, 13-й гвардейские, 60-й стрелковые корпуса, 153-я танковая бригада); в полосе 5-й армии по приказу Черняховского при поддержке девяти (!) авиационных дивизий был введен в дело 2-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного (229 танков и самоходно-артиллерийских

установок). Эффект оказался незначительным. Армия Чанчибадзе, конечно, сковала какие-то силы противника, но сама почти не продвинулась вперед. Что касается Тацинского корпуса, то с его помощью удалось захватить два опорных пункта – Куссен и Радшен, «но этот успех не компенсировал больших потерь»: «Десятки штурмовых орудий и сотни фаустпатронов задержали наступление 2-го танкового корпуса, который был вынужден вместо развития успеха в глубине обороны завершать прорыв ее, подвергаясь ударам с хорошо замаскированных позиций».

Так совпало, что именно в это время по приказу Гитлера началась переброска в Польшу мотодивизий «Бранденбург» и «Герман Геринг». Гудериан абсолютно прав, утверждая, что эти боеспособные соединения были сняты с оборонительных рубежей в Восточной Пруссии «в такое время, когда там назревал кризис русского наступления», а их вывод означал, «что в Восточной Пруссии начнется такая же катастрофа, какая произошла на Висле».

Вклинение советских войск в оборону в районе Куссена угрожало окружением части сил 9-го армейского корпуса в так называемом лазденененском выступе. Стремясь избежать этого, лишившись резервов, Рейнгардт вечером 16 января разрешил отвести корпус генерала Вюттмана из этого района на правый берег реки Инстер. Сюда же следовало отступить левофланговым дивизиям 26-го армейского корпуса. Установив отход противника, соединения 39-й армии генерала

Людникова (113-й, 5-й гвардейский, 94-й стрелковые корпуса, 28-я гвардейская танковая бригада) приступили к преследованию, стремясь окружить части 548-й и 561-й народно-гренадерских дивизий. В то же время 5-я и 28-я армии продолжали топтаться перед второй полосой обороны, хотя авиация двух воздушных армий совершила в этот день более 2800 самолето-вылетов.

Учитывая обстановку, командующий фронтом решил немедленно использовать продвижение 39-й армии для ввода второго эшелона. На это направление вначале был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова, а вслед за ним соединения 2-го гвардейского танкового корпуса, правда, потерявшего уже половину своего состава, и 11-й гвардейской армии генерала Галицкого (8, 16, 32-й гвардейские стрелковые корпуса). Армии были приданы 2-я гвардейская и 34-я зенитная артиллерийские дивизии, 120-я танковая, 21-я и 46-я истребительно-противотанковые, 9-я инженерно-штурмовая бригады, 42-й и 54-й гвардейские минометные, 75-й тяжелый танковый, 350-й тяжелый самоходно-артиллерийский полки. В распоряжении генерала Галицкого оказалось 1436 артиллерийских стволов калибра 76 мм и выше и все силы 1-й воздушной армии.

11-й гвардейской армии и обоим танковым корпусам предстояло сосредоточиться в районе Нештонветен – Краупишкен – Ивенберг, затем мощным ударом в западном и юго-западном направлениях окончательно разгромить

тильзитскую и одновременно гумбинненско-инстербургскую группировки противника. Чтобы достичь этой цели, соединения 1-го танкового корпуса и 39-й армии должны были отрезать пути отхода тильзитской группировке, после чего совместно с частями 43-й армии, наносившим удар из района Тильзита, уничтожить ее, а 5-я и 28-я армии ударом с востока и 11-я гвардейская армия со 2-м танковым корпусом ударом с севера вдоль оборонительного рубежа по западному берегу реки Инстер – окружить в районе западнее Инстербурга и уничтожить гумбинненско-инстербургскую группировку.

В полдень 18 января 1-й танковый корпус (178 танков и САУ) вошел в прорыв на левом фланге 39-й армии. Обогнав пехоту, уничтожая на своем пути разрозненные группы противника, танкисты прошли 25 километров, достигли реки Инстер и захватили плацдармы на ее правом берегу. Создалась угроза захвата Тильзита с юга. Однако развить успех не удалось: соединения корпуса были остановлены упорным сопротивлением 551-й народно-гренадерской и 69-й пехотной дивизий. Командир последней генерал Зигфрид Рейн погиб. К исходу дня к реке вышли передовые части армии Людникова.

В то же время 5-я и 28-я армии, возобновив наступление, завершили прорыв тактической зоны обороны, хотя из-за непрерывных контратак темп продвижения оставался невысоким.

В результате шестидневных непрерывных, ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта протаранили немецкую оборону севернее Гумбиннена на участке до 60 километров и продвинулись на 30 – 40 километров в глубину. Враг был обескровлен, но, безусловно, не разбит.

С 19 января в подчинение Черняховского из состава 1-го Прибалтийского фронта была передана 43-я армия (90, 103, 54-й стрелковые корпуса) генерала А.П. Белобородова. Утром 20 января соединения армии, перейдя Неман по льду, овладели городом Тильзит.

С рубежа реки Инстер на стыке 39-й и 5-й армий в дело вступила 11-я гвардейская армия. Имея впереди два танковых корпуса, она устремилась в юго-западном направлении, овладела узлами сопротивления Гросс-Скайсгиррен и Ауловенен, а к исходу 21 января вышла к реке Прегель северо-восточнее Велау и на подступы к Инстербургу с севера. Бои шли жесточайшие. За день стрелковым дивизиям удавалась пройти не более 10 километров. При этом каждые 2 – 3 километра приходилось останавливаться, проводить перегруппировку и возобновлять наступление после мощной артподготовки. В Тацинском корпусе в строю осталось 34 танка и 25 самоходных орудий. Ввиду того что продвижение танковых корпусов замедлилось, а дивизии Белобородова наступали широким фронтом, окружить никого не удалось. Тильзитская группировка сумела отойти и занять оборону на рубеже реки Дейме.

Войска 43-й и 39-й армий приблизились к заливу Куришес-Хафф и реке Дейме. Инстербургская группировка врага была глубоко охвачена с северо-запада. В то же время наступление 5-й, 28-й и 2-й гвардейской армий застопорилось. Особенно кровопролитные бои велись на подступах к Гумбиннену. Город был взят лишь во второй половине дня 21 января.

В ночь на 22 января 11-я гвардейская армия, воюя против того же 26-го армейского корпуса и 5-й танковой дивизии, при содействии 5-й армии начала штурм Инстербурга. К утру город был захвачен советскими войсками. Дивизии 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов вышли к реке Прегель на 30-километровом участке от Тапеау до Инстенбурга, в ряде мест форсировали ее и развернулись фронтом на юг. Успехи ударной группировки фронта позволили начать движение армиям Чанчибадзе и Шафранова, продвинувшимся на даркеменском направлении от 8 до 13 километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.